

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Назаретян Каринэ Акоповна

**ПРОБЛЕМЫ ЭТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ
ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**(на примере освещения в СМИ межэтнических
и межконфессиональных отношений)**

Специальность 09.00.05 – этика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Р.Г. Апресян

Москва
2013

Содержание

Введение	3
Глава I. Общая характеристика журналистской этики	
§1.1 Ценностные приоритеты	20
§1.2 Содержание базовых нравственных ценностей журналистики	44
§1.3 Проблема совместимости ценностей	92
Глава II. Этическая регуляция освещения средствами массовой информации межэтнических и межконфессиональных отношений (страноведческий анализ)	
§2.1 Великобритания	104
§2.2 Италия	122
§2.3 Германия	140
§2.4 Россия	158
Заключение	179
Библиография	186

Введение

Вопросы нравственной регуляции журналистской деятельности стали предметом общественного внимания и профессиональной обеспокоенности журналистов более ста лет назад. Хотя зачатки этической рефлексии в журналистике можно разглядеть еще в XVII веке, зарождение журналистской этики в полноценном смысле произошло примерно в конце XIX века – вместе с формированием самой профессии, когда в Западной Европе и Америке стали появляться первые журналистские ассоциации, курсы повышения квалификации и кодифицированные этические правила. Сегодня журналистская этика институционализована сильнее, чем когда бы то ни было: существуют сотни этических кодексов, во многих странах функционируют советы по прессе, дающие оценку спорным с этической точки зрения материалам СМИ, в медиакомпаниях появляются ньюз-омбудсмены – специальные сотрудники, следящие за этической составляющей медиапродуктов своего работодателя. Однако время бросает журналистам новые вызовы, и проблемы этической регуляции журналистской деятельности стоят сегодня не менее остро, чем раньше.

Актуальность исследования. Одна из наиболее серьезных этических проблем журналистской деятельности – способ подачи социально острых материалов: обсуждение актуальных, неоднозначных, конфликтных тем в СМИ не должно усугублять положение дел и хоть как-то ущемлять интересы вовлеченных в конфликт сторон. Среди болевых точек современного общества все более заметное место занимают межэтнические и межконфессиональные отношения. Журналистика не может обходить и не обходит эту значимую общественную тему, но нередко освещение конкретных событий в этой области ведет – и по всему миру тому немало примеров – к обострению ситуации, углублению конфликтов, росту взаимного недоверия и предубежденности. Нередко это происходит вопреки намерениям журналистов, просто в силу существующих предрассудков, не всегда осознаваемых, непонимания

журналистами социально-психологических механизмов и нравственных закономерностей общественной жизни. Освещение межэтнических и межконфессиональных отношений в СМИ все более осознается и обществом, и журналистским сообществом как серьезная этическая проблема, требующая особой профессиональной ответственности.

Сегодня в мире растет нормативная активность, направленная на этическую регламентацию журналистской деятельности вообще и, в частности, в области освещения межэтнических и межконфессиональных отношений. В разных странах появляются новые этические кодексы, обсуждается возможность создания всемирного журналистского этического кодекса¹, а в 2008 году Международная федерация журналистов запустила проект «Этическая журналистика» («The Ethical Journalism Initiative»)², призванный способствовать повышению этической сознательности сотрудников СМИ по всему миру. Однако эффективность этических кодексов – как давно, так и недавно созданных – не всегда высока. Это говорит о том, что простого принятия этического кодекса профессиональной деятельности недостаточно; необходимо создание и постоянное совершенствование соответствующих нормативных механизмов, обеспечивающих действенность кодексов. Для этого необходим постоянный мониторинг режима этического регулирования, анализ связанных с этим нормативно-этических и этико-прикладных проблем, чему и посвящена данная работа.

Стремительное развитие информационных технологий на излете XX века открыло новую эру в журналистике. На смену бумажным изданиям с ограниченным тиражом и суточным циклом производства приходит интернет³, ау-

¹ *Herrscher R.* A Universal Code of Journalism Ethics: Problems, Limitations, and Proposals // *Journal of Mass Media Ethics*. 2002. Vol. 17. № 4.

² *White A.* To Tell You the Truth. The Ethical Journalism Initiative. Brussels: International Federation of Journalists, 2008.

³ По некоторым прогнозам, большинство бумажных СМИ могут исчезнуть в течение ближайших десяти лет. См., например: Главред MIT Technology Review о секретах успеха издания о технологиях // Digit.ru, 24.09.2013. URL: <http://digit.ru/it/20130924/405911561.html> (дата обращения: 09.10.13).

дитория которого измеряется миллиардами, а технология выпуска периодических интернет-изданий позволяет публиковать новости в режиме реального времени. Это вносит существенные коррективы в работу журналистов: они должны работать еще быстрее, чем раньше, так как у них нет времени до «сдачи» материала. Соответственно, сокращается время на принятие решения в нравственно неоднозначной ситуации, а это значит, что журналисту нужно лучше ориентироваться в этических ценностях и вытекающих из них правилах. Меняется и характер распространения новостей: исчезает привязанность СМИ к определенной территории – материалы даже локальных СМИ можно сегодня прочесть в любой точке планеты. Ширина охвата аудитории значительно увеличивает потенциальную возможность каждого отдельного материала влиять на общественные процессы, что накладывает на журналистов дополнительную ответственность.

В то же время, ослабление межнациональных границ привело к увеличению миграционных потоков, и вследствие изменения этно-демографической ситуации в ряде стран усиливаются межкультурные, межэтнические и межконфессиональные напряженности. Сегодня, когда информация о любом событии может быть мгновенно транслирована через интернет по всему миру, динамика возникающих конфликтов в значительной мере зависит от того, как они освещаются средствами массовой информации. При этом, с одной стороны, большинство СМИ воспринимают закрепляющиеся в обществе ценности толерантности и политкорректности и стремятся освещать события таким образом, чтобы минимизировать возможный вред от своих материалов. С другой стороны, многие журналисты, выражая противоположные общественные настроения, намеренно или ненамеренно разжигают межэтническую и межконфессиональную рознь. В этих условиях особенно важно глубоко проработать вопросы, связанные с основными нравственными ценностями журналистики, как то: насколько далеко может простираться свобода слова, что на практике могут означать социальная ответственность, правда, справедливость и т. п. Не менее важно понять, как профессиональное сообщество

щество может, опираясь на эти ценности, регулировать деятельность журналистов.

К исследованию проблем этической регуляции журналистской деятельности необходим комплексный подход, учитывающий общий контекст общественной морали, особенности журналистской этики, ситуацию с этической регуляцией освещения в СМИ конкретной выбранной для анализа темы, накопленный опыт функционирования этико-нормативных документов и пр. Такой подход не был обнаружен нами ни в одной из изученных работ на тему этической регуляции журналистики. Однако в своем исследовании мы опираемся на огромный массив литературы, где каждый из аспектов этой темы подробно разработан по отдельности.

Степень разработанности проблемы. Рассматривая журналистскую этику как часть общественной морали, мы отталкиваемся от проходивших в последние годы в России дискуссий на темы профессиональной и прикладной этики и общественной морали, инициированных НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета, а также сектором этики Института философии РАН⁴. В работах Р.Г. Апресяна, В.И. Бакштановского, А.А. Гусейнова, Ю.В. Казакова, Б.Г. Капустина, Б.Н. Кашникова, Л.В. Коноваловой, А.В. Прокофьева, А.В. Разина, Ю.В. Согомонова и др. проводится концептуальная разработка понятий «профессиональная этика», «прикладная этика» и «общественная мораль», изучаются разные подходы к их определению, рассматривается соотношение профессиональной и прикладной этик, анализируются вопросы функционирования общественной морали.

⁴ Материалы этих дискуссий опубликованы, в частности, в сборниках: Ведомости. Выпуск двадцать пятый. Общепрофессиональная этика / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004; Ведомости. Выпуск тридцать пятый, специальный. Парадигмы прикладной этики / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009; Этическая мысль. Вып. 12 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2012; Общественная мораль / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009, а также в монографиях: *Коновалова Л.В.* Прикладная этика. М.: ИФ РАН, 1998; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2005; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

Ценностный подход к пониманию морали, которого мы придерживаемся в этой диссертации, получил развитие у М. Шелера, Н. Гартмана, Д. фон Гильдебранда⁵. В отечественной литературе такой подход в этике разрабатывается Р.Г. Апресяном, который определяет мораль через ценности и соответствующие им требования и в качестве основного содержания морали выделяет ряд базовых моральных ценностей⁶. Из отечественных авторов Л.В. Максимов подробно исследовал природу и соотношение моральных ценностей; история и содержание самого понятия «ценности» глубоко анализируются в работах А.А. Ивина и В.К. Шохина⁷.

По журналистской этике как таковой работ на русском языке не так много. Это связано с тем, что российское журналистское сообщество относительно поздно включилось в общемировой процесс профессионального развития. Первый журналистский этический кодекс СССР был принят только в 1991 году, а полноценное развитие журналистской этики в России фактически началось в 1990-е годы. Одним из авторов того первого этического кодекса, так же как и действующего ныне Кодекса профессиональной этики российского журналиста, принятого в 1994 году, был Д.С. Авраамов, исследовавший вопросы профессиональной этики журналиста еще с 1980-х годов. На эту тему он долгие годы читал курс лекций МГУ им. М.В. Ломоносова и МГИМО, опубликовал немало статей, две монографии и учебное пособие, в

⁵ Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // М. Шелер Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994; Гартман Н. Этика. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002; Гильдебранд Д. фон. Этика. СПб.: Алетейя, 2001.

⁶ Апресян Р.Г. Новое эссе // Круглый стол Теоретического семинара сектора этики «Мораль: многообразие понятий и смыслов». 27.10.2012. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/27_11_2012/KS_Content.pdf (дата обращения: 24.09.2013); Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро: сборник статей / Отв. ред. О.В. Артемьева, А.М. Прокофьев. М.: Альфа-М, 2013. С. 42–47.

⁷ Максимов Л.В. Высшие ценности и мораль // Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009; Ивин А.А. Аксиология. М.: Высшая школа, 2006; Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006.

которых уделил особенное внимание опыту российской прессы конца XX – начала XIX веков⁸.

Большой вклад в исследование журналистской этики в России внесли В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов, подробно анализировавшие проблемы морального выбора журналиста, разработавшие понятие медиаэтоса и в течение многих лет реализовывавшие масштабный проект Тюменской этической медиаконвенции⁹. Один из участников этого проекта, Ю.В. Казаков, глубоко изучил проблемы журналистского саморегулирования, занимался анализом журналистских этических кодексов и исследовал вопросы нормативно-ценностных оснований журналистской деятельности¹⁰. И.М. Дзялошинский посвятил свои работы этическим аспектам коммуникации в целом и этике СМИ в частности – в том числе, вопросам агрессии и толерантности в российских СМИ и поиску диалога между СМИ и аудиторией по проблеме «речевой агрессии»¹¹. Г.В. Лазутина проанализировала сущность профессиональной морали, проведя классификацию профессионально-этических представлений журналиста¹².

Смежную проблематику – этику PR-деятельности – разрабатывает в России А. А. Разин, исследующий нравственные основания профессиональной

⁸ *Авраамов Д. С.* Профессиональная этика журналиста. М.: Издательство Московского университета, 2003.

⁹ *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002; *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Том первый. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

¹⁰ *Казаков Ю.В.* На пути к профессионально правильному. Российский медиаэтос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001; *Казаков Ю.В.* Нормативно-ценностные основания саморегулирования профессионального сообщества журналистов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Тюмень, 2002; и др.

¹¹ *Дзялошинский И.М.* Этические аспекты коммуникативного взаимодействия // Этические проблемы организационной, профессиональной и межличностной коммуникации / Ред. М.А. Пильгун. М.: АПК и ППРО, 2012; *Дзялошинский И.М.* «...Прикладная этика представляет собой коммуникацию не только внутри сообщества исследователей, но и с теми, кто такую этику осваивает» // Ведомости. Выпуск тридцать шестой. Практичность морали, действенность кодекса / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухов. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010; *Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И.* Российские СМИ: как создается образ врага. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2007.

¹² *Лазутина Г. В.* Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-пресс, 2000.

деятельности специалистов по связям с общественностью¹³. Эта тема важна для нас постольку, поскольку помогает провести разграничение между журналистикой и смежными сферами массовых коммуникаций, нравственные ценности в которых совпадают с журналистскими лишь отчасти.

К крупнейшим исследователям теории и практики журналистской этики в Европе и Америке относятся К.-Ж. Бертран, С.Дж. Вард, К. Кристианс, Дж. Меррилл¹⁴ и др. Из них К.-Ж. Бертран посвятил свои исследования анализу существующих систем журналистского саморегулирования и предпосылок для разработки новых; С.Дж. Вард подробнейшим образом исследовал историю журналистской этики в целом и ценности объективности в частности; К. Кристианс сделал вклад в изучение социально-этических вопросов и связи социальной этики с этикой СМИ; Дж. Меррилл глубоко проработал вопросы журналистской свободы и соотношения свободы слова и социальной ответственности. Все эти труды были крайне полезны для изучения особенностей журналистского саморегулирования, а также при составлении перечня базовых нравственных ценностей журналистики и реконструкции их содержания.

Исследованиями журналистских этических кодексов, в том числе на предмет выявления отраженных в них нравственных ценностей, вплотную занимались, среди прочих, Т. Лаитила, К. Робертс, К. Хафец¹⁵. О журналистских нравственных ценностях писали У. Боуман, Э. Вайэлл, Дж. Джонстоун,

¹³ *Разин А. А.* Этика PR-деятельности // *Общественная мораль* / Ред. Р. Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009.

¹⁴ *Bertrand C.J.* *Media Ethics & Accountability Systems*. New Brunswick & London: Transaction Publishers, 2000; *Ward S.J.A.* *The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006; *Christians C.G., Ferré J.P., Fackler M.* *Good news: Social ethics and the press*. N.Y.: Oxford University Press US, 1993; *Merrill J.C.* *Journalism Ethics: Philosophical Foundations for News Media*. Boston: St. Martin's press, 1997.

¹⁵ *Laitila T.* *Journalistic Codes of Ethics in Europe* // *European Journal of Communication*. 1995. Vol. 10. № 4; *Roberts C.* *Identifying and Defining Values in Media Codes of Ethics* // *Journal of Mass Media Ethics*. 2012. Vol. 27. № 2; *Hafez K.* *Journalism Ethics Revised: A Comparison of Ethics Codes in Europe, North Africa, the Middle East, and Muslim Asia* // *Media Ethics in the Dialogue of Cultures* / Ed. by K. Hafez. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2003.

Э. Ламбет, Э. Славски, Д. Эллиотт¹⁶. При этом каждый из перечисленных исследователей выделяет свой набор базовых нравственных ценностей журналистики, отличающийся от того, который мы разрабатываем в этой диссертации, однако мы учитывали их результаты в своем построении.

При попытках реконструировать содержание выделяемых нами журналистских ценностей мы опирались на множество разноплановых работ, в которых подробно рассматривается сущность этих ценностей как в контексте морали в целом, так и (в некоторых работах) в контексте журналистики. Дж.С. Милль еще полтора столетия назад обосновал важность свободы слова для общества, и его аргументы не теряют своего значения до сих пор; И. Берлин четко развел понятия «негативной» и «позитивной» свободы; Г. Йонас исследовал значение ценности ответственности в условиях быстрых общественных изменений в XXI веке; Т. Питерсон первым подробно изложил теорию социальной ответственности прессы; С.Дж. Вард подробно изучил и проанализировал историю ценностей объективности (беспристрастности) и правды в журналистике; Дж. Меррилл, как было указано выше, исследовал динамику взаимоотношений свободы слова и социальной ответственности в этике СМИ; Дж. Ролз создал одну из наиболее полных и авторитетных в современной философии концепций справедливости¹⁷ и т. д.

Освещению темы межэтнических и межконфессиональных отношений в разных странах посвятили свои исследования Р. Гринслэйд, П. Стэсем (Вели-

¹⁶ *Johnstone J.W.C., Slawski E.J., Bowman W.W.* The Professional Values of American Newsmen // *The Public Opinion Quarterly*. 1972–1973. Vol. 36. № 4; *Viall E.K.* Measuring Journalistic Values: A Cosmopolitan/Community Continuum // *Journal of Mass Media Ethics*. 1992. Vol. 7. № 1; *Ламбет Э.Б.* Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Национальный институт прессы, 1998; *Elliott D.* All Is Not Relative: Essential Shared Values and the Press // *Journal of Mass Media Ethics*. 1988. Vol. 3. № 1.

¹⁷ *Милль Дж.С.* О свободе // Дж.С. Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Типография (быв). А.М. Котомина, 1882; *Берлин И.* Четыре эссе о свободе. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992; *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004; *Питерсон Т.* Теория социальной ответственности прессы // Ф.С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998; *Ward S.J.A.* Op. cit.; *Merrill J.C.* Op. cit.; *Ролз Дж.* Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

кобритания)¹⁸, Дж. Кампани, Дж. Тер Валь (Италия)¹⁹, Т. Кёлер, Г. Рурманн, Й. Требе (Германия)²⁰, А.М. Верховский, Г.В. Кожевникова, В.К. Малькова, В.И. Мукомель (Россия)²¹. Их работы позволяют составить представление о том, какие проблемы с освещением межэтнических и межконфессиональных отношений существуют в каждой из названных стран.

Аналізу феномена мультикультурализма посвятили свои исследования У. Бек, П.С. Гуревич, В.С. Малахов и др.; последний также глубоко изучил феномен национализма как политической идеологии²².

Этот комплекс разноплановых работ по этике, истории и теории журналистики, а также база исследований материалов конкретных СМИ позволили нам провести этико-прикладное исследование, выстроив работу на стыке этической теории и ситуационного анализа журналистской практики.

¹⁸ *Greenslade R.* Seeking Scapegoats. The coverage of asylum in the UK press. London: Institute for Public Policy Research, 2005; *Statham P.* United Kingdom (UK) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995–2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.

¹⁹ *Campani G.* Migrants and Media: The Italian Case // Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference / Ed. by R. King., N. Wood. London: Routledge, 2001; *Ter Wal J.* Italy (IT) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995–2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.

²⁰ *Ruhrmann G.* The Stranger. Minorities and Their Treatment in German Media // The Mission. Journalism, Ethics and the World / Ed. by J.B. Atkins. Ames: Iowa State University Press, 2002; *Trebbe J., Köhler T.* Germany (DE) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995–2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.

²¹ *Верховский А.М.* Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002; *Кожевникова Г.В.* Язык вражды после Кондопоги // Язык вражды против общества / Сост. А.М. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007; *Малькова В.К.* «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. М.: ИЭА РАН, МБПЧ, 2005; *Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011.

²² *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008; *Гуревич П.С.* Глобализация и мультикультурализм // Философия и культура. 2012. № 8 (56); *Малахов В.С.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛО, 2007; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2010.

Цель исследования – на основе анализа этической регуляции освещения межэтнических и межконфессиональных отношений в разных странах выявить основные проблемы этической регуляции журналистской деятельности в целом и предложить подходы к их решению. Мы концентрируемся на проблемах, имманентных самой этической теории, а также проблемах ее воплощения в журналистских этических кодексах и ее понимания практикующими журналистами. При этом мы сознательно оставляем за рамками нашего исследования вопрос о том, насколько журналисты в принципе ориентируются в своей работе на существующие писанные этические кодексы, так как это, на наш взгляд, предмет не философского, а социологического анализа.

Задачи исследования:

- на основании анализа журналистских этических кодексов разных стран и большого пласта литературы по журналистской этике установить ценностный состав современной журналистики;

- изучить историю и проанализировать современное содержание каждой из выделенных ценностей;

- рассмотреть вопросы совместимости этих ценностей;

- разобрать ситуации с этической регуляцией освещения в СМИ нескольких стран межэтнических и межконфессиональных отношений и выявить проблемы этической регуляции этой темы с помощью анализа следующих объектов на предмет отражения в них выделяемых нами базовых нравственных ценностей журналистики: а) текстов специальных этических кодексов, регулирующих освещение межэтнических и межконфессиональных отношений, и касающихся этой темы положений общих этических кодексов; б) скандальных случаев освещения местными СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений; в) дискуссий вокруг спорных редакционных решений, связанных с освещением межэтнических и межконфессиональных отношений; г) дискуссий вокруг принятия новых этических правил, регулирующих освещение межэтнических и межконфессиональных отношений, – а также с помощью сопоставления отражения выделяемых нами базовых нрав-

ственных ценностей в этических кодексах, с одной стороны, и в журналистской практике / журналистских дискуссиях, с другой;

– предложить подходы к решению выявленных проблем.

Теоретический контекст исследования. В моральной философии не существует единства относительно того, как следует определять мораль, что является ее сущностью. В рамках одного из подходов, близкого нам, мораль рассматривают как набор ценностей, которые императивно выражаются в ряде базовых требований: «Мораль – это, прежде всего, определенного рода ценности и соответствующие им требования, направленные на гармонизацию различных (по разным критериям) интересов; а также решения, действия и политики, оцениваемые под углом зрения этих ценностей и требований»²³. Ценностный подход к пониманию морали представляется нам наиболее уместным для анализа проблем этического регулирования журналистской деятельности, так как претензии общества к СМИ чаще всего обусловлены разным пониманием определенных ценностей (например, свободы слова и социальной ответственности) журналистами и представителями общественности, а также разными журналистами.

В философии сложно найти и общепринятое, удовлетворяющее всех определение ценностей. В нашей диссертации мы отталкиваемся от следующего определения: «В широком смысле слова *ценностями* называются обобщенные, устойчивые представления о чем-то как о предпочитаемом, как о благе, т. е. о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека (или группы людей, общества)»²⁴. Д. фон Гильдебранд²⁵ провел одно из наиболее глубоких различий между нравственными ценностями и другими видами ценностей. В первую очередь, он отделяет ценности от простого удовольствия и от объективного блага для человека. Затем он подразделяет ценности на онтологические (ценность бытия, су-

²³ Апресян Р.Г. Новое эссе.

²⁴ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2004. С. 228.

²⁵ Гильдебранд Д. фон. Этика. С.-Пб.: Алетейа, 2001.

ществования чего-то) и качественные («качественные» – в отличие от онтологических, они имеют свою противоположность в сфере недостойного). И, наконец, в рамках качественных ценностей Гильдебранд выделяет ценности интеллектуальные, эстетические и нравственные.

Журналистскую этику как одну из профессиональных этик мы рассматриваем в контексте общественной морали. Как пишет Р.Г. Апресян, общественная мораль – это, «с одной стороны, ... комплекс ценностей и норм, определяющих отношение социума к своим членам (индивидуальным и коллективным), а с другой – ценностей и норм, определяющих отношение членов социума к целому»²⁶. Хотя исторически моральная философия развивалась в основном как этика личности, в XX веке этического осмысления потребовали многие общественные вопросы. Это привело к повороту в этической мысли, ознаменовавшемуся, в частности, появлением книг Дж. Ролза «Теория справедливости» и Г. Йонаса «Принцип ответственности» в 1970-х годах и быстрым ростом количества этико-прикладных исследований в последней трети XX века. Среди направлений прикладных исследований наибольшую популярность приобрели биомедицинская, экологическая, деловая и профессиональные этики – и все их в целом объединял акцент на ответственности социально значимой деятельности, то есть общественных аспектах морали.

Как пишет Р.Г. Апресян, прикладные этики «развиваются по пути не приложения традиционных принципов морали к разным практикам, а осмысления этих практик в проекции к моральному опыту, моральным представлениям и ожиданиям самих ли аналитиков или некоторого референтного (экспертного или ординарного) сообщества. При этом могут применяться “традиционные” представления (т. е. общеупотребительные, “известные”), а могут вырабатываться и уточненные представления или просто новые»²⁷. Это наблюдение важно для нас потому, что именно в таком ключе развивалась

²⁶ Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном. С. 47.

²⁷ Апресян Р.Г. Общественная мораль: развитие понятия // Общественная мораль / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009. С. 485–486.

профессиональная этика журналиста: «традиционные» представления в ходе профессиональной практики дополнялись и уточнялись, а в тех случаях, когда уточнений было недостаточно, появлялись новые представления и концепции, о которых мы будем говорить в нашей диссертации.

Ряд авторов отмечают институциональность как одну из характеристик общественной морали²⁸. При этом социальный институт понимается не как организационное образование, а функционально – как совокупность норм поведения. Эти нормы могут быть закреплены как в неписаных традициях, так и в писаном виде – в этических кодексах, уставах, декларациях и др. Моральные принципы журналистики, в частности, закреплены в многочисленных журналистских этических кодексах (которые составляются и принимаются национальными/международными журналистскими организациями или конкретными СМИ), а за их соблюдением следят советы по прессе (обычно – национальные организации, состоящие из профессиональных журналистов и представителей гражданского общества) и ньюз-омбудсмены (специальные люди, работающие при некоторых СМИ и призванные выявлять случаи неэтичного поведения этого СМИ). В случае несоблюдения принятых в профессии этических правил советы по прессе и ньюз-омбудсмены могут добиваться моральной компенсации (обычно опровержения или извинений) для тех, кого затронул материал. Их решения, однако, не имеют юридической силы, а их деятельность основывается на согласии внутри профессионального общества, наделившего их определенными полномочиями.

Так как среди философов-этиков нет единодушия в понимании феномена морали (не говоря о концептуальном единстве), довольно сложно сформулировать какой-то конечный список базовых общечеловеческих моральных ценностей. Однако такую попытку предпринимает Р.Г. Апресян. Базовые ценности морали *в целом*, которые он выделяет, – это ценности невреждения (непричинения вреда), признания, солидарности и заботы. При этом

²⁸ См. *Общественная мораль* / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009. С. 34–35, 142–143, 480–484.

невреждение – это наименьшее, что ожидается от человека, а забота – наибольшее. То есть, невреждение – минимальное и самое жесткое требование морали, в то время как забота – самое мягкое требование и даже не столько требование, сколько рекомендация, пожелание. Но эти четыре базовые ценности отражают только коммуникативное измерение морали, тогда как существует еще перфекционистское измерение: в нем существует необходимость других ценностей, которые создали бы в человеке предпосылки для невреждения, признания, солидарности и заботы. К таким ценностям Апресян относит ценности добродетели и личного совершенства.

В центре всей морали, по Апресяну, находится благо, и специфика моральных ценностей состоит в том, что они утверждают благо индивида и ориентируют его на благо другого (это пояснение понадобится нам в нашей диссертации для различения моральных и неморальных ценностей). Что же касается общественной морали, то, по мнению того же автора, ее ключевыми ценностями являются общее благо и права человека²⁹.

Методология исследования. Как было отмечено, в этой диссертации мы придерживаемся ценностного подхода к пониманию морали, рассматривая мораль в общем виде как совокупность определенного рода ценностей и соответствующих им требований, а журналистскую этику – как часть общественной морали. Исходя из этого, мы реконструируем ценностные основания современной журналистики, с помощью которых выявляем и анализируем основные современные проблемы этической регуляции журналистской деятельности.

Здесь необходимо терминологическое уточнение. Мы отдаем себе отчет в том, что в немалой части философского сообщества принято жесткое разделение терминов «мораль» и «этика»: первый обозначает реальность, а второй – науку, которая изучает эту реальность. Однако существует и другая практика, получившая распространение в особенности с развитием этико-прикладных исследований, в которой термин «этика» используется для обо-

²⁹ Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном. С. 42–47; Апресян Р.Г. Новое эссе.

значения областей прикладного знания, рационализированных и систематизированных моральных взглядов и пр. Говоря о журналистской этике, мы имеем в виду не столько науку о профессиональной специфике морали, сколько комплекс ценностных ориентаций и вытекающих из них принципов, правил и норм, присущих журналистской профессии. Именно это дает нам основания говорить о журналистской этике как о части общественной морали.

Для составления списка базовых нравственных ценностей журналистики в §1.1 в нашей диссертации применяется метод контент-анализа этико-нормативных документов. Материалом анализа служат шесть этических кодексов, из которых четыре являются национальными этическими кодексами стран, ситуации в которых мы изучаем в главе II (Великобритания, Италия, Германия, Россия), пятый – кодекс Международной федерации журналистов (международный кодекс) и шестой – кодекс американского Общества профессиональных журналистов (один из старейших журналистских этических кодексов в мире). Тексты каждого из этих кодексов были проанализированы на предмет отражения в них нравственных ценностей, и ценности, которые нашли отражение более чем в десяти пунктах всех кодексов, вместе взятых, были названы базовыми. В §§1.2 и 1.3 относительно выделенных ценностей делаются теоретические предположения, которые проверяются и используются в главе II.

В главе II применяется метод ситуационного анализа: мы исследуем некоторые сложившиеся традиции освещения межэтнических и межконфессиональных отношений, а также опыт этического регулирования журналистской деятельности в этой области и обсуждение вопросов этического регулирования журналистской деятельности в четырех странах: Великобритании, Италии, Германии и России. Для каждой из этих стран рассматривается общественно-исторический фон проблемы, практика освещения межэтнических и межконфессиональных отношений в национальных СМИ, опыт этического регулирования журналистской деятельности в этой области и его норматив-

ное обеспечение (если оно имеет место). Соответствующие нормативные документы (в разных странах по-разному называемые: «Руководство по освещению расовых вопросов», «Римская хартия» и т. п.) анализируются с точки зрения того, как в них отражены выделяемые нами базовые нравственные ценности журналистики. В §2.1 с этой точки зрения анализируется дискуссия вокруг конкретного редакционного решения, связанного с освещением межэтнических и межконфессиональных отношений; в §§2.2 и 2.4 – конкретные громкие случаи освещения в местных СМИ межэтнических и межконфессиональных конфликтов; в §2.3 – дискуссия вокруг возможности принятия новых этических правил, регулирующих освещение межэтнических и межконфессиональных отношений. Разные объекты анализа были выбраны для того, чтобы была возможность рассмотреть ситуацию под разными углами зрения. Сопоставление отражения базовых нравственных ценностей журналистики в нормативно-этических документах, с одной стороны, и в журналистской практике / журналистских дискуссиях, с другой, позволяет сделать выводы о существующих проблемах этической регуляции журналистской деятельности в каждом конкретном случае.

Научная новизна работы состоит в том, что журналистская этика представлена в виде комплексной системы ценностей, которую можно принять в качестве базиса для анализа спорных с этической точки зрения ситуаций в журналистской практике. Эта система ценностей взята за основу для ситуационного анализа журналистской деятельности, который дал определенные результаты; описанный подход, таким образом, продемонстрировал свою жизнеспособность.

В работе представлен оригинальный набор базовых нравственных ценностей журналистики и предложено аналитическое обозрение содержания каждой из них. Раскрыта тема противоречий между нравственными ценностями в журналистике, которой уделяется крайне мало внимания в литературе по журналистской этике. С помощью анализа этической регуляции освещения межэтнических и межконфессиональных отношений в нескольких странах

выявлены три основные проблемы этической регуляции журналистской деятельности и намечены подходы к их решению.

Апробация результатов диссертационного исследования. Предварительные результаты исследования были представлены на научно-практических конференциях «Профилактика ксенофобии, экстремизма и национализма в детской и подростковой среде» (16 сентября 2009 года, МППУ, г. Москва) и «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» (11–13 ноября 2009 года, МИРЭА, г. Москва), на теоретических семинарах Сектора этики Института философии РАН (16 ноября 2010 года, 29 марта 2011 года, 27 ноября 2012 года), в рамках образовательного проекта «Летняя школа “Русского репортера”» (3 августа 2013 года, база «Волга» в Тверской области), а также опубликованы в ряде научных статей.

Глава I. Общая характеристика журналистской этики

§1.1 Ценностные приоритеты

Ценности, которые разделяются журналистским сообществом, в течение нескольких последних веков (начиная с зарождения журналистской этики в XVII веке) претерпевали трансформацию, и в разное время разные ценности имели неодинаковый вес. На то, какое место они в конкретный исторический период и в конкретном регионе занимали в этической картине журналиста, влияли как общественно-политическая обстановка, так и деятельность конкретных личностей (например, медиамагната Г. Люса, по инициативе которого была созвана Комиссия Хатчинса, – речь об этом пойдет в следующем параграфе), а также исследователей, занимавшихся журналистской этикой. Для того чтобы составить перечень основных этических ценностей журналистики, мы проанализировали шесть этических кодексов: кодекс крупнейшей международной журналистской организации – Международной федерации журналистов (IFJ)¹; один из старейших и авторитетнейших журналистских этических кодексов в мире – кодекс американского Общества профессиональных журналистов (SPJ)²; и национальные кодексы каждой из четырех стран, о которых мы будем говорить в главе II, – Великобритании³, Италии⁴, Германии⁵ и России⁶. Кроме того, мы рассмотрели концепции крупнейших

¹ Этический кодекс Международной федерации журналистов (IFJ). URL: <http://www.ifj.org/en/articles/ifj-declaration-of-principles-on-the-conduct-of-journalists> (дата обращения: 05.10.2013).

² Этический кодекс Общества профессиональных журналистов (SPJ). URL: <http://www.spj.org/ethicscode.asp> (дата обращения: 05.10.2013).

³ Этический кодекс британского Национального союза журналистов (NUJ). URL: <http://www.nuj.org.uk/about/nuj-code/> (дата обращения: 05.10.2013).

⁴ Этический кодекс Национальной федерации итальянской прессы и итальянского Национального совета ордена журналистов. URL: http://ethicnet.uta.fi/italy/charter_of_duties_of_journalists (дата обращения: 05.10.2013).

⁵ Этический кодекс Немецкого совета по прессе. URL: http://ethicnet.uta.fi/germany/german_press_code (дата обращения: 05.10.2013).

⁶ Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm> (дата обращения: 05.10.2013).

специалистов по журналистской этике и ознакомились с исследованиями, посвященными анализу этических кодексов СМИ.

Здесь необходимо оговориться, что, разумеется, не существует единой, унифицированной журналистской этики, одинаково воспринимаемой во всех странах мира. Едва ли можно говорить и об универсальных журналистских ценностях. К. Хафец провел анализ журналистских этических кодексов разных регионов мира на предмет отражения в них таких ценностей, как правда, объективность, уважение к частной жизни, свобода, интернационализм и уважение к традициям, нравам и религии общества. Его исследование показало, что первые четыре ценности можно найти как в европейских, так и в африканских и азиатских кодексах, пятую ценность – только в некоторых азиатских кодексах и почему-то в финском, а последнюю – в основном только в кодексах мусульманских стран. Но и эти результаты, как отмечает автор, еще не вполне адекватно отражают положение дел. Во-первых, для выявления существующих ценностей нужно исследовать не только писанные кодексы, но и неформальные общественные и профессиональные дискурсы. Во-вторых, недостаточно просто сопоставлять слова из кодексов разных стран: нужно анализировать значение этих слов в данной культуре (иначе говоря, положения кодексов требуют контекстуальной интерпретации)⁷. Как пишет М. Аллейн, журналистскую этику необходимо рассматривать в широком общественно-политическом контексте; глобального стандарта журналистской этики не существует и, вероятно, в обозримом будущем не будет существовать потому, что она находится на пересечении международных культурных и политических противоречий, которые пока не близки к своему разрешению⁸. Учитывая эти обстоятельства, в нашей диссертации мы будем ориен-

⁷ *Hafez K. Journalism Ethics Revised: A Comparison of Ethics Codes in Europe, North Africa, the Middle East, and Muslim Asia // Media Ethics in the Dialogue of Cultures / Ed. by K. Hafez. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2003.*

⁸ *Alleyne M.D. Global Media Ecology: Why There Is No Global Media Ethics Standard // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009. P. 382–393.*

тироваться на журналистские ценности и стандарты, зародившиеся и развивавшиеся, главным образом, в Западной Европе и США.

Следующую оговорку нужно сделать о сложностях, связанных с выделением некоего «базового» перечня журналистских этических ценностей. Так как граница между ценностями, принципами и правилами до некоторой степени размыта, разные авторы предлагают в качестве «основных журналистских ценностей» крайне разнородные смысловые единицы. Д. МакКвейл говорит о том, что, несмотря на наличие большого количества эмпирического материала (документов, опубликованных дискуссий), не существует чисто эмпирического способа составить какую-либо «карту» журналистских ценностей: «Самая сложная задача – это найти “точку входа”: выделить неделимое ядро, простейшее определение ключевых принципов, из которых могут быть выведены или с которыми могут быть соотнесены другие, подчиненные им принципы. Здесь кроется большой риск того, что автор использует [при составлении такой “карты”] собственные взгляды и пристрастия»⁹. Следует признать, что и в нашей диссертации, очевидно, не обошлось без личных пристрастий. Но своей задачей мы видели именно нахождение тех самых «точек входа» в область журналистских ценностей – наиболее общих понятий, которые уже невозможно или практически невозможно подвести под что-то еще. Те ценности и принципы, которые выделяют рассматриваемые нами специалисты по журналистской этике, мы также попытались свести к этим сформулированным нами предельно общим единицам.

Анализ шести выбранных нами кодексов привел нас к выводу, что основные отраженные в них ценности – это ценности *правды, непричинения вреда, беспристрастности, свободы слова, честности, социальной ответственности и справедливости* (перечислены в порядке убывания количества отраженных в кодексах этических требований, которые им соответствуют). На наш взгляд, эти семь ценностных категорий неделимы в контексте журнали-

⁹ McQuail D. Media Performance: Mass Communication and the Public Interest. London: SAGE, 1992. P. 66–67.

стской этики: их нельзя подвести ни под какую более общую категорию. (Однако некоторые из них в определенных условиях могут быть подчинены друг другу, о чем будет сказано ниже.) Это дает нам основания считать их базовыми этическими ценностями журналистики.

В каждом из шести рассмотренных нами кодексов отражен разный набор ценностей, и каждой из ценностей в них уделено разное внимание. Основанием для выделения именно этих семи ценностей стало то, что во всех кодексах, вместе взятых, с ними соотносятся не меньше десяти этических требований (как правило, каждое этическое требование – это отдельный пункт кодекса). При этом мы ориентировались на смысловое содержание ценности, даже если в формулировке нормативного требования использовались слова, которые можно было бы отнести к другим ценностям. Ниже приведены все требования, отражающие каждую из заявленных ценностей. Некоторые из требований отражают более одной ценности – в таком случае мы их повторяем, то есть приводим их столько раз, сколько ценностей в них отражены. Если одни и те же требования встречались сразу в нескольких кодексах, то выбиралась наиболее точная и емкая формулировка.

Ценность *правды* оказалась отражена в наибольшем количестве практических рекомендаций. К ней мы отнесли все, что касается точности и полноты сообщаемой журналистами информации, – а именно, следующие требования (всего двадцать семь): давать аудитории полную информацию; давать точную информацию; тщательно проверять любую информацию; быстро и в полной мере исправлять ошибки и неточности; распространять и комментировать только ту информацию, в достоверности которой убежден; сообщать только ту информацию, источник которой известен; стремиться к прозрачности источников; не удерживать информацию, кроме тех случаев, когда это может помочь раскрыть преступление или спасти чью-то жизнь; не искажать информацию; не допускать того, чтобы заголовки, выносы, фото и т. д. можно было неправильно интерпретировать, чтобы они упрощали информацию или придавали ей неадекватную значимость; не менять фото- и видеоизобра-

жения, четко помечать монтаж или фотоколлажи, избегать постановочных съемок, а если это необходимо для рассказа, четко помечать их как постановочные; не клеветать; не обвинять никого в преступлении или проступке без достаточных на то оснований; всегда помнить о презумпции невиновности: не называть подозреваемого преступником, пока его вина не доказана; давать возможность высказаться всем вовлеченным в события людям; давать высказаться тем, у кого обычно нет права голоса; рассказывать в полной мере о разнообразии человеческого опыта, даже если это идет вразрез с общими тенденциями; избегать стереотипов; поддерживать свободный обмен мнениями, даже если сам журналист считает какие-то из этих мнений неприемлемыми; не путать новости, аналитику и комментарии (при этом всегда правдиво излагать факты и очерчивать контекст); проводить четкое различие между новостями и информационными кампаниями (в защиту общественно важных дел); четко разграничивать новости и рекламу; разделять факты и мнения; не выдавать слухи за факты; не выдавать пресс-релизы за редакционные материалы; смело призывать к ответу власти предрержащие; уважать право общества на информацию и делать все, чтобы добыть нужную людям информацию и донести ее до них.

Вторая ценность, которая находит яркое отражение в каждом из кодексов, – это ценность *непричинения вреда*. Под непричинением вреда мы понимаем здесь все, что касается внимательного отношения журналиста к другим людям: аудитории, героям материалов, источникам информации и коллегам. Этой ценности в кодексах соответствуют следующие требования (всего двадцать четыре): не допускать создания стереотипов и дискриминации по признакам пола, возраста, расы, цвета кожи, языка, вероисповедания, политических или других взглядов, национального или социального происхождения, юридического статуса, умственных или физических возможностей, семейного статуса или сексуальной ориентации; противодействовать экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как соци-

ального и национального происхождения; с участием относиться к тем, кого может негативно затронуть готовящийся журналистский материал, особенно к детям и неопытным людям; не использовать уязвимость людей с целью получения информации; делая материал о ребенке, предварительно получать согласие на это у ответственного за него взрослого; не упоминать о серьезных психических или физических отклонениях человека без его согласия или согласия его родственников; с особенным вниманием относиться к тем, у кого меньше, чем у других, возможностей защитить себя; быть тактичными при создании и использовании интервью и фотографий людей, переживающих трагедию или горе; помнить о том, что сбор и распространение информации может причинить кому-то вред или неудобство и поиск новостей – не оправдание для самоуверенности; проявлять уважение к частной жизни (особенно простых людей: у них больше права на неприкосновенность частной жизни, чем у публичных фигур) – не вмешиваться в частную жизнь или чье-то горе, если только это не оправдано интересами общества; гарантировать защиту личных данных людей (в т. ч. не распространять адреса частных лиц); принимать взвешенные решения относительно того, обнародовать ли имена обвиняемых в преступлении до предъявления им официального обвинения, имена несовершеннолетних подозреваемых, жертв несчастных случаев, изнасилований и других преступлений, имена самоубийц и обстоятельства их гибели; не публиковать имена людей, если это может поставить под угрозу их безопасность; избегать упоминаний имен и публикации фотографий преступников (с целью их последующей ресоциализации), а также людей, находящихся в оппозиции в своей стране и боящихся преследования; осознавать опасность для других людей в виде ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы журналистской деятельностью; охранять человеческие честь и достоинство, не низводить человека до уровня объекта, средства; уважать чужие религиозные, философские и моральные убеждения; не указывать принадлежность подозреваемого в преступлении к религиозной, этнической или другой группе, если это не необходимо для по-

нимания происходящего (так как это может породить предубеждения против меньшинств); не публиковать тяжелые для восприятия (жестокие) фотографии, которые могут принести кому-то вред; воздерживаться от сенсационного изображения насилия, жестокости и человеческих страданий; внимательно относиться к защите детей от негативной информации; не давать сенсационных сообщений о медицине, которые могут вызвать страх или необоснованные надежды; избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей; понимать, что в случае чрезвычайных ситуаций спасательные службы имеют приоритет перед правом общества на информацию.

Ценность *беспристрастности* частично подчинена ценности правды, но, в то же время, отражает и другой аспект журналистского поведения – смежный, в свою очередь, с честностью, о которой пойдет речь ниже. Таким образом, она занимает собственную нишу в журналистской системе этических координат, и поэтому мы выделяем ее в качестве отдельной ценности. Она отражается в следующих правилах (всего семнадцать): не обслуживать ничьих интересов, кроме общественных (выражаемых в праве общества на информацию); избегать конфликта интересов (не вступать в организации, политические движения и не занимать общественные посты); всегда указывать на конфликт интересов, если он имеется; сопротивляться всяким попыткам кого бы то ни было со стороны повлиять на содержание материала; не принимать подарки, деньги, приглашения в бесплатные поездки и другие преференции, которые могут подорвать независимость журналиста (в т. ч. от тех, о ком делается материал); не состоять ни в какой секретной организации и не заниматься деятельностью, мешающей журналистским обязанностям; беспристрастно писать о полицейских расследованиях и судебных процессах; всегда помнить о презумпции невиновности: не называть подозреваемого преступником, пока его вина не доказана; отказаться от предубеждений; проанализировать свои культурные ценности и не переносить их на других; принимать распоряжения только от своего начальства; публиковать мнения – в т. ч.

письма от читателей – с которыми редакция не согласна; поддерживать свободный обмен мнениями, даже если сам журналист считает какие-то из этих мнений неприемлемыми; не сотрудничать с секретными службами; стараться не покупать информацию за деньги; сознавать, что профессиональная деятельность журналиста прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие. Надо отметить, что в Немецком кодексе прессы совмещение журналистской деятельности с другими видами деятельности допускается, однако тоже утверждается ценность беспристрастности: «Если журналист или издатель одновременно со своей деятельностью в сфере журналистики выполняет какую-то функцию, например, в правительстве, в государственном органе или в бизнесе, все заинтересованные лица должны строго следить за разделением этих функций. Это же касается и обратных случаев»¹⁰.

Ценность *свободы слова* – это ценность, которая лежит в основе журналистики и часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся, поэтому само слово «свобода» упоминается не во всех кодексах. Однако суть свободы слова при этом отражается во многих положениях (в проанализированных документах их всего двенадцать): всегда защищать принципы свободы СМИ, а также защищать право на свободу самовыражения и право общества на информацию; давать возможность высказаться всем вовлеченным в события людям; давать высказаться тем, у кого обычно нет права голоса; рассказывать в полной мере о разнообразии человеческого опыта, даже если это идет вразрез с общими тенденциями; публиковать мнения – в т. ч. письма от читателей – с которыми редакция не согласна; поддерживать свободный обмен мнениями, даже если сам журналист считает какие-то из этих мнений неприемлемыми; смело призывать к ответу власти предрержащие; уважать право общества на информацию и делать все, чтобы добыть нужную людям информацию и донести ее до них; не удерживать информацию (кроме тех случаев, когда это может помочь раскрыть преступление или спасти чью-то жизнь); отвергать любые попытки давления и вмешательства в редакцион-

¹⁰ Этический кодекс Немецкого совета по прессе.

ный процесс со стороны правительства или кого бы то ни было; не препятствовать в получении информации другим СМИ. Ценность свободы слова также утверждается в одном из положений итальянского кодекса: «Комментарии и мнения относятся к свободе слова и критики и должны быть совершенно свободны от любых обязательств, не считая правовых ограничений, касающихся оскорблений и насилия над людьми»¹¹.

Ценность *честности* – неременная ценность любой профессии. В рассмотренных журналистских кодексах она отражается в следующих требованиях (всего двенадцать): использовать честные методы сбора и подачи информации; не разглашать источник информации, если так было обещано, – кроме тех случаев, когда речь идет о преступлении со стороны информатора или интересы общества перевешивают интересы секретности; не брать взятки; не принимать подарки, которые подрывают независимость журналиста; не заниматься плагиатом; не пользоваться найденной информацией (в т. ч. экономической и финансовой) в своих целях до того, как она обнародована; не делать рекламу кому бы то ни было; всегда представляться журналистом и не использовать скрытую камеру, кроме тех случаев, когда получение общественно важной информации другими способами невозможно; не публиковать поддельные «письма читателей»; помечать случаи, когда материал затрагивает интересы издательства (конфликт интересов); соблюдать законы честной конкуренции в отношении коллег; публиковать решения компетентного органа (*совета по прессе соответствующей страны. – К.Н.*) относительно своего СМИ, вынесенные в результате рассмотрения жалоб от населения.

Ценность *социальной ответственности* подразумевает готовность журналиста отвечать за свою работу и ее последствия перед обществом. Эта ценность – смежная с ценностью непричинения вреда, но отличается от нее тем, что подчеркивает долг журналиста по отношению ко всему обществу, в то

¹¹ Этический кодекс Национальной федерации итальянской прессы и итальянского Национального совета ордена журналистов.

время как ценность непричинения вреда отражает обеспокоенность благополучием каждого конкретного индивида. Ценность социальной ответственности отражена в следующих требованиях (всего одиннадцать): ставить ответственность по отношению к гражданам выше всего остального; принимать жалобы от населения на свою работу и обсуждать свою работу с общественностью; поддерживать престиж прессы; признавать свои ошибки и быстро их исправлять; осознавать свою ответственность за публичное решение общественно важных вопросов и за прозрачность действий правительства; не допускать создания стереотипов и дискриминации по признакам пола, возраста, расы, цвета кожи, языка, вероисповедания, политических или других взглядов, национального или социального происхождения, юридического статуса, умственных или физических возможностей, семейного статуса или сексуальной ориентации; противодействовать экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения; не указывать принадлежность подозреваемого в преступлении к религиозной, этнической или другой группе, если это не необходимо для понимания происходящего (так как это может породить предубеждения против меньшинств); воздерживаться от стремления к сенсационности при изображении акций насилия, жестокости и человеческих страданий; внимательно относиться к защите детей от негативной информации; не преуменьшать вред от наркотиков.

Ценность *справедливости* – понимаемой как справедливое отношение журналиста к другим и вклад в справедливость в обществе – отражается в следующих требованиях (всего одиннадцать): не допускать создания стереотипов и дискриминации по признакам пола, возраста, расы, цвета кожи, языка, вероисповедания, политических или других взглядов, национального или социального происхождения, юридического статуса, умственных или физических возможностей, семейного статуса или сексуальной ориентации; противодействовать экстремизму и ограничению гражданских прав по любым

признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения; давать возможность высказаться всем вовлеченным в события людям; давать высказаться тем, у кого обычно нет права голоса; с особым вниманием относиться к тем, у кого меньше, чем у других, возможностей защитить себя; беспристрастно писать о полицейских расследованиях и судебных процессах; не обвинять никого в преступлении или проступке без достаточных на то оснований; всегда помнить о презумпции невиновности: не называть подозреваемого преступником, пока его вина не доказана; обвиняя кого-то, давать этому человеку возможность ответить; отказаться от предубеждений; не препятствовать в получении информации другим СМИ.

Таковы семь базовых ценностей, отраженных, на наш взгляд, в рассмотренных нами кодексах. Как мы уже говорили, другие авторы на разных основаниях выделяют другие ценности в качестве основных в журналистике, причем разнородность выделяемых ценностей связана, как мы отмечали выше, с проблемой нахождения «неделимого ядра» – или с различным пониманием того, что есть «неделимое ядро», разными авторами. Мы рассмотрим здесь доступные нам работы на эту тему и попытаемся определить, можно ли подвести называемые каждым из авторов ценности под выделяемые нами предельно общие ценности.

Работы, посвященные этическим ценностям журналистики, делятся на две группы. К первой группе относятся исследования, в которых – чаще всего с применением математического аппарата – анализируются тот или иной набор журналистских кодексов (или результаты опроса представителей профессии) и на основе этих данных делается вывод о наиболее распространенных журналистских ценностях/принципах. Ко второй группе относятся работы по журналистской этике, в которых авторы дают свой перечень фундаментальных, на их взгляд, журналистских ценностей, основываясь, чаще всего, на собственных интуиции и опыте. Ниже мы подробнее рассмотрим некоторые работы из обеих этих групп.

Заметную работу из первой группы сделал К. Робертс. Он провел исследование пятнадцати этических кодексов профессий, связанных с массовыми коммуникациями (из них пяти журналистских кодексов, и именно они нас здесь интересуют) с целью выявить отраженные в них ценности. В своем анализе он опирался на ценностную категоризацию Ш. Шварца, который выделяет 44 ценности, разбивающиеся на десять «ценностных типов»: успех, благожелательность, конформизм, гедонизм, власть, безопасность, независимость (self-direction), инициативность (stimulation), приверженность традициям и универсализм. Эти «ценностные типы», в свою очередь, разбиваются на четыре группы: те, которые связаны с 1) последствиями для общества; 2) последствиями для организации; 3) последствиями для индивида и 4) открытием новых возможностей¹². Не все из этих ценностей имеют отношение к морали, однако результаты этой работы все равно представляют интерес для нашего исследования.

В рассмотренных журналистских этических кодексах были найдены только пять из вышеперечисленных ценностных типов: 37,6% составили положения, отражающие ценности универсализма (понимаемого в данном случае как забота о благосостоянии всех людей и природы), 32,3% – ценности благожелательности, 15,1% – ценности независимости, 12,9% – конформизма и 2,2% – приверженности традициям¹³. Из них первый и второй ценностный типы соответствуют ценности, определяемой нами как «непричинение вреда»; третий – той, которая существует у нас под названием «беспристрастность»; четвертый и пятый, хоть и с некоторой натяжкой, можно соотнести с ценностью социальной ответственности (если понимать социальную ответственность, в том числе, как ответственность за стабильность общества).

¹² Roberts C. Identifying and Defining Values in Media Codes of Ethics // Journal of Mass Media Ethics. 2012. Vol. 27. № 2. P. 115–129.

¹³ Интересно отметить, что два ценностных типа, которые чаще всего встречались в журналистских кодексах, относятся к первой из четырех ценностных групп (они связаны с последствиями для общества), что подтверждает нашу гипотезу о принадлежности журналистской этики к сфере общественной морали.

Другой пример исследования, основанного на количественном анализе положений журналистских этических кодексов, представляет собой работа Т. Лаитилы. Автор проанализировал 31 европейский журналистский этический кодекс и выявил шесть базовых ценностей, которые встречаются в большинстве из них: правдивость при сборе и распространении информации; свобода самовыражения и комментариев и защита этих прав; равенство, выражаемое в запрете на дискриминацию по признакам расы, этноса или религии, пола, социального класса, профессии, физических возможностей или по другим личным характеристикам; честность при сборе информации; уважение к источникам информации и авторским правам; независимость в виде отказа от взяток и отклонения любых других попыток повлиять на работу журналиста¹⁴. Эти ценности гораздо лучше соотносятся с выделенными нами ценностями, чем ценности из предыдущего исследования. Первая из них эквивалентна правде, вторая – свободе слова, третья соотносится со справедливостью и одновременно непричинением вреда, четвертая – с честностью, пятая – с непричинением вреда и шестая – с беспристрастностью.

Дж. Джонстоун, Э. Славски и У. Боуман еще в 1970-е годы пытались выявить основные журналистские ценности и провели опрос 1313 американских журналистов, спрашивая их о том, какие функции СМИ они ценят выше всего. Более 50% опрошенных назвали следующие: 1) проверять утверждения представителей власти; 2) проводить анализ и интерпретацию сложных проблем; 3) как можно скорее доносить информацию до публики; 4) обсуждать вопросы национальной политики, пока она только в процессе решения и 5) не распространять непроверенные факты¹⁵. Авторы не делают выводов о том, какие ценности отражены в этих ответах, поэтому мы попытаемся сделать это за них. На наш взгляд, все пять пунктов имеют отношение к анализу и распространению информации, и поэтому, хоть и с натяжкой, их все можно

¹⁴ *Laitila T. Journalistic Codes of Ethics in Europe // European Journal of Communication. 1995. Vol. 10. № 4. P. 527–544.*

¹⁵ *Johnstone J.W.C., Slawski E.J., Bowman W.W. The Professional Values of American Newsmen // The Public Opinion Quarterly. 1972–1973. Vol. 36. № 4. P. 522–540.*

подвести под ценность правды (понимаемой как донесение информации, то есть правды, до аудитории).

Э.К. Вайэлл проанализировала ценности журналистов больших городов и маленьких городов / поселков и пришла к выводу, что журналисты крупных городов прежде всего ценят выполнение функции надзирателя над действиями власти, проведение расследований и независимость, в то время как их коллеги из небольших городов / поселков – одобрение своего сообщества, стабильность (ради привлечения рекламодателей) и социальную гармонию¹⁶. Из этого можно сделать вывод, что взгляды журналистов больших городов соотнесены с ценностями правды и беспристрастности, а «деревенские» журналисты в основном ориентированы на социальную ответственность.

Рассмотрим теперь ряд работ, авторы которых выделяют базовые этические ценности журналистики, основываясь не на строгом математическом анализе нормативных документов или опросов, а на собственных интуиции или опыте. Одна из заметных концепций из этого ряда предложена в конце 1980-х годов Д. Эллиотт. Как отмечает автор, профессии отличаются друг от друга не техническими навыками, а принятыми в профессии базовыми ценностями (*essential shared values*), и в журналистике она выделяет три таких ценности: 1) новости должны быть точными, сбалансированными и полными, при этом сама новость должна быть важной (*relevant*); 2) сообщение новостей не должно приносить людям вред; 3) журналист должен давать ту информацию, которая действительно нужна аудитории. Эллиотт отмечает, что между первой и второй ценностями часто возникают противоречия: публиковать ли точную, сбалансированную и т. д. заметку, если она может кому-то навредить? Это противоречие, по ее мнению, снимается рассмотрением проблемы через призму третьей ценности: если информация точная, сбалансированная, полная, на важную тему и при этом действительно необходима ауди-

¹⁶ *Viall E.K. Measuring Journalistic Values: A Cosmopolitan/Community Continuum // Journal of Mass Media Ethics. 1992. Vol. 7. № 1. P. 41–53.*

тории, то этим можно оправдать тот факт, что кому-то она может принести вред¹⁷.

В статье, написанной двумя десятилетиями позже, тот же автор пишет о «смене парадигм» в журналистике. Если основами предыдущей парадигмы были объективность, необходимость освещать событие с двух сторон и представление о существовании новостей «объективно», независимо от журналиста, то новая парадигма предполагает интерактивную подачу информации, необходимость освещать событие с множества сторон и понимание того, что 1) «новости – это то, что возникает, когда журналист принимает решение обратить внимание на то или иное событие или вопрос»¹⁸, и 2) журналист создает определенные новости для определенной аудитории. Несмотря на это, базовые журналистские ценности, по мнению Эллиотт, не изменились. Она только немного уточнила их понимание: вторая ценность теперь подразумевает необходимость избегать принесения такого вреда, который можно предотвратить, а третья – долг давать гражданам информацию, которая не просто им необходима, а необходима для самоуправления. «Хорошая журналистика, – заключает автор, – это такая журналистика, которая, независимо от текущей парадигмы, воплощает принятые в профессии базовые ценности»¹⁹.

Точность, сбалансированность и полнота, перечисляемые Эллиотт в первом пункте, соответствуют нашей ценности правды, так как являются непременным условием для того, чтобы информация была правдивой. Положение, согласно которому информация должна быть важной, отсылает к ценности социальной ответственности, так как речь идет о том, чтобы это была именно общественно важная информация, а не такая, которая просто любопытна большому количеству людей. Второй пункт формулы Эллиотт – «сообщение новостей не должно приносить людям вред», – совпадает с выде-

¹⁷ *Elliott D.* All Is Not Relative: Essential Shared Values and the Press // *Journal of Mass Media Ethics*. 1988. Vol. 3. № 1. P. 28–32.

¹⁸ *Elliott D.* Essential Shared Values and 21st Century Journalism // *The Handbook of Mass Media Ethics* / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009. P. 36.

¹⁹ *Ibid.* P. 38.

ляемой нами ценностью непричинения вреда. И, наконец, третий пункт – о необходимости соответствия информации нуждам людей – снова отсылает нас к социальной ответственности (и практически повторяет пункт о важности), так как подчеркивает: журналист делает свою работу ради людей (и их возможностей для самоуправления) и ответственен перед ними.

М.Д. Эрант и Ф. Мейер рассмотрели традиционные журналистские ценности в противовес ценностям так называемой гражданской, или народной журналистики (*citizen journalism, public journalism*) – журналистики, которая ориентирована на решение проблем сообщества. В качестве традиционных ценностей они априори выделяют честность, сбалансированность подачи материала и отстраненность журналиста от предмета его внимания, а также исполнение журналистом роли надзирателя над действиями власти, выявление злоупотреблений во власти, необходимость сообщать людям ту информацию, которая им нужна, и недопущение финансового конфликта интересов и компрометирующих личных отношений с источниками информации²⁰. Честность здесь совпадает с одноименной выделяемой нами ценностью; исполнение роли надзирателя над властью, необходимость выявлять злоупотребления во власти и снабжать людей нужной им информацией можно подвести под ценность правды, так как речь идет о том, чтобы люди донести до людей правду о власти; а отстраненность, сбалансированность подачи материала и недопущение конфликта интересов и компрометирующих отношений соответствуют нашей ценности беспристрастности.

А.С. Хэйес, Дж.Б. Сингер и Дж. Кеппос исследовали трансформацию журналистских ценностей в цифровую эпоху и выделили три ценности, на которые сегодня – в силу распространения блогов и гражданской журналистики – приходится смотреть по-новому: надежность журналиста как поставщика правдивой информации (*authenticity*), ответствен-

²⁰ *Arant M.D., Meyer Ph. Public Journalism and Traditional Journalism: A Shift in Values? // Journal of Mass Media Ethics. 1998. Vol. 13. № 4. P. 205–218.* Так как статья написана в 1998 году, в ней используется словосочетание «*public journalism*», которое сегодня уступает место более употребимому термину «*citizen journalism*».

ность/подотчетность обществу (accountability) и независимость/беспристрастность (autonomy). Авторы отмечают, что сегодня появляется новая журналистская ценность: прозрачность (имеется в виду открытость процесса сбора и анализа информации)²¹. Первая из трех перечисленных авторами ценностей соотносится с нашей ценностью правды, вторая – с ценностью социальной ответственности, третья – с ценностью беспристрастности; ценность прозрачности можно также подвести под ценность социальной ответственности.

Р. Шульман в эссе под названием «СМИ в ценностной неразберихе» представляет главные этические задачи журналиста следующим образом: «1) найти «сюжет» (get the “story”); 2) изложить его точно, но – учитывая конкуренцию – сделать это первым; 3) считать распространение новостей фундаментальным моральным императивом СМИ»²². Однако заканчивает свое эссе автор рассуждением о том, что для журналистов пришло время осознать: ценность гуманности (humanism) не менее важна, чем ценность информации²³. Здесь ценностный расклад получается таким: требования находить информацию и распространять ее, формулируя ее точно, подпадают под нашу ценность правды. Ценность гуманности можно соотнести с ценностью непричинения вреда. Что касается положения о том, что информацию надо давать первым, то это не является этической ценностью, так как не соответствует отмеченному выше критерию, по которому можно отделить моральные ценности от других: положение не направлено на гармонизацию интересов и ориентирует человека не на благо другого, а исключительно на получение личной выгоды.

²¹ Hayes A.S., Singer J.B., Ceppos J. Shifting Roles, Enduring Values: The Credible Journalist in a Digital Age // *Journal of Mass Media Ethics*. 2007. Vol. 22. № 4. P. 262–279.

²² Schulman R. Media in a values muddle // *Journal of Mass Media Ethics*. 1986. Vol. 2. № 1. P. 25.

²³ Ibid. P. 29.

Дж.С. Меррилл сконструировал формулу под названием TUFF (truthful, unbiased, full, fair)²⁴: любое сообщение СМИ должно быть правдивым, беспристрастным, полным и справедливым. В нашей категоризации полнота и правдивость сообщения подпадают под ценность правды, остальные ценности формулы Мерилла совпадают с одноименными нашими.

Еще один часто цитируемый специалист по журналистской этике, Э.Б. Ламбет, выделяет пять наиболее важных для журналистики ценностей: правдивость, справедливость, свобода, гуманность и индивидуальная ответственность²⁵. Гуманность можно приравнять к нашей ценности непричинения вреда, индивидуальную ответственность – к социальной ответственности, правдивость – к правде, остальные ценности совпадают с одноименными нашими.

Г. Альтшуль выделяет среди журналистских ценностей профессионализм, объективность, социальную ответственность, право общества на информацию и свободу прессы²⁶, а в одном месте пишет, что основной журналистской ценностью сегодня можно назвать «информированный скептицизм»²⁷. Право общества на информацию можно подвести под ценность правды, информированный скептицизм – под ценность беспристрастности; беспристрастности же соответствует объективность; свобода прессы эквивалентна свободе слова. Что касается профессионализма, то, на наш взгляд, выделять его в отдельную ценность – это заблуждение, так как профессионализм объединяет все базовые этические ценности журналистики и суть его именно в том, чтобы постараться претворить в жизнь максимальное количество этих базовых ценностей.

С. Вард предлагает для рассмотрения журналистской этики контрактционную теорию (contractualism), или теорию общественного договора, соглас-

²⁴ *Merrill J.C. Journalism Ethics: Philosophical Foundations for News Media. Boston: St. Martin's press. 1997. P. 174–191.*

²⁵ *Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Национальный институт прессы, 1998. С. 46.*

²⁶ *Altschull J.H. From Milton to McLuhan: The Ideas Behind American Journalism. NY: Longman, 1990. P. 297.*

²⁷ *Ibid. P. 355.*

но которой общество гарантирует журналисту свободу, а он, в свою очередь, обязан взять на себя определенную ответственность. Три главных, на взгляд Варда, этических ценности/принципа журналиста, составляющие эту ответственность, – это правдивость (*credibility*: журналист должен говорить только правду, и так, чтобы ему можно было верить), ответственность за последствия (*justifiable consequence*: имеется в виду, что журналист способен оправдать вред, который может быть спровоцирован его материалом, и должен избегать причинения такого вреда, который оправдать невозможно), и гуманность (*humanity*: обязанность не относиться к другим людям только как к средству и рассматривать каждого человека как часть единого целого)²⁸. Первая из трех ценностей соответствует нашей ценности правды, вторая соотносится с социальной ответственностью и одновременно с непричинением вреда, а третья – только с непричинением вреда.

Д. Макквейл выделяет в качестве основных ценностей массовых коммуникаций свободу, справедливость/равенство, порядок/солидарность²⁹. Первая из них эквивалентна нашей ценности свободы слова, вторая – справедливости, третью же можно подвести под ценность социальной ответственности.

М. Трэйбер в заключении к сборнику «Этика массовых коммуникаций»³⁰ и универсальные ценности» называет четыре этические «протономы» СМИ: «сообщение правды, приверженность справедливости, свобода в солидарности и уважение к человеческому достоинству»³¹. Первая эквивалентна ценности правды, вторая – справедливости, третья соотносится одновременно со

²⁸ *Ward S.J.A. The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond. Montreal&Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006. P. 309*

²⁹ *McQuail D. Op. cit. P. 67.*

³⁰ В книге употребляются термины «communication ethics» и «communication values», но контекст позволяет нам говорить о том, что речь идет именно о массовых коммуникациях. То же относится и к следующей рассматриваемой работе.

³¹ *Traber M. Conclusion: An Ethics of Communication Worthy of Human Being // Communication Ethics and Universal Values / Ed. by C.G. Christians, M. Traber. Thousand Oaks: SAGE, 1997. P. 341.*

свободой слова и с социальной ответственностью, четвертая подпадает под ценность непричинения вреда.

К.Ж. Бертран пишет: «Этика СМИ основана на универсальных ценностях – таких, как отрицание ненависти, насилия, презрения к человеку (фашизм) или только некоторым из людей (расизм)»³². Все это можно подвести под ценности непричинения вреда и справедливости.

Наконец, К. Кристианс и Т. Купер ставят задачу выявить универсальные ценности массовых коммуникаций и, комбинируя результаты работ других исследователей, называют следующие: 1) ответственность перед аудиторией, 2) социальная ответственность, 3) правдивость, 4) свобода самовыражения, 5) этическое саморегулирование (деятельность омбудсменов, этические кодексы, советы по прессе), 6) гендерное и расовое равенство, 7) благосостояние сообщества, 8) уважение, 9) взаимность, 10) духовность, 11) надежность журналиста как поставщика правдивой информации (*authenticity*), 12) права человека, 13) честность (*integrity*), 14) ненасилие, 15) уважение к человеческому достоинству и 16) благоговение перед жизнью (*honoring the sacredness of all life*)³³. Из них ценности «1», «2», «5», «7» и «12» соответствуют нашей ценности социальной ответственности; ценности «3» и «11» – ценности правды; ценность «4» эквивалентна свободе слова; ценность «6» – справедливости; «13» – честности; ценности «8», «14», «15» и «16» соотносятся с ценностью непричинения вреда; ценности «9» и «10» не соответствуют ни одной из выделяемых нами ценностей.

Обе последние ценности являются, однако, этическими ценностями: взаимность подпадает под критерий гармонизации интересов и ориентированности на благо другого, духовность соотносится с ценностью личного совершенства. Но если первую можно назвать ценностью общественной морали, то вторую – нет: она не соотносится ни с общим благом, ни с правами че-

³² *Bertrand C.J.* Media Ethics & Accountability Systems. New Brunswick & London: Transaction Publishers, 2000. P. 36.

³³ *Christians C.G., Cooper T.W.* The Search for Universals // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009. P. 55–68.

ловека. Таким образом, в рамках нашего исследования мы не можем отнести ее к ценностям журналистской этики, которую мы причисляем к общественной морали. Что касается ценности взаимности, то она, хоть и направлена на общее благо и, более того, может рассматриваться в качестве одной из предпосылок возникновения морали в принципе³⁴, не имеет, на наш взгляд, отношения к журналистской этике. Если в некоторых других профессиях (парикмахер, портной) специальные услуги компенсируются посредством универсального (деньги) или ситуативного (бартер) эквивалента, то в журналистике читатель иногда никак не вознаграждает журналиста (например, если последний работает в бесплатном СМИ), а если и вознаграждает (платя за контент), то не напрямую. В рассмотренной выше статье выделение взаимности как одной из главных ценностей средств массовой коммуникации никак не объясняется, поэтому нам оно осталось непонятно. Единственное объяснение, которое мы можем предложить, таково: так как речь идет не только о журналистике, а о массовых коммуникациях в целом, что охватывает гораздо более широкую сферу человеческой деятельности, в какой-то из ее областей взаимность, возможно, действительно, играет некоторую роль.

Рассмотрев около полутора десятка работ, так или иначе касающихся этических ценностей журналистики/СМИ, мы можем заключить, что подавляющее большинство упоминаемых там ценностей соотносятся с выделяемыми нами на основе анализа этических кодексов семью базовыми ценностями журналистики: *правдой, непричинением вреда, беспристрастностью, свободой слова, честностью, социальной ответственностью* или *справедливостью*. Не подпали ни под одну из них только три ценности: «сообщать информацию первым», ценность духовности и ценность взаимности. Первая из трех оказалась вовсе не этической ценностью, вторая по принятым нами критериям не является ценностью общественной морали (и, соответственно, не может быть журналистской ценностью), а третья, на наш взгляд, не может

³⁴ См. *Апресян Р.Г.* Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 1. С. 75–90.

играть роли в журналистике или в любой другой профессии, так как профессиональная деятельность по определению предполагает несимметричный обмен услугами.

Предлагая базовый набор из семи журналистских этических ценностей, мы отдаем себе отчет в том, что эти ценности неоднородны. Некоторые из них чрезвычайно широкие и соотносятся с общими этическими требованиями, вменяемыми любому человеку (честность, правда, справедливость, непричинение вреда), другие – довольно узкие и в основном институциональны (беспристрастность, свобода слова, социальная ответственность). Более того, ценность непричинения вреда совпадает с первой из четырех базовых ценностей морали в целом, как их видит Р.Г. Апресян, и в этом смысле выпадает из общего ряда своим «калибром». Однако неоднородность «калибра» не слишком смущает нас потому, что «калибровка» эта достаточно условна и часто зависит от ракурса. Что же касается непричинения вреда, то, будучи минимальным моральным требованием к любому человеку, оно логично смотрится в ряду базовых профессиональных ценностей, так как то, что вменяется как минимальное требование людям вообще, должно вменяться и представителям любой профессии.

Кроме этого, наши семь ценностей неоднородны по своему предмету: они различаются тем, относится ли ценность только к поведению журналиста или также и к ожидаемым результатам его поведения. Здесь наши ценности четко делятся на две группы. Только к поведению журналиста относятся ценности беспристрастности и честности: от журналиста ожидается, что он беспристрастно относится к событиям и людям, о которых делает материалы, и что он честен в отношениях с окружающими. Ценности второй группы относятся как к поведению журналиста, так и к ожидаемому эффекту от его поведения. Сюда относятся правда, социальная ответственность, непричинение вреда, свобода слова и справедливость. Журналист должен быть правдивым (поведение), и в то же время его деятельность должна способствовать распространению правды/информации в обществе (ожидаемый эффект). Журна-

лист должен поступать ответственно (поведение), что предполагает отсутствие негативных последствий его поведения для общества (ожидаемый эффект). Журналист должен в принципе максимально бережно относиться к каждому из живущих на Земле людей (поведение), а это предполагает, что каждому конкретному человеку в результате его действий не должен быть принесен вред (ожидаемый эффект). Журналист должен в полной мере пользоваться свободой самовыражения (поведение) и в то же время всегда защищать право людей на свободу слова и способствовать утверждению этой ценности в обществе (это даже закреплено в некоторых кодексах; ожидаемый эффект). Наконец, журналист должен справедливо относиться ко всем героям своих материалов (давать слово тем, у кого нет другой возможности высказаться и т. д.; поведение), и в то же время его деятельность должна способствовать установлению справедливости в обществе (благодаря выявлению злоупотреблений во власти и др.; ожидаемый эффект).

Обсуждаемые семь ценностей можно разделить на две группы и по другому основанию. В одной группе окажутся ценности, относящиеся к работе с информацией и ориентированные в большей степени на довольно абстрактные идеи-идеалы, чем на конкретных людей: свобода слова, правда, беспристрастность и честность. В другую – условно говоря, «гуманитарную» – группу попадут ценности, смысл которых в «осязаемом» благополучии конкретных людей или общества в обозримой перспективе: социальная ответственность, справедливость, непричинение вреда.

Несмотря на эту разнопорядковость по нескольким основаниям, все наши базовые ценности объединяет ориентация на общее благо: даже те ценности, которые касаются только работы с информацией и соотносятся с абстрактными идеалами, в конечном итоге нацелены на гармонизацию общественных отношений. Это подтверждает их статус ценностей общественной морали. Место же этих ценностей в этике СМИ определено полторавековой историей становления журналистики как профессии. В следующем параграфе

мы проследим историю появления каждой из наших ценностей и попытаемся раскрыть их современное содержание.

§2.2 Содержание базовых нравственных ценностей журналистики

В предыдущем параграфе мы обосновали перечень основных, на наш взгляд, ценностей журналистской этики. В этом параграфе мы подробно рассмотрим историю и содержание каждой из этих ценностей, чтобы иметь возможность понять сущность связанных с ними проблем в журналистской этике.

Свобода слова

Свобода слова стала одной из первых и самых важных идей, которые сформировали современную журналистику. Свобода – одна из основополагающих ценностей для европейской культуры в целом. Как пишет И. Берлин, «почти каждый моралист в человеческой истории воспел свободу»¹. Со временем наметилось различие двух видов свободы: позитивной и негативной, внутренней и внешней, «свободы для» и «свободы от». Первая понимается главным образом как свобода от страстей, господство знания и разума над аффектами и иллюзиями (достигаемая как с помощью самоконтроля, так и с помощью рестриктивных, но «освободительных» в этом смысле законов); вторая – как свобода от внешних ограничений и принуждения. По мнению И. Берлина, второе понимание свободы исторически оказалось гораздо гуманнее первого. Идея «свободы для» постепенно стала использоваться для обоснования и оправдания авторитарных режимов самого разного толка. Идея же «свободы от», подразумевающая, в первую очередь, политико-правовую автономию человека, дала жизнь всей системе современных гражданских свобод, включая свободу слова.

Историю проникновения ценности свободы в журналистику – где она была конкретизированная в основном в идее свободы слова, или самовыражения, – принято начинать с Дж. Мильтона. В 1644 году он написал сочине-

¹ Берлин И. Два понимания свободы // И. Берлин. Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001. С. 125.

ние «Ареопагитика: Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии», которое стало ответом на принятое депутатами английского парламента в 1643 году постановление о предварительной цензуре публикаций. В нем он решительно выступил в защиту свободы слова, утверждая, что англичане – достаточно разумный народ, чтобы самостоятельно, без помощи государства, различать добро и зло, правду и неправду. Более того, по его мнению, бог специально дает людям соблазны, чтобы они делали выбор, и отнимать у них этот выбор – богопротивное дело. Цензура не ведет к нравственному совершенству: «...Обратите внимание на Италию и Испанию: сделались ли эти страны хоть сколько-нибудь лучше, честнее, мудрее, целомудреннее с тех пор, как инквизиция стала немилосердно преследовать книги?»² Зато она может привести к потере истины, потому что ее не всегда можно увидеть с первого взгляда. Истина не нуждается в помощи цензоров, которые и сами могут быть не безгрешны («Государство ... так же легко может ошибаться в цензуре, как цензор в авторе»³), и она сама обязательно выиграет в честном столкновении с ложью («Ибо кто же не знает, что Истина сильна, почти как Всемогущий?»⁴). Только для этого всем людям нужен свободный доступ ко всем идеям: «Дайте мне поэтому – что выше всех свобод – свободу знать, свободу выражать свои мысли и свободу судить по своей совести»⁵.

Пламенное сочинение Мильтона не привлекло большого внимания сразу после выхода, и только спустя примерно сто лет – в XVIII веке – широко распространилось в Англии и Америке. Именно от него пошли современные понятия «открытого рынка идей» и «процесса возвращения к истине» (т. е. классической либеральной теории конечного возобладания истины над неистинной). Но Милтон писал «Ареопагитику» в отчетливо религиозном контексте: истина, о которой он говорит, – это божественная истина, и ее конеч-

² Милтон Дж. Арёпагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644). URL: <http://krotov.info/acts/17/2/milton.htm> (дата обращения: 03.05.2013).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ная победа произойдет не без божественного вмешательства. В этом смысле он сильно отличается от более поздних защитников свободы слова, которые уже не опирались на идею бога, а предполагали, что «процесс возвращения к истине» происходит сам собой. В XVIII веке активные дискуссии на эти темы шли в США, где сторонники максимальной, ничем не ограниченной свободы слова (например, союзник Т. Джефферсона Дж. Хей) боролись с людьми более консервативных взглядов, причем не только на бумаге, но и на практике – в судах, добиваясь либерализации законодательства⁶. И хотя отцы-основатели США, выступая за свободу слова, не считали нужным надеяться ею своих оппонентов (точка зрения тори виделась им просто неправильной и не заслуживающей права быть выраженной свободно), к XIX веку, благодаря усилиям философов, публицистов, юристов и политических деятелей (в частности, Т. Пейна и других), свобода слова стала восприниматься в Америке как универсальная ценность.

Значительным событием в истории идеи свободы слова стал выход в Европе сочинения Дж.С. Милля «О свободе» в 1859 году. Основная мысль Милля состоит в том, что любой человек должен быть свободен действовать по своему усмотрению и высказывать любую точку зрения до тех пор, пока его действия и высказывания не нарушают свободу другого человека или не приносят ему вред. Будучи утилитаристом, Милль считал, что свобода слова способствует наибольшему счастью наибольшего числа людей, то есть делает общество более совершенным. Ущемление же свободы выражения мнений наносит обществу урон по нескольким причинам. Во-первых, замалчиваемое мнение может оказаться истиной. Во-вторых, даже если оно ошибочно, в нем может содержаться часть истины, необходимая для того, чтобы найти полную истину. В-третьих, даже если общепринятое мнение – это вся истина, люди воспринимают ее не как нечто рациональное, а как предубеждение, если только им не приходится это мнение защищать. И, наконец, в-четвертых,

⁶ См. *Altschull J.H.* From Milton to McLuhan: The Ideas Behind American Journalism. Longman, 1990. P. 99–136.

если общепринятое мнение не оспаривать, оно становится замшелой догмой и теряет свой смысл, жизнеспособность и влияние на нравы и поведение людей⁷.

Идея Милля хорошо выражена в часто цитируемой фразе: «Если бы весь род человеческий за исключением только одного индивидуума был известного мнения, а этот индивидуум был мнения противоположного, то и тогда все человечество имело бы не более права заставить молчать этого индивидуума, чем какое имел бы и сам индивидуум заставить молчать все человечество, если бы имел на то возможность»⁸. Милль решительно выступал против конформизма, утверждая, что общество может развиваться только благодаря ярким индивидуальностям. Ограничение свободы слова делает становление таких индивидуальностей практически невозможным, а значит, ведет к стагнации или даже деградации общества. Как и Мильтон, Милль считал, что цензура препятствует нахождению истины: «Только тот вполне знает истину, кто с равным вниманием и с равным беспристрастием изучал все различные мнения и равно уяснил себе все аргументы всех различных мнений»⁹, и поэтому нужно не только не препятствовать высказыванию всех возможных мыслей, но и, наоборот, поощрять его. Замалчивание же любого мнения представляет собой «воровство по отношению ко всему человечеству, как к будущим, так и к настоящим поколениям, как по отношению к тем, кто усвоил бы себе преследуемое мнение, так и по отношению к тем, кто бы его отверг»¹⁰.

Милль – один из главных в истории философии теоретиков свободы самовыражения, заложивший, наряду с Мильтоном, основы либеральной позиции по этому вопросу. Современные журналисты, отстаивающие ценность свободы слова и ее главенствующую роль в этике отношений журналиста с государством/обществом, неизменно обращаются к его классическому трак-

⁷ Милль Дж.С. О свободе // Дж.С. Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Типография (быв). А.М. Котомина, 1882. С. 250–251.

⁸ Там же. С. 176–177.

⁹ Там же. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 177.

тату. В западной литературе о журналистике эту начатую Мильтоном и продолженную Миллем традицию в философии СМИ иногда называют традицией либерализма эпохи Просвещения (Enlightenment liberalism), но чаще всего – либертарианской традицией. Это связано с тем, что оба философа предложили идею практически ничем не ограниченной свободы слова (Мильтон в своем трактате не упоминает о том, в каких случаях свобода слова могла бы ограничиваться, Милль же однозначно указывает: ограничения возможны только в тех случаях, когда сказанное/написанное причиняет окружающим реальный, осязаемый вред)¹¹. Речь, однако, не идет о том, чтобы в полной мере причислить Мильтона и Милля к либертарианцам: подразумевается только, что в контексте теории информации и массовых коммуникаций они придерживались подхода, близкого к либертарианскому. Традиция называть его именно так зародилась в середине XX века с выходом в США книги «Четыре теории прессы»¹² (ставшей впоследствии классической), где описываемая нами традиция в философии СМИ была названа либертарианской теорией прессы.

Либертарианские и либеральные идеи оказали значительное влияние на становление журналистики и законодательства о средствах массовой коммуникации в Европе и Америке. Первая поправка к конституции США, гарантирующая свободу слова и свободу прессы, вступила в силу в 1791 году после бурных общественных дебатов. В Европе борьба за независимость прессы от внешнего диктата продолжалась на протяжении XVII и XVIII веков.

¹¹ Что касается Милля, то его сочинение «О свободе» считается написанным в либертарианском ключе еще и из-за идеи «жизненных экспериментов»: для реализации своего потенциала, пишет философ, человек должен постоянно ставить эксперименты, и для этого ему нужна практически ничем не ограниченная свобода. Впрочем, некоторые исследователи оспаривают даже условное/частичное причисление Милля к корпусу либертарианцев (см, например, *Hamburger J. John Stuart Mill On Liberty and Control. New Jersey: Princeton University Press, 1999*). В этой диссертации мы не будем углубляться в различия между либертарианской и либеральной теориями, так как этого не требуют задачи исследования, и в основном будем следовать доминирующей западной традиции в этике СМИ, согласно которой, главенствующей теорией прессы до XX века была либертарианская теория, основывающаяся, в том числе, на сочинении Милля «О свободе».

¹² *Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998.*

Право присутствовать на заседаниях парламента было дано журналистам Великобритании только в конце XVIII века. Английские судьи в то время придерживались мнения, что публикация материалов, содержащих критику правительства или должностных лиц, даже если она справедлива, подрывает основы государственности и потому незаконна. В этом вопросе либералы одержали победу только в середине XIX века, когда установление истины (правды) было признано легитимным основанием для того, чтобы напечатать критический материал о правительстве¹³.

К началу XX века ценность свободы выражения мнений для журналистики была уже неоспорима – что, однако, не означает, что на эту тему больше не велось дискуссий. Основной вопрос, споры вокруг которого начались еще в XVIII веке, заключается в том, до какой степени свободу слова все же следует ограничивать. Все мыслители и либерального, и условно либертарианского толка соглашались, что неограниченная свобода в широком смысле приведет к социальному хаосу, при котором свобода одних будет подавляться свободой других. То же можно сказать и о свободе слова: ничем не ограниченную, не подразумевающую никакой ответственности свободу слова отстаивали и продолжают отстаивать только отдельные радикальные либертарианцы. Милль к таким радикальным либертарианцам не относился – он писал следующее: «Никто не станет утверждать, чтобы действия должны были быть так же свободны, как и мнения, а напротив, даже сами мнения утрачивают свою неприкосновенность, если выражаются при таких обстоятельствах, что выражение их становится прямым подстрекательством к какому-нибудь вредному действию»¹⁴. Именно это минимальное ограничение легло в основу одного из законодательных запретов, ограничивающих свободу самовыражения в большинстве цивилизованных стран мира: запрета на подстрекательство к насилию, разжигание ненависти, розни и вражды. Другим рас-

¹³ *Сиберт Ф.С.* Либертарианская теория прессы // Ф.С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998. С. 79.

¹⁴ *Милль Дж.С.* Указ. соч. С. 256–257.

пространенным правовым ограничением стали законы о защите чести и репутации. И то, и другое означает не предварительную цензуру, а юридическую ответственность, которая может наступить вследствие опубликования текстов. По вопросу же о возможности предварительной цензуры или самоцензуры до сих пор нет согласия между радикальными либертарианцами и их оппонентами – в частности, теми, кто выступает за самоограничения в журналистском сообществе. По мнению Ф. Сиберта, именно «неспособность обеспечить строгие нормы повседневной работы средств массовой информации, а точнее, найти устойчивую формулу, разграничивающую свободу и злоупотребление свободой»¹⁵ стала самым большим недостатком так называемой либертарианской теории прессы.

Следует отметить, что свобода в негативном понимании – необходимое условие существования морального субъекта в принципе: если человек не имеет выбора и может действовать только по жестко заданной внешними условиями схеме, то его невозможно судить с точки зрения морали. В этом смысле свобода слова – это предпосылка существования журналистской этики в принципе. В то же время, чтобы достичь позитивной свободы, человек должен работать над собой, отсекал все соблазняющие его устремления и осознанно выбирать то, что, предположительно, является благом для него и для окружающих. Именно в контексте идеи позитивной свободы можно рассматривать журналистские этические кодексы: они не навязываются извне, а принимаются самим журналистским сообществом, и их положения не обязательны к применению, а имеют рекомендательный характер (их несоблюдение не влечет за собой юридических санкций и может повлечь только административные санкции или моральное осуждение). По своей сути правила кодексов – это попытка журналистов «освободить» себя от смущающих соблазнов (высказать собственное мнение, принять одну из сторон конфликта, исказить факты, придумать несуществующее и т. д.), попытка перестать быть частным лицом со своими пристрастиями и быть только профессионалом.

¹⁵ Сиберт Ф.С. Указ. соч. С. 111.

Таким образом журналисты как бы «освобождают» сами себя для того, чтобы более эффективно служить обществу.

Дж. Мерилл считает, что для современной журналистской этики важна именно идея позитивной свободы, в то время как негативная свобода уже не имеет такого значения, какое имела раньше: «Свобода, о которой говорят сегодня в журналистских кругах, обеспокоенных этикой СМИ, в целом называется *позитивной свободой* (или активной свободой) – это свобода СМИ ответственно реагировать на социальные проблемы и запросы. Более старую концепцию *негативной свободы* (пассивной свободы, свободы от внешнего контроля или управления), которую некоторые сегодня ассоциируют с дискредитировавшим себя либертарианством, берущим начало в эпохе Просвещения, теперь часто считают социально непродуктивной и даже вредной»¹⁶. То, что Дж. Мерилл имел в виду, можно проиллюстрировать высказыванием, которое приписывается журналисту-либертарианцу начала XX века В.П. Гамильтону из газеты «Уолл-стрит джорнал»: «Газета является частным предприятием, которое абсолютно ничего не должно публике, а публика не предоставляет газете никаких особых прав. Газету, следовательно, не волнуют никакие общественные интересы. Она безусловно является собственностью владельца, который продает произведенный товар на свой собственный страх и риск»¹⁷. Такое понимание роли журналиста и издателя, которое было нормой в Европе и Северной Америке в начале XIX века, к началу XX века в силу ряда причин постепенно становилось все менее уместно. Как в философии в целом, так и в философии СМИ все большее значение стала приобретать ценность социальной ответственности.

¹⁶ *Merrill J.C. Journalism Ethics: Philosophical Foundations for News Media. Boston: St. Martin's press, 1997. P. 98–99.*

¹⁷ Цит. по: *Питерсон Т. Теория социальной ответственности прессы // Ф.С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998. С. 112.*

Социальная ответственность

Хотя тема ответственности обсуждалась в философии еще Аристотелем, в XX веке она приобрела новое звучание. Наиболее полно ее раскрыл в 1970-х годах Г. Йонас: в книге «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации» он говорит о необходимости новой этики в условиях технологического прогресса и возрастания масштабности и неотвратимости технологических изменений. Эта новая этика должна быть основана на ответственности. По наблюдению философа, традиционная этика не принимала во внимание отдаленные последствия человеческих поступков, так как в ней господствовало убеждение, что природа человека и природа вещей неизменны. Но в XX веке, когда скорость социальных и технологических изменений, а вместе с ними влияние человека на климатические процессы и вопросы глобальной безопасности стали стремительно увеличиваться, «старая» этика перестала работать. «Разумеется, ответственность ничуть не новое явление в нравственности, – пишет автор, – однако никогда прежде у нее не было такого объекта, да и теория этики до сих пор уделяла ей мало внимания»¹⁸.

С технологическими же изменениями связано усиление того значения, которое ценность социальной ответственности имело и имеет в этике СМИ. Научно-технический прогресс привел к резкому увеличению объемов выпускаемой печатной продукции и скорости ее географического распространения, а также создал условия для появления новых средств массовой информации – кино, радио и телевидения. Индустриализация способствовала росту городского населения, увеличению объема рекламы и, как следствие, повышению тиражей. Всего несколько крупных СМИ стали способны обслуживать огромную аудиторию. Мелким СМИ становилось все труднее выживать в этой конкурентной среде, и собственность на средства массовой информации начала концентрироваться в руках сравнительно небольшого количества пред-

¹⁸ Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 38.

принимателей. В обществе США и Европы стала нарастать обеспокоенность тем, что свобода прессы находится под угрозой – причем эта угроза исходила не от правительств, а от самих владельцев СМИ. Крепло и недовольство «желтой прессой» – в частности, изданиями медиамагнатов У. Херста и Дж. Пулицера, которые в погоне за тиражами использовали драматический стиль подачи информации и кричащие, искажающие смысл событий заголовки. В то же время, менялся общий интеллектуальный климат: в журналистику стало приходить все больше образованных людей, которые чувствовали настроения эпохи и были готовы принять на себя дополнительные обязательства ради благосостояния общества.

В этих обстоятельствах владелец журналов «Тайм», «Лайф» и «Форчун» Г.Р. Люс в 1940-х годах инициировал создание в США специальной комиссии, которая исследовала бы ситуацию со свободой слова и с нравственностью в американских СМИ. Такой орган, возглавленный философом Р. Хатчинсом и названный Комиссией по вопросам свободы печати, начал работу во время Второй мировой войны. В 1947 году комиссия подготовила доклад под названием «Свободная и ответственная пресса. Общий отчет о СМИ: газеты, радио, кино, журналы и книги»¹⁹. В нем говорилось о том, что в условиях быстрого технологического прогресса и усложняющегося устройства общества положение СМИ изменилось, и американской прессе (под словом «пресса» в докладе подразумеваются все средства массовой информации²⁰), чтобы сохранить в стране свободу самовыражения, необходимо принять на себя определенные обязательства и ответственность перед обществом. И если раньше те, кто вообще задумывался об общественной ответственности журналистов, пытались интегрировать эту идею в либертарианское представление о свободе печати, то члены комиссии Хатчинса сочли, что этого недостаточно, и предложили принципиально новую концепцию, которая со време-

¹⁹ A Free and Responsible Press. A General Report on Mass Communication: Newspapers, Radio, Motion Pictures, Magazines, and Books. Chicago: The University of Chicago Press, 1947.

²⁰ Ibid. P. 109.

нем получила название «теории социальной ответственности прессы». Она оказала такое влияние на последующее развитие журналистской этики, что исследователь Э.Б. Ламбет назвал отчет комиссии «самым важным документом о средствах массовой информации в двадцатом веке»²¹. А не менее авторитетный исследователь Дж. Меррилл пришел к выводу, что журналистская этика в принципе начинается только с доклада комиссии Хатчинса, так как члены комиссии, выйдя за пределы либертарианства, впервые заговорили о том, как *следует* вести себя прессе²².

Основная идея доклада и всей теории заключается в то, что в условиях развивающегося индустриального общества и появляющихся вместе с ним угроз для свободы слова пресса должна принять на себя новую ответственность перед обществом: свобода СМИ может сохраниться только как ответственная свобода. Заботой о свободе слова проникнут весь доклад – авторы не устают повторять, что она является важнейшим условием демократии и благосостояния общества и защитой от авторитаризма; что никакая нация не может быть заинтересована в том, чтобы подавлять совесть своих граждан. Однако свобода слова в опасности, и ее нужно сохранить. Если либертарианская теория прессы основывалась на идее негативной свободы (главным врагом было государство, и главной задачей прессы было охранять свободу личности от его посягательств), то члены комиссии Хатчинса полагали, что в современном им мире свобода должна пониматься как негативно, так и позитивно. «Свобода от» должна дополняться «свободой для» – а именно, для сохранения и развития свободного общества. В некотором смысле получается, что оба варианта свободы существуют ради самой свободы, но только в первом случае главенствующую роль играет свобода личности, а во втором – свобода общества.

²¹ Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Национальный институт прессы, 1998. С. 25.

²² См. Merrill J.C. Op. cit. P. 16.

Позитивная свобода, подразумеваемая в теории социальной ответственности прессы, предполагает наличие дополнительных, не использовавшихся ранее инструментов для своего претворения в жизнь. «Быть свободным – значит использовать имеющиеся возможности действия (i) без внешнего ограничения или контроля и (ii) при наличии средств и инструментов, которых требует данное действие», – писал в дополнительном докладе комиссии под названием «Свобода прессы: рамки принципа» один ее из самых активных членов философ У. Хокинг²³. Эти инструменты – технические и финансовые ресурсы, доступ к источникам информации в своей стране и за рубежом, возможность представлять результаты своей работы на национальном рынке и т. д.²⁴

В целом, комиссия выработала пять требований к свободной и ответственной прессе.

Во-первых, пресса должна обеспечивать «правдивый, всесторонний и вдумчивый отчет о событиях дня в контексте, который объяснял бы их значение»²⁵. Здесь речь идет о том, что СМИ должны быть точными, не должны лгать, должны тщательно выбирать источники информации, представлять позиции всех сторон конфликта, четко разделять факты и мнения. Но этого недостаточно: «Сегодня уже мало просто правдиво сообщить о *факте*. Нужно сообщать *правду о факте*», – говорится в докладе. Другими словами, недостаточно, например, механически представить позиции всех сторон конфликта – нужно вглядываться в то, что стоит за каждым событием, обрисовывать контекст, объясняющий, какую почву имеют под собой те или иные заявления, почему событие важно и к чему может привести. Просто правдивого, фактически точного рассказа о событии в современном сложном обществе может не хватить для того, чтобы непосвященный в тему человек получил полную и адекватную картину произошедшего. «Комиссия полагает, что,

²³ Цит. по: Питерсон Т. Указ. соч. С. 142.

²⁴ A Free and Responsible Press. P. 129.

²⁵ Ibid. P. 21–23.

вместо того чтобы считать две полуправды одной правдой, пресса должна искать “всю правду”», – комментирует это положение один из авторов книги «Четыре теории прессы» Т. Питерсон и в качестве иллюстрации приводит цитату своего современника Э. Дэвиса: «Хорошая газета или хорошая информационная вещательная компания должны пройти, как канатоходцы, между двумя глубокими пропастями, где с одной стороны – ложная объективность, которая все принимает за чистую монету и позволяет публике быть обманутой самым наглым шарлатаном, а с другой – “комментированный” репортаж, который не может провести границу между объективным и субъективным, между достаточно хорошо установленным фактом и тем, что репортер или редактор хотели бы считать фактом»²⁶. К умению ходить именно по такому «канату» и призывали члены комиссии Хатчинса своей первой рекомендацией.

Во-вторых, по мнению комиссии, пресса должна служить «форумом для обмена комментариями и критикой»²⁷. Если раньше, в менее развитом обществе, почти каждый мог создать свою газету и через нее транслировать свои взгляды широкой аудитории, то к середине XX века это стало практически невозможно: появились медиагиганты, конкуренция с которыми требует огромных финансовых вложений, и максимум, на что может рассчитывать средний предприниматель, – это местное или нишевое СМИ с небольшой аудиторией. Таким образом, задача представлять мнения самых разных людей ложится на уже существующие крупные СМИ. Если они не будут этого делать, то свобода слова окажется урезанной, так как не все желающие будут иметь возможность высказаться. Это значит, что в прессе должны транслироваться, в том числе, и мнения, с которыми редакция не согласна; должны быть представлены все важные общественные позиции и интересы (это будет способствовать лучшему взаимопониманию между разными группами в обществе); всегда должны быть указаны источники фактов, мнений или аргу-

²⁶ Цит. по: *Питерсон Т.* Указ. соч. С. 134–135.

²⁷ *A Free and Responsible Press.* P. 23–25.

ментов, чтобы каждый мог оценить их и самостоятельно принять решение о том, стоит ли им доверять.

В-третьих, пресса должна давать «представительную картину групп, составляющих общество»²⁸. Этот пункт имеет непосредственное отношение к теме нашей диссертации, и мы будем возвращаться к нему ниже. Вкратце, его суть состоит в том, что пресса должна избегать стереотипов в отношении каких бы то ни было социальных групп, так как стереотипы ведут к распространению в обществе предубеждений. О любой социальной группе нужно писать взвешенно, уделяя равное внимание как ценностям и устремлениям входящих в нее людей, так и их слабостям и недостаткам. Забегая вперед, отметим, что это требование впоследствии стало основным для специальных этических кодексов, посвященных освещению межнациональных и межконфессиональных отношений.

В-четвертых, СМИ должны представлять и разъяснять «цели и ценности общества»²⁹. Так же, как и в отношении отдельных общественных групп, здесь необходимо представлять полную картину событий со всеми ее темными и светлыми сторонами. В то же время, авторы отмечают, что у СМИ есть очень важная образовательная функция, и поэтому необходимо «с ответственностью педагога описывать и прояснять идеалы, к которым должно стремиться общество». Этот пункт серьезно расходится с либертарианской теорией прессы, адепты которой вовсе не считали, что пресса должна делать что-то подобное. Стоит также отметить, что это и самый идеалистический пункт концепции: судя по формулировкам, авторы предполагают, что существует некая единая, ясная и разделяемая всеми картина целей и ценностей общества, в то время как на практике у каждого СМИ она может быть своя.

Наконец, в-пятых, СМИ должны обеспечивать «полный доступ к информации дня»³⁰. Хотя в современном обществе основные решения принимают

²⁸ Ibid. P. 26–27.

²⁹ Ibid. P. 27–28.

³⁰ Ibid. P. 28.

лидеры, это не значит, что обычным людям не нужно знать, при каких обстоятельствах и исходя из чего принимались эти решения. Кроме того, лидером может стать любой человек, и для этого ему нужен максимально полный доступ к информации о событиях.

Таковы основные требования, которые, по мнению авторов доклада, современное им общество предъявляло СМИ и которые впоследствии легли в основу теории социальной ответственности прессы. Одно из важных отличий теории социальной ответственности от либертарианской теории заключается в самом понимании свободы слова. Если в либертарианской традиции свобода слова – это естественное право, с которым человек родился и которое у него никто не может отнять, и оно не предполагает практически никаких обязанностей, то в теории социальной ответственности свобода слова стала моральным правом с элементами обязанности. «Если человек обременен идеей, он не только хочет ее выразить – он обязан ее выразить, – пишут авторы доклада. – Он должен это своей совести и общему благу. ...Это его обязанность перед сообществом и чем-то большим, чем сообщество: скажем, перед правдой. Это долг ученого перед своим результатом и долг Сократа перед оракулом; это долг каждого человека перед своими убеждениями»³¹. То есть, если в либертарианской традиции человек мог высказывать свои убеждения, а мог и не высказывать (и то, и другое было его абсолютным моральным правом), то, по логике авторов теории социальной ответственности, человек обязан обнародовать свои убеждения даже в том случае, если ему не хочется этого делать: таким образом он помогает идеям конкурировать на интеллектуальном рынке и способствует развитию общества и свободы слова. Эту идею членов комиссии можно критиковать по нескольким причинам. Во-первых, она не учитывает право человека на частную жизнь: хотя высказывание убеждений – это до некоторой степени дело публичное, в большей степени оно все же касается частной жизни. Во-вторых, она содержит в себе противоречие: если человек в любом случае обязан высказать мысль, это значит, что у

³¹ Ibid. P. 8.

него нет выбора, а следовательно, он уже несвободен. И в-третьих, хотя права в большинстве случаев и предполагают некоторые обязанности, сложно обосновать утверждение, что какое-то право может включать в себя обязанность, и авторы доклада это не делают. Тем не менее, члены Комиссии Хатчинса в то время посчитали такое понимание свободы слова правильным, чем и вызвали на себя волну критики со стороны приверженцев традиционного понимания свободы слова.

Критика отчасти была направлена против идеи того, что свободу так или иначе нужно ограничивать. «Понятие бесплатных, безусловных прав, дарованных Господом при рождении, было прекрасным принципом борьбы против произвола государства, и у него была своя историческая роль. Но в контексте достигнутой политической свободы становится очевидной необходимость в ограничении этой свободы», – считали члены комиссии³². Практикующие журналисты сразу после выхода доклада назвали выводы комиссии оторванными от реальности, «учеными и абстрактными», «высоколобыми», а членов комиссии окрестили «элитарными платонистами»³³, намекая, в частности, на то, что все они были исследователями-теоретиками, а не журналистами-практиками.

Но главной мишенью критики стала идея вмешательства государства в деятельность СМИ для обеспечения их свободы и ответственности. «По мнению комиссии, каждый, кто озабочен свободой прессы и будущим демократии, должен сделать все возможное, чтобы пресса стала ответственной, а если она не станет такой по своей воле, то в качестве последнего средства для этого будет применена сила правительства», – написано в докладе³⁴. И хотя предлагаемые меры были крайне либеральными (поощрять создание новых СМИ для увеличения конкуренции, способствовать введению технологических новшеств, мягко использовать антимонопольные законы в сфере СМИ),

³² Ibid. P. 121.

³³ См. *Kaplar R.D., Maines P.D. The Government Factor. Undermining Journalistic Ethics in the Information Age. Washington: Cato Institute, 1995. P. 27.*

³⁴ A Free and Responsible Press. P. 80.

а некоторые и вовсе были направлены на увеличение свободы СМИ в ее негативном смысле (вместо уголовного наказания за клевету ввести закон, по которому провинившееся СМИ должно было просто напечатать опровержение или дать оговоренному человеку возможность ответить; вместо тотального запрета на революционные призывы свести запрет только к тем из них, которые с большой вероятностью могут привести к насилию)³⁵, защитники либертарианской теории в принципе не могли согласиться с тем, что государство может вмешиваться в деятельность СМИ.

Однако со временем идеи комиссии Хатчинса стали все больше приниматься журналистским сообществом. Уже в 1953 году Т. Питерсон писал: «Независимо от того, принимаются ли аргументы комиссии или отвергаются, один вывод абсолютно ясен – либертарианская теория в чистом виде устарела, как это фактически признала вся пресса. Ее место постепенно занимает новая концепция, ... хотя на данной стадии еще невозможно разглядеть, какой будет эта теория, когда она разовьется полностью. Люди, все еще утверждающие, что свобода печати является чисто личным правом гражданина, принадлежат к исчезающей породе, их голоса одиноки, а взгляд анахроничен»³⁶. Разглядеть, какой стала эта новая теория, стало возможно уже через пару десятилетий: в журналистике стали принимать все больше этических кодексов, в которых учитывались ее положения и рекомендации, и под ее же влиянием в СМИ разных стран начали создаваться советы по прессе и появился институт ньюз-омбудсмена³⁷.

Ценность ответственности в целом все больше осознавалась в профессии, хотя и в дальнейшем существовали (и по сей день существуют) те, кто придерживался либертарианских идей в отношении журналистики и кто даже принятие журналистских этических кодексов считает несовместимым с базовым понятием свободы выражения мнений. Но, как писал в 1990-х годах

³⁵ Ibid. P. 80–90.

³⁶ Питерсон Т. Указ. соч. С. 155.

³⁷ Подробнее об этом: Назаретян К. Журналистская этика: тенденции развития // Этическая мысль. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2010.

Дж. Меррилл, ценность свободы к концу столетия стала уступать ценности ответственности: «Несмотря на наследие эпохи Просвещения, силу голосов в защиту свободы, нежелание либертарианства умирать и духовное влияние экзистенциализма, переход от свободы к ответственности, кажется, продолжается. По меньшей мере, в некоторых уважаемых академических кругах бытует мнение, что прежний упор на свободу и индивидуализм разрушителен для журналистской этики»³⁸. Похожего мнения сегодня придерживаются и многие практикующие журналисты. И хотя большинство репортеров и редакторов согласны с тем, что минимальный набор кодифицированных правил, ограничивающих свободу самовыражения, необходим, в профессиональной среде остро стоит вопрос: сколько еще правил допустимо принять в дополнение к существующему минимуму? Сегодня журналистские организации в разных странах официально выпускают самые разные специальные этические кодексы: о том, как освещать истории, связанные с детьми, с меньшинствами, с психологической травмой и т. д. Некоторые журналисты считают, что часть этих правил слишком далеко выходят за пределы необходимого минимума и вместо обеспечения позитивной свободы только ограничивают негативную.

Нюансы понимания свободы слова и социальной ответственности

Содержания ценностей свободы слова и социальной ответственности в силу своей сложности открыты множеству интерпретаций, поэтому мы попытаемся уточнить здесь наше понимание этих ценностей.

Понятийная цепочка «негативная свобода слова – позитивная свобода слова – социальная ответственность» в журналистике представляется нам неким континуумом, где в зависимости восприятия позитивная свобода слова может быть ближе либо к негативной свободе слова, либо к социальной ответственности. Если рассматривать крайнюю степень негативной свободы слова как свободу говорить все, что вздумается, а крайнюю степень позитив-

³⁸ *Merrill J.C.* Op. cit. P. 98.

ной свободы – как максимальную концентрацию на саморегулировании, то последняя будет почти сливаться с социальной ответственностью. Упрощая, можно сказать, что чем больше журналист заботится о последствиях своих действий для общества, для судеб людей, тем ближе он «подходит» на этой шкале к социальной ответственности, а чем меньше – тем он оказывается ближе к негативной свободе слова. Если же говорить о свободе слова в наиболее распространенном сегодня ее понимании – как свободе говорить почти все, но с минимальными разумными ограничениями (информация должна быть проверена по нескольким источникам, журналист не должен намеренно говорить неправду, не должен оскорблять людей только ради того, чтобы оскорбить, не должен разжигать ненависть между людьми и т. п.) – то такое понимание, на наш взгляд, будет находиться где-то «посередине» между негативной и позитивной свободой слова. Именно такое понимание мы берем за основу в нашей диссертации.

Сложный концепт представляет собой и сама социальная ответственность в журналистике. В общем виде социальная ответственность журналиста – это его забота о благополучии общества: социально ответственный журналист задумывается о последствиях своих материалов и выстраивает свою работу таким образом, чтобы общество в целом в результате нее максимально выиграло. Сложность заключается в том, что именно считать благом для общества. Как мы отмечали выше, не чем иным, как заботой о благе общества, обусловлено и отстаивание ценности свободы слова: по мнению защитников свободы, только на свободном рынке идей возможно появление действительно блестящих мыслей, которые будут спасительны для общества. Забегая вперед, то же можно сказать и о ценностях правды и беспристрастности: предоставление обществу максимально полной, непредвзятой информации позволяет членам этого общества самостоятельно оценить ее и принять взвешенные решения относительно социально важных вопросов. Подразумевается, что и от свободы слова, и от правды, и от беспристрастности общество только выиграет – и в этом смысле отстаивание этих ценностей и есть

свидетельство социальной ответственности. Однако речь в этом случае идет о долгосрочной перспективе. Социальная ответственность же в том виде, в котором мы понимаем ее здесь, подразумевает перспективу краткосрочную. Свободное и беспристрастное распространение такой правдивой информации, как военная тайна, может способствовать созданию более прозрачного мира в долгосрочной перспективе, но рискует иметь разрушительный эффект непосредственно после обнародования. Именно «обозримое будущее» после обнародования материала и есть область применения того, что мы называем социальной ответственностью: социально ответственный журналист, в первую очередь, думает о непосредственных эффектах для общества от своего материала.

Правда

Не меньшее значение в журналистике, чем предыдущие две ценности, имеет ценность правды. О правде как об одном из главных принципов журналистики заговорили в XVII веке: когда в Европе (прежде всего, в Англии) только начали появляться первые периодические новостные листовки (news-sheets) и полемические памфлеты, их редакторы и авторы уже обещали своим читателям сообщать правду. Тогда же наметилась и двойственность в понимании смысла этой ценности: редакторы XVII века под английским словом «truth» подразумевали и правду, и истину. С одной стороны, они обещали быть правдивыми в своих отчетах (то есть, не писать неправды), а с другой – претендовали на то, что сообщат читателю всю полноту истины о произошедшем событии. Но та истина чаще всего была односторонней и пристрастной: как отмечает автор монументального труда по истории правды и объективности в журналистике С. Вард, «не следует “опрокидывать” современные ценности в прошлое. ... Ранние издатели новостей не были самопровозглашенными “сторожевыми псами” либерального общества, а их издания не бы-

ли форумом для выражения разных мнений. В полемических памфлетах печатали “Истину”, а тех, кто был с ней не согласен, посылали к дьяволу»³⁹.

Со временем – хоть и медленно – публикация откровенно пристрастных материалов переставала быть нормой, но проблема истины продолжала оставаться в центре журналистской этики, причем не только как ценность, но и как одна из главных целей профессиональной деятельности. Ради истины защищали право на свободное выражение мнений и Мильтон в XVII веке, и Милль в XIX-м. Их понимания истины различались: для Мильтона это была божественная истина, для Милля – просто истинное положение вещей, но оба были уверены, что единая, определенная и независимая от человеческого мышления истина существует, и именно ради ее обнаружения следует избавляться от всяких ограничений цензуры. Средством для достижения этой истины была правдивость как практический принцип. Таким образом, проблема истины еще несколько столетий назад проникла в содержание журналистской этики.

В XX веке концепция истины стала подвергаться серьезной критике, что во многом повлияло и на теорию и практику журналистики. Философия прагматизма опиралась на идею, что истина изменчива и человек создает ее вместе с объективной реальностью, поэтому, по большому счету, истина – это то, что в каждый конкретный момент дает практические результаты. Позже философы-постмодернисты стали полностью отрицать возможность существования истины, независимой от мышления, в принципе не считая проблему истины достойной внимания. Продолжая традицию прагматизма, Р. Рорти писал: «Мы полагаем, что можно разными способами описывать происходящие события, но ни один из этих способов не подойдет ближе, чем другой, к тому, как обстоят дела сами по себе. Мы понятия не имеем, что может означать словосочетание “сама по себе” во фразе “реальность сама по

³⁹ *Ward S.J.A. The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006. P. 100.*

себе»⁴⁰. Согласно этим взглядам, никакой определенной, объективной и навеки установленной истины не существует, а существуют лишь множество правд, каждая из которых имеет право на то, чтобы о ней узнали. Под влиянием культурных изменений большинство журналистов перестали понимать слово «truth» как однозначную истину, которую они должны сообщить читателю. Смысл этого слова трансформировался в то, что на русский язык уместнее переводить как «правда» – однако, с одним уточнением: не просто «правда», а, по возможности, «вся правда». Наследием прежней картины мира, в которой журналист должен был открыть читателю всю полноту истины, стало современное представление об обязанности журналиста рассказывать о событиях «правдиво и полно» – иными словами, он по-прежнему должен стараться доносить до читателя всю полноту правды, с той лишь разницей, что правда теперь понимается не как «истина в последней инстанции», а как полная картина в том виде, в котором журналист ее воспринимает. Гарантией того, что он представит ее именно так, как видит, по-прежнему должно стать требование правдивости.

С появлением первых журналистских этических кодексов в начале XX века ценность правды (для удобства в контексте XX века мы будем говорить о «truth» уже как о «правде») сразу же закрепились в них как одна из основных. В двух первых национальных этических кодексах американских журналистов – в кодексе Американского общества новостных редакторов (ASNE) 1923 года и в кодексе общества «Сигма Дельта Хи» (позже превратившегося в Общество профессиональных журналистов, SPJ) 1926 года (эти два кодекса фактически копировали друг друга) – говорилось: «Наша основная цель – это правда»⁴¹. В сегодняшнем кодексе американского Общества профессиональных журналистов (который с тех пор был существенно пересмотрен) первый

⁴⁰ Rorty R. Truth and Progress: Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 1.

⁴¹ Этический кодекс организации «Сигма Дельта Хи» 1926 года. URL: <http://www.spjvideo.org/quill/codedcontroversey/ethics-code-1926.pdf> (дата обращения: 05.10.2013).

и главный раздел называется «Ищите правду и рассказывайте о ней»⁴². Таким образом, правда в XX веке, как и истина в веке XVII, понималась как одна из главных целей журналистской деятельности. Интересно, что, глядя из России и через призму русского языка, в котором существует разница между словами «правда» и «истина», легче понять суть затруднений, с которыми сталкиваются англоязычные журналисты и теоретики СМИ в попытках разграничить смысловые импликации слова «truth». Сами они не всегда осознают эту разницу смыслов и историческую изменчивость значений, что будет показано ниже.

Понимание правды в западной журналистике со временем обогащалось новыми оттенками – например, в середине XX века в США появилась концепция «права общества на информацию» («people's right to know»), которая подразумевала, что у журналиста есть моральная обязанность доносить до публики сведения, которые могут иметь для нее хоть какое-то значение. Сюда относились все события политической и общественной жизни, данные о публичных фигурах и организациях и т. д.: предполагалось, что все, что может быть рассказано, должно быть рассказано. И хотя с юридической точки зрения это право не имеет под собой оснований⁴³, в философских дискуссиях оно рассматривается как основа вполне жизнеспособной концепции, тесно переплетающейся с концепцией свободы самовыражения (ведь, как мы видели выше, еще Мильтон писал: «Дайте мне поэтому – что выше всех свобод – свободу *знать* (курсив мой. – К. Н.), свободу выражать свои мысли и свободу судить по своей совести»⁴⁴). Как пишет Дж. Альтшуль, «американские журналисты сегодня четко придерживаются убеждения, что, сообщая новости дня, они не только служат интересам своим читателей, но и удовлетворяют их права. Это – центральное убеждение в журналистской системе ценностей. Однако, *все* познано быть не может, и большой вопрос, на который не нахо-

⁴² Этический кодекс Общества профессиональных журналистов (SPJ). URL: <http://www.spj.org/ethicscode.asp> (дата обращения: 05.10.2013).

⁴³ В силу ряда причин. См. Altschull J.H. Op. cit. P. 250–251.

⁴⁴ Мильтон Дж. Указ. соч.

дит ответа ни одна философская дискуссия на тему права общества на информацию, таков: о праве на *какую* информацию идет речь?»⁴⁵

Именно здесь выявляется семантический слом, который разделят эпохи «истины» и «правды». Любой здравомыслящий журналист осознает, что изложить «всю правду» невозможно: этому помешают как минимум временные и пространственные рамки, очерченные для новостного сообщения. Однако правда для журналистов – это не просто отсутствие лжи. Чем же она является, не поясняет ни один этический кодекс, и это, как считает Дж. Мерилл, составляет одну из главных проблем этой концепции: «Что есть правда? Может ли статья быть правдивой, если в ней недостает какой-то информации? Если данные искажены или преувеличены? Если журналист не называет имя источника информации? Если он приводит цитату вне контекста? Если он неправильно интерпретирует чье-то заявление, перефразируя его (используя не прямое цитирование)? Относится ли понятие правды только к тому, что *говорится*, или также к тому, что *не говорится*? Правда – это *вся* правда или хотя бы *часть* правды?»⁴⁶. Мы видим, что в современной теории журналистики «правда» уже не понимается как «истина» и даже не обязательно понимается как «вся правда». Однако при этом недостаток какой-то информации все же может быть воспринят как неправдивость – то есть, «вся правда» неявно подразумевается. Сформулируем один из главных вопросов о «правде», на которые не дает однозначного ответа профессиональное сообщество, так: «Можно ли назвать правдивым материал, автор которого намеренно утаил от аудитории некоторые данные?» Второй важный для понимания ценности правды в журналистике вопрос заключается в том, что такое «вся правда»: это все, что знает журналист, или нечто большее? Иными словами, можно ли назвать правдивой статью, в которой журналист изложил грудку верных по отдельности фактов и ничего не утаил, но и не объяснил при этом значения произошедшего события? Этот вопрос отсылает нас к Комиссии Хатчин-

⁴⁵ Altschull J.H. Op. cit. P. 252–253.

⁴⁶ Merrill J.C. Op. cit. P. 106–107.

са, которая рекомендовала журналистам не просто правдиво сообщать факты, а сообщать «правду о фактах» – то есть, объяснять, что стоит за каждым событием. Таким образом, кратко сформулировать этот второй вопрос можно следующим образом: «Должна ли правдивая статья давать хотя бы минимальную интерпретацию изложенных фактов?»

Пытаясь ответить на первый вопрос, представим себе журналиста, поддерживающего идею права общества на информацию и разделяющего понимание правдивости как сообщения по возможности «всей правды». Такой журналист будет чувствовать себя обязанным сообщить населению все известные ему факты независимо от того, каковы будут последствия его сообщения. Намеренное утаивание информации он сочтет отступлением от нравственного принципа правдивости: это будет фактически приравниваться к лжи, а моральное требование «Не лги» он будет воспринимать по-кантовски ригористично. В дискуссии об эссе И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия», которая в течение нескольких последних лет шла в России, А.А. Гусейнов так обосновал этическую недопустимость лжи: «Нравственные решения принимаются не потому, что из них что-то следует или они из чего-то следуют, а потому, что они нравственные. А нравственными они являются потому, что прямо увязаны с внутренним достоинством человека как целью самой по себе. Именно таков по Канту статус запрета на ложь»⁴⁷. Журналист, исходящий из подобных предпосылок, будет чувствовать большую ответственность перед своим внутренним достоинством и качеством своего материала, чем перед обществом или конкретными людьми. В то же время, эта позиция сродни либертарианской: на суд публики выносятся вся возможная информация с тем, чтобы общество само в ней разобралось, а роль журналиста при этом – охранять принципы свободы и правды (понимаемой как «вся правда»). Очевидно, что такое понимание правдивости не укладывается в концепцию социальной ответственности прессы, которая предполагает забо-

⁴⁷ Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 112.

ту об обществе и о непосредственных последствиях выпускаемых журналистом материалов, и вступает в противоречие с ценностью непричинения вреда.

Хотя в журналистике по этому вопросу и сейчас существуют разные точки зрения (кто-то ценит принцип правдивости выше других и допускает отступления от него только в самых крайних случаях, а кто-то уверен, что правило «всегда говори всю правду» в определенных ситуациях резко противоречит этике), в широкой практике закрепились этические нормы, ограничивающие журналиста в свободе сообщать некоторые подробности событий. Как было показано в §1.1, сегодня считается неэтичным называть в новостных заметках имена жертв изнасилования, так как это затрагивает их чувства и может негативно сказаться на их жизни и благополучии в определенном сообществе. Журналистов призывают воздерживаться от упоминания или показа особенно жестоких деталей произошедшего, чтобы не травмировать аудиторию. Иногда СМИ не называют имя источника общественно значимой информации, так как это может повлечь за собой санкции в отношении него со стороны государства или той организации, которую он разоблачает. В некоторых кодексах существует требование не называть национальность преступника, если она не имеет прямого отношения к совершенному преступлению. Каждый из этих примеров предполагает замалчивание, недоговаривание правды, но оно осуществляется с целью удовлетворить требованию социальной ответственности и не допустить негативных последствий сообщения информации, во имя гуманности и минимизации вреда.

Второй сформулированный нами вопрос – «Должна ли правдивая статья давать хотя бы минимальную интерпретацию изложенных фактов?» – возникает в связи с сомнениями относительно традиционной концепции объективности, речь о которой будет идти ниже. В середине XX века сложилось понимание того, что «механическое» сообщение фактов без всяких комментариев может привести к тому, что у аудитории сложится искаженное представление о событиях, а это не способствует нахождению правды. В этих ус-

ловиях журналистика ищет новые способы оптимального комбинирования фактов и интерпретаций, которые позволили бы соблюсти разумный баланс между холодной нейтральностью и субъективностью и таким образом подвели бы читателя ближе к правде, а не уведили в сторону от нее.

Как бы там ни было, правда по-прежнему остается одной из главных журналистских ценностей. Как пишет С. Вард, «озабоченность этической журналистики поиском правды строится на надежных основаниях, даже если существуют разногласия относительно концепций правды и даже если единственный путь к правде лежит через интерпретацию»⁴⁸. Дж. Меррилл считает правду «возможно, второй по важности проблемой в журналистике после проблемы свободы»⁴⁹. Ценность правды присутствует практически во всех журналистских этических кодексах, выражаясь в таких правилах, как точность, уважение к фактам, предоставление слова максимальному количеству сторон и т.д.

Беспристрастность

Ценность беспристрастности часто считают подчиненной по отношению к ценности правды: подразумевается, что беспристрастность – необходимое условие получения правды. Но, в то же время, беспристрастность отражает и другой аспект журналистского поведения – смежный, в свою очередь, с честностью. Многие ценности так или иначе соподчинены: при определенных обстоятельствах подчиненной по отношению к ценности правды можно назвать и ценность свободы, и ценность социальной ответственности с ее требованием сообщать новости дня в контексте. Поэтому, учитывая, что беспристрастность занимает собственную важную нишу в журналистской системе этических координат и о ней на протяжении веков велось много споров, мы считаем обоснованным говорить о ней здесь как о самостоятельной ценности

⁴⁸ *Ward S.J.A. Truth and Objectivity // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009. P. 78.*

⁴⁹ *Merrill J.C. Op. cit. P. 105.*

журналистской этики. Ценность беспристрастности в значительной мере пересекается по содержанию с ценностью объективности, но объективность, сыграв очень важную историческую роль в журналистской этике, в сегодняшних реалиях СМИ отходит на второй план, что будет показано ниже. Рядом со словами «объективность» и «беспристрастность» в этико-журналистских исследованиях и документах часто упоминается принцип сбалансированности подачи материала, который можно назвать инструментом для претворения в жизнь этих двух ценностей.

Как в человеческой культуре в целом, так и в журналистике нравственная ценность беспристрастности имеет огромную историю. Еще около I тысячелетия до н. э. было сформулировано «золотое правило нравственности» – «Относись к другому так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе», которое предполагало одинаковое отношение ко всем «другим» независимо ни от чего. Однако ни в качестве общего принципа отношения к людям, ни в качестве принципа журналистской работы саму по себе беспристрастность нельзя назвать добродетелью, или моральным качеством, так как ее одной недостаточно, чтобы совершать нравственные поступки. Но беспристрастность все равно необходима в морали – если не как гарантия добра, то хотя бы как одно из средств ограждения от зла.

Именно в таком качестве о беспристрастности (объективности) в журналистике заговорили еще в XVII веке. С. Вард пишет, что с появлением в то время в Европе, прежде всего в Англии, еженедельных новостных листовок начала зарождаться журналистская этика, так как именно тогда возникли первые попытки сформулировать принципы того, что он называет «прото-объективностью» (а именно – принципы приверженности строгим фактам и беспристрастности)⁵⁰. И хотя издателей и журналистов того времени по сегодняшним меркам вряд ли можно всерьез назвать объективными, так как они зачастую обладали отчетливыми политическими пристрастиями, а проверить правдивость сообщаемых ими фактов обычно не было никакой возможности,

⁵⁰ Ward S.J.A. The Invention of Journalism Ethics. P. 90.

все же именно они хотя бы на словах впервые стали придерживаться идеалов фактической точности и беспристрастности и, более того, распространять эти идеи, созданные наукой Нового времени, среди публики.

В XVIII веке в Европе и Америке стал расцветать жанр полемического эссе (того, что сегодня называют колонками, или «*opinion pieces*»). Речь о беспристрастности в отношении тех заметок не шла, но позже в журналистике научились четко разделять полосы новостей и полосы комментариев (колонки), на которых действуют разные правила и разные этические принципы (в частности, к колонкам правило соблюдения беспристрастности неприменимо).

Переломным для понимания идей беспристрастности и объективности в журналистике стал XIX век. Элитарные либеральные газеты, которые были популярны в Англии, постепенно стали вытесняться эгалитарной массовой прессой, появившейся в 1830-х годах в США. Элитарные газеты видели своей задачей просвещение публики и делали упор на комментарии, политические дискуссии и аналитику. При этом просвещение должно было осуществляться в «правильном», либеральном ключе, и информирование подразумевало не распространение нейтральной информации, а формирование мнений и вкусов аудитории («нейтральная» газета не смогла бы продвигать идеалы либерализма)⁵¹. В противовес этому, эгалитарная пресса была в первую очередь бизнесом, и как бизнес она стремилась завоевать максимально широкую аудиторию, в которой были самые разные политические взгляды. Таким газетам было невыгодно поддерживать определенную партию или продвигать какую-то идеологию, так как это сразу отсекло бы часть аудитории – и поэтому они делали ставку на нейтральные новости, которые удовлетворили бы читателя с любыми политическими воззрениями.

Именно тогда в журналистике стали оформляться нормы объективности – внимание к фактической точности, независимость и сбалансированность подачи информации. Примерно тогда же на волне общественных изменений и

⁵¹ Ibid. P. 179–180.

на фоне обеспокоенности общества моральным обликом газет, о чем мы писали выше, началось движение к профессионализации журналистики: стали появляться курсы повышения квалификации, профессиональные ассоциации, а чуть позже – этические кодексы. К концу XIX века стало понятно, что эгалитарным газетам, не вмешивающимся в политические и идеологические споры, гораздо легче выжить в условиях увеличивающейся конкуренции индустриального общества, и в результате, по меткому выражению С. Варда, «редакторы превратили необходимость в добродетель»⁵². Это сочеталось с ростом недовольства «желтой» журналистикой, о котором шла речь выше, и озабоченные моральным обликом СМИ журналисты искали альтернативы пристрастности и скандальности современных им газет. В этих условиях принцип объективности становился одной из важнейших норм журналистской деятельности.

К началу XX века в СМИ окончательно сформировалась модель новостной журналистики, что, по мнению С. Варда, оказало наибольшее влияние на журналистскую этику со времен появления периодической печати в XVII веке⁵³. Новостная журналистика принесла с собой новую систему ценностей (уважение к фактам, разборчивое отношение к источникам информации, внимание к разным точкам зрения и их сбалансированное представление, независимость от политических фракций, непредвзятость) и способствовала разработке конкретных правил и методов, с помощью которых редакция могла бы обеспечивать объективность подачи материала. Например, нормой общения новостей стал сухой стиль без лишней слов и обязательное наличие так называемого лида (вводного абзаца), построенного по формуле «5W»: в нем сжато и ясно должна была даваться информация о том, кто, что, где, когда и почему (who, what, where, when, why) сделал. Произошло переосмысление концепции «свободного рынка идей»: на нем теперь нужны были не только пристрастные мнения, но и независимая, объективная информация –

⁵² Ibid. P. 240.

⁵³ Ibid. P. 191.

чтобы на основании нее люди составляли собственное представление о происходящих событиях. В унисон с набиравшим популярность в философии течением логического позитивизма СМИ сделали ставку на факты, свободные от интерпретаций и оценочных суждений. Редакторы элитарных либеральных газет – «пристрастные» «педагоги» от журналистики – еще пытались отвоевать прежние позиции, называя новые ценности лицемерными (так как, в частности, в погоне за прибылью их носители отказались от «воспитательной» функции СМИ), но их время уходило: критерием профессионализма становилось освоение жанра объективного репортажа.

В четком виде доктрина журналистской объективности (С. Вард называет ее доктриной «традиционной объективности») появилась в 1920-х годах в США. На рубеже веков она была сформулирована в нескольких теоретических работах, а спустя несколько десятилетий появилась в переработанном этическом кодексе американского общества «Сигма Дельта Хи». В нем говорилось так: «Наша основная цель – это правда»; «Другая цель – это объективность в сообщении новостей, которая характеризует опытного профессионала. Это стандарт, к которому мы должны стремиться»⁵⁴. Тому пониманию объективности можно было бы дать следующее определение: «Репортаж является объективным, если и только если он представляет собой фактически точное воспроизведение событий. В нем сообщаются только факты, он свободен от комментариев, интерпретаций и спекуляций репортера. Репортер не склоняется ни к одному из противоборствующих взглядов на рассматриваемый вопрос»⁵⁵. Как пишет Вард, для достижения этого идеала было необходимо, чтобы выполнялись шесть условий: (1) сообщение было основано на проверенных фактах; (2) в сообщении были честно и сбалансировано представлены основные взгляды на рассматриваемый вопрос; (3) в сообщении не находили отражения предрассудки и интересы репортера; (4) журналист был

⁵⁴ Этический кодекс Общества профессиональных журналистов («Сигма Дельта Хи») 1973 года. URL: <http://www.spjvideo.org/quill/codedcontroversy/ethics-code-1973.pdf> (дата обращения: 05.10.2013).

⁵⁵ *Ward S.J.A. Truth and Objectivity. P. 73.*

свободен от страха и обязательств перед кем бы то ни было; (5) журналист не вставал на позицию ни одной из сторон⁵⁶. Отличие идеи журналистской объективности первой половины XX века от «протообъективности» XVII–XVIII веков заключалось именно в детальной проработанности и жесткости новых норм.

Однако если новостная журналистика сделала стандарт объективности (понимаемой как сообщение «только фактов», без интерпретаций) своим главным и безусловным ориентиром в работе, то другие жанры в то же время приняли его на вооружение лишь с оговорками. Например, американские журналисты-макрэеры (muckrakers) начала XX века – предшественники тех, кто сегодня проводит журналистские расследования, – хоть и старались быть объективными, не могли избежать интерпретации данных, так как расследовали злоупотребления власти и бизнеса и стремились к определенной цели: разоблачить их. А в 1923 году в США появился один из первых «объясняющих журналов» – «Тайм», редакторы которого делали выжимку из новостей недели и старались, хоть и максимально беспристрастно, но все же объяснять их значение читателю. Тем не менее, объективность в целом в то время еще оставалась в почете.

Наибольшее «признание» ценность объективности в журналистике имела в США в 1930-50-х годах: в 1949 году американский теоретик журналистики Г. Бракер назвал жанр объективного репортажа одним из выдающихся достижений американских газет⁵⁷. Однако параллельно с этим она уже начала подвергаться критике. Стало звучать мнение, что формальный подход к объективному репортажу приводит к тому, что репортер просто повторяет, как попугай, официальные заявления публичных лиц. Упомянутая выше комиссия Хатчинса подвергла критике увлеченность СМИ «голыми фактами» за то, что она мешает журналистам давать новости в контексте и показывать, что стоит за этими фактами, заставляет их безуспешно пытаться сложить

⁵⁶ Ibid. P. 74.

⁵⁷ Ibid. P. 73.

правду из «полуправд» и, следовательно, не позволяет обремененной потоком разнородной информации аудитории составить адекватную картину происходящего. Яркой иллюстрацией к выводам комиссии стала эпоха «маккартизма» в США начала 1950-х годов, когда журналисты без комментариев цитировали заявления сенатора Дж. Маккарти, позже оказавшиеся неправдой. Это вызвало в журналистской среде большое разочарование в концепции объективного репортажа. Об объективности заговорили как о фетише, а на смену сухому информационному стилю начали приходить новые журналистские принципы.

Во-первых, после эры маккартизма признаком непрофессионализма стало цитировать человека, не проверив его утверждения на соответствие действительности. Во-вторых, все более прочное место в журналистике стала занимать интерпретация. И, в-третьих, сам жанр объективного репортажа перестал быть единственной формой выражения профессионализма в журналистике: в дополнение к нему появились жанры, которые и вовсе не заботились об объективности. Г. Альтшуль выделяет среди них американскую андерграундную журналистику 1960-х годов (представляемую молодыми людьми, отвергнувшими правила объективности, чтобы отстаивать те или иные идеи, которые они считали «правдой»), журналистскую деятельность в защиту чего-либо (*advocacy journalism*; в пример можно привести сегодняшнюю экологическую или правозащитную журналистику), журналистику противостояния (*adversary journalism*; журналист заведомо ставит себя в позицию критика по отношению к любой власти) и, конечно, «новую журналистику»⁵⁸. Представители «новой журналистики» (в том числе так называемые гонзо-репортеры) 1960-х годов отбросили почти все основные ценности традиционной журналистики ради поиска как во внешнем мире, так и в человеческом сознании того, что они считали правдой. Они активно использовали литературные приемы, в том числе повествование от первого лица, и основную роль в этом повествовании играла не объективность, а, наоборот, субъективное

⁵⁸ *Altschull J.H.* Op. cit. P. 316–318.

восприятие журналистом происходящего. Это направление в журналистике, в свою очередь, неоднократно подвергалось жесткой критике, и до сих пор существуют как горячие поклонники этого жанра, так и те, кто в принципе не признает его отношения к журналистике. Однако именно в то время ценность объективности потеряла свою главенствующую роль в этике СМИ, так как стала вызывать слишком много сомнений.

Все больше наблюдателей стали ставить под вопрос само предположение, что объективность возможна. Главный аргумент здесь заключается в том, что журналист так или иначе вынужден быть избирательным: он должен выбирать, какие факты, цитаты или фотографии включить в свою статью, а какие нет, и этот выбор всегда субъективен и зависит от личной точки зрения журналиста, даже если он стремится к объективности. Кроме того, выбор самой темы новости/репортажа – это уже результат субъективного мнения репортера/редактора о том, что должно быть освещено, а что этого не заслуживает. В этом смысле, полная объективность в журналистике невозможна ни при каком раскладе. В целом, как пишет С. Вард, существовало три категории претензий: «Во-первых, объективность – слишком высокий идеал для журналистики и потому “миф”. Во-вторых, объективность, даже если она достижима, нежелательна, потому что принуждает журналистов использовать ограниченный круг форматов. Она поощряет поверхностный пересказ официальных фактов. Она лишает читателя анализа и интерпретаций. Объективность игнорирует другие функции прессы – такие, как комментирование, борьба за те или иные права и выполнение роли “сторожевого пса” общества. И, наконец, объективность ограничивает свободу прессы. Демократии больше нужна разнообразная пресса, транслирующая широкий спектр мнений, которые состязаются на рынке идей»⁵⁹.

Мнение, согласно которому объективность в журналистике невозможна, постепенно становится общепринятым в профессиональной среде, и поэтому само слово «объективность» сейчас используется гораздо реже, чем это было

⁵⁹ Ward S.J.A. Truth and Objectivity. P. 75.

в начале и середине XX века. Иногда его заменяют другими словами, а иногда под «объективностью» просто подразумевают не абсолютную объективность, а только максимально возможную на практике. С. Вард выступает за философское переосмысление понятия и разрабатывает новую концепцию журналистской объективности (он называет ее концепцией прагматической объективности), которая должна ответить на вопрос: как возможна непозитивистская объективность, предполагающая активный поиск правды и хотя бы минимальную интерпретацию?⁶⁰ Однако ни эта, ни какая-либо другая новая концепция объективности пока не принята в журналистской теории и практике, и объективность постепенно отходит на второй план. В середине 1990-х годов американское Общество профессиональных журналистов удалило слово «объективность» из своего этического кодекса и оставило только «правду». В некоторых других кодексах «объективность» заменили «беспристрастностью». В кодексах, которые составляют в настоящее время, тоже редко используют слово «объективность», предпочитая делать упор на необходимости четкого разграничения между новостями и мнениями⁶¹.

Несмотря на то, что ценность объективности со временем стала подвергаться сомнению и больше не занимает того важного положения, которое занимала на заре XX века, дискуссии о ней сыграли огромную роль в становлении журналистики как профессии. Сама ценность не исчезла, но осталась идеалом и дала ход более конкретным принципам, которые легче применить на практике. Под объективностью сегодня подразумеваются, в первую очередь, беспристрастность, сбалансированность подачи информации – именно поэтому мы в этой диссертации говорим, главным образом, о ценности беспристрастности. Но и само понимание объективности в определенной мере претерпело изменения. Э. Фромм еще в 1960-х годах писал о том, что объективность не может означать полную отстраненность наблюдателя от предмета наблюдения: «Объективность не является, как это часто подразумевается в

⁶⁰ Ibid. P. 77.

⁶¹ Ward S.J.A. The Invention of Journalism Ethics. P. 252.

связи с ложной идеей “научной” объективности, синонимом абстрактности, отсутствия интереса и заботы. Как можно проникнуть сквозь поверхностную оболочку вещей в их причины и взаимосвязи, не имея живого и достаточно сильного интереса к такой трудной задаче? ... Объективность означает не отстраненность, а уважение, т. е. способность не искажать и не фальсифицировать вещи, людей, себя»⁶². Спустя несколько десятилетий такой взгляд на природу этой ценности проникает и в этику СМИ. Абсолютная объективность недостижима, но можно, с интересом относясь к предмету исследования и выбирая на свой вкус факты и цитаты для включения в материал, оставаться при этом этичным журналистом в смысле беспристрастности, искреннего намерения не искажать картину произошедшего и не представлять того или другого участника событий в ином свете, чем того требуют факты. Само слово «объективность» сегодня звучит наивно, но практически синонимичная ему «беспристрастность» остается одной из основных журналистских ценностей в XXI веке.

Честность

Ценность честности – вероятно, наименее специфическая ценность для журналистики. По большому счету, в ней нет ничего сугубо журналистского: все перечисленные в предыдущем параграфе положения кодексов, которые мы подвели под ценность честности, можно, упрощая, свести к требованиям «не обманывай», «не нарушай обещаний», «не используй служебное положение в своих интересах» – то есть таким, которые предъявляются к представителям любой профессии.

В середине XIX века, когда журналистика как профессия только формировалась, она очень медленно завоевывала уважение со стороны общества. Европейские аристократы долгое время считали занятие журналистикой недостойным для себя делом. Со временем, по мере того как на Западе начинали появляться первые профессиональные ассоциации и образовательные кур-

⁶² Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992. С. 105.

сы, эта профессия стала чаще восприниматься в качестве достойного занятия, а журналисты как профессионалы становились уважаемыми людьми. Как пишет С. Вард, такой статус предполагал определенный набор качеств: «достоинство», сдержанность и «честность» («fair play»). Газета считалась сделанной профессионально, если она «вела себя» как «сдержанный джентльмен», не придерживалась радикальных политических взглядов, была «честной» – публиковала отзывы людей, которых затронул тот или иной материал⁶³. В 1864 году редактор американской газеты «Philadelphia Public Ledger» Уильям МакКин написал список правил для своей редакции, одно из которых звучало так: «Будьте честны и откровенны с публикой»; а редактор канадского издания «Ottawa Journal» П.Д. Росс в конце XIX века хотел, чтобы его журнал был «джентльменом, делающим все, чтобы представлять новости честно»⁶⁴.

Джентльменское понятие «fair play» вошло и в ранние этические кодексы. Один из первых американских этических кодексов журналиста – «Canons of Journalism», принятый Американским обществом редакторов газет в 1923–1924 годах, – содержал целый раздел под названием «Честность» («Fair Play»), в котором говорилось, что газета не должна печатать неофициальные обвинения, которые могут запятнать репутацию или моральный облик человека, без того, чтобы он имел право на них ответить, не должна вмешиваться в личные чувства человека и нарушать его личные права, если только это не необходимо для соблюдения прав общества, и должна быстро исправлять фактические ошибки⁶⁵. С тех пор этот раздел несколько видоизменился – сегодня он содержит еще и положения о том, что журналист должен уважать права людей, о которых он пишет, соблюдать принятые в обществе нормы достойного поведения, отвечать за точность своих новостей, не нарушать

⁶³ Ward S.J.A. The Invention of Journalism Ethics. P. 206.

⁶⁴ Ibid. P. 207, 209.

⁶⁵ У нас нет ссылки на тот кодекс ASNE, но есть ссылка на кодекс организации «Сигма Дельта Хи» того же времени, который полностью его повторяет. См.: Этический кодекс организации «Сигма Дельта Хи» 1926 года.

обещание, данное информатору, о сохранении его или ее имени в тайне и т. д.⁶⁶ На наш взгляд, не все эти положения отражают ценность честности (например, положение о точности имеют больше отношения к правдивости), но существование этого раздела говорит о том, что честность как проявление профессионального достоинства и «джентльменства» до сих пор играет важную роль в журналистике.

Как мы писали выше, ценность честности (понимаемая как «integrity») в чем-то пересекается с ценностью беспристрастности: честный журналист не только держит обещания, данные своим источникам информации, но и честен по отношению к аудитории – то есть, не проводит тайно ничьих интересов, дает слово всем заинтересованным сторонам, не принимает ничью сторону и не пытается воздействовать на аудиторию – а дает ей возможность самостоятельно разобраться в вопросе и выработать собственную точку зрения. В некотором смысле честность (понимаемая как «honesty») пересекается и с ценностью правды: честный журналист – тот, который не обманывает. И, наконец, честность (понимаемая как «fairness») пересекается и с ценностью справедливости, тем более что английское слово «fairness» можно перевести на русский язык и как «честность», и как «справедливость»: честный журналист, опять же, дает слово всем заинтересованным сторонам, не обвиняет человека без веских оснований и старается в первую очередь рассказывать истории тех людей, чьи проблемы требуют внимания общества. Таким образом, честность – наиболее «плавающая» ценность из нашей семерки, которая «забирает» понемногу от нескольких ценностей, но, складывая все «кусочки» воедино, составляет из них собственное уникальное содержание.

Особенность ценности честности в журналистике заключается в том, что ее отражение очень сложно обнаружить в конечном результате журналистского труда (статье, теле- или радиоматериале и пр.), так как основную роль она играет в процессе сбора материала: при взаимодействии с источниками

⁶⁶ Этический кодекс Американского общества редакторов новостей (ASNE). URL: <http://asne.org/content.asp?pl=24&sl=171&contentid=171> (дата обращения: 05.10.2013).

информации, коллегами, при принятии поведенческих решений и т. д. Специфических маркеров в конечном продукте, которые свидетельствовали бы о том, что в процессе создания этого продукта журналист поступал честно, нам выявить не удалось.

Справедливость

Наша следующая ценность представляется довольно противоречивой, при том, что ее значение в целом трудно переоценить. А.В. Прокофьев называет справедливость ключевой категорией общественной морали и пишет, что в некотором смысле ее можно даже приравнять к ценности общего (общественного) блага⁶⁷ (о которой мы говорили во введении как об одной из двух главных ценностей общественной морали).

Говоря о справедливости, мы имеем в виду, главным образом, социальную справедливость, представляющую собой основной предмет дискуссий о справедливости в современной западной философии. Как пишет Прокофьев, в западной философии сложилось несколько принципиально разных подходов к пониманию справедливости: справедливость как равенство, справедливость как пропорциональность заслугам и справедливость как гарантия неотъемлемых прав на обладание чем-либо⁶⁸. В нашей диссертации мы склоняемся к первому подходу как наиболее обсуждаемому в мировой литературе. В частности, современное понимание справедливости кажется нам практически невозможным без учета одной из главных концепций справедливости – концепции Дж. Ролза. Она базируется на теории общественного договора и гипотетической ситуации «исходного положения», в котором еще нет общества, а есть только отдельные рациональные индивиды. Для конструирования наиболее справедливого общества, где каждый имеет возможность проявить

⁶⁷ Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. С. 186, 198.

⁶⁸ Прокофьев А.В. Справедливость социальная // Этика. Энциклопедический словарь / Ред. Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов. М.: Гардарики, 2001. С. 460.

себя и заявить о своих правах, Ролз предлагает «спрятаться» за «завесу неведения»: никто из этих индивидов заранее не знает, в каком положении в обществе окажется. Это помогает им договориться о создании такого социума, где человек с наименьшими изначальными возможностями (инвалид, бедняк) окажется в приемлемом положении и сможет обеспечить себе достойную жизнь.

В журналистике идея справедливости осознается ближе к концу XIX века. На протяжении предшествующих столетий зарождающаяся журналистика имела дело только с сообщением новостей и печатанием объявлений. Новости могут быть правдивыми или неправдивыми, точными или неточными, но сами по себе они не имеют отношения к справедливости. Только с появлением в конце XIX – начале XX века людей, которые увидели свою задачу в освещении общественных проблем и обнародовании того, что намеренно утаивалось от публики, в журналистику пришло понятие о справедливости. В начале XX века в США таких людей стали называть «разгребатели грязи» (*muckrakers*). Они печатались в основном в журналах и занимались громкими общественно значимыми вопросами – такими, как законы о детском труде или монополия на добычу нефти. В результате их работы вскрывались замалчиваемые в обществе факты несправедливости и принимались решения, направленные на борьбу с ними. Позже из таких материалов «вырос» жанр журналистских расследований.

Здесь нужно отметить, что у ценности справедливости в журналистике существуют два аспекта, о чем мы писали в §1.1. Первый относится к поведению: журналист должен справедливо относиться ко всем героям своих материалов. Это значит, что он должен избегать дискриминации, давать слово тем, у кого нет другой возможности высказаться, всегда помнить о презумпции невиновности и т. д. Второй касается результатов работы журналиста: его деятельность должна способствовать установлению справедливости в обществе. Сегодня не вызывает вопроса идея о том, что журналистика, действуя, как «четвертая ветвь власти», помогает контролировать три остальные

ветви, предупреждает злоупотребления внутри них и тем самым, в идеале, способствует созданию более справедливого общественно-политического устройства. При этом названные два аспекта тесно переплетены: справедливое отношение к героям материалов чаще всего является одним из шагов к установлению справедливости в обществе. Расследуя случаи коррупции в государственных органах, неравного обращения с людьми в зависимости от их национальности/пола/возраста и т. д. или вынесения предвзятых приговоров в суде, журналист тем самым утверждает справедливость как одну из журналистских ценностей.

Исследователи СМИ изучают ценность справедливости в журналистике через призму различных философских и психологических теорий: теории Ролза (в рамках этой модели журналистам предлагается принимать решения, поставив себя за «завесу неведения»: представив, как они хотели бы повернуть события, если бы они не знали, кем будут в данной ситуации – журналистом, интервьюируемым, родственником интервьюируемого и т. д., и не ориентируясь на то, кому тот или иной угол подачи материала может оказаться выгодным), этического утилитаризма (журналист должен думать о наибольшем благе для наибольшего числа людей: даже если в результате его работы будут задеты чувства конкретного человека, общество в целом все равно может выиграть), Л. Кольберга и др.⁶⁹ Особенное значение ценность справедливости приобретает в рамках коммунитаристского подхода к этике и журналистике.

Коммунитаризм в философии сформировался в конце XX века в качестве оппозиции либерализму. Коммунитаристы считают индивидуалистическую модель мира «вредной» и подчеркивают роль общества в формировании человека, а одной из главных ценностей считают справедливость. Представители коммунитаристского подхода к этике СМИ Г.Ф. Кристианс, Дж.П. Ферре и М. Факлер пишут: «Пресса, возвращенная на коммунитаристской этике, тре-

⁶⁹ См. *Craig D.A. Justice as a Journalistic Value and Goal // The Handbook of Mass Media Ethics. P. 203–206.*

бует от себя большего, чем честное освещение достойных внимания событий. В рамках представления о том, что сама справедливость – а не просто беспорядочное просвещение публики – и есть *telos* прессы, новостные СМИ обязаны рассказывать те истории, которых требует справедливость»⁷⁰. Вслед за П. Тиллихом Кристианс и его соавторы считают, что справедливость подразумевает «четкую, ясную и однозначную преданность беднейшим, слабейшим и наиболее уязвимым членами рода человеческого». Справедливый журналист, в рамках этого подхода, должен, в первую очередь, обращать внимание на нужды наименее привилегированных слоев населения и сообщать о них.

Это положение важно для нашего исследования, так как оно предполагает, в частности, особое отношение к иммигрантам и другим меньшинствам. К коммунитаризму же можно отнести этическую и правовую теорию под названием «критическая теория рас» (*critical race theory*), зародившуюся в США в начале 1990-х годов⁷¹. Сторонники этой теории выступают резко против свободы слова в том смысле, в каком его понимают мыслители либерального и тем более либертарианского толка. Они основывают свою позицию на том, что идеальных условий, где у всех были бы равные возможности публично высказать свое мнение, в реальном мире не существует, и поэтому наименее защищенные слои населения – представители национальных и сексуальных меньшинств, бедняки и т. д. – оказываются в ущемленном положении. Чтобы «выровнять» условия «игры», они предлагают наложить дополнительные ограничения на использование так называемого языка вражды, в первую очередь против представителей национальных меньшинств. Таким образом, они ставят ценность справедливости в журналистике фактически выше всех других ценностей.

⁷⁰ *Christians C.G., Ferré J.P., Fackler M.* Good News: Social Ethics and the Press. N.Y.: Oxford University Press, 1993. P. 93.

⁷¹ Одно из классических изложений основных тезисов этой теории представлено в сборнике: *Matsuda M.J., Lawrence III Ch.R., Delgado R., Crenshaw K.W.* Words That Wound. Critical Race Theory, Assaultive Speech, and the First Amendment. Boulder: Westview Press, 1993.

Интересно, что либеральная теория справедливости Ролза, несмотря на то, что она идейно противоположна коммунитаризму, тоже в некотором смысле предполагает особенное отношение к уязвимым членам общества. Один из двух сформулированных Ролзом основных принципов справедливости для институтов гласит: социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, чтобы они вели к наибольшей выгоде наименее преуспевших⁷². Значит, и в этих рамках одна из задач справедливого журналиста – писать о наименее привилегированных слоях населения (хотя из теории Ролза и не следует, что этой теме надо отдавать предпочтение).

Необходимо признать, что понимание справедливости сильно зависит от идеологических позиций и выявить некое «общепринятое» понимание справедливости в журналистике (как и в целом в философии) не представляется возможным. На наш взгляд, коммунитаристское понимание справедливости в журналистике в наибольшей степени способствует снятию социальных напряженностей и гармонизации общественных интересов и, таким образом, наилучшим образом соотносится с ценностью общего блага как одной из ключевых ценностей общественной морали. Поэтому мы сочли возможным взять за основу в нашей диссертации именно такое понимание этой ценности.

Непричинение вреда

Многие из рассмотренных нами ценностей – это ценности, которые имеют огромную историю в журналистике и которые во многом сформировали эту сферу деятельности как профессию. Следующая ценность не имеет такой длительной истории и приобрела свое значение в основном в XX веке, но играет сегодня в этике СМИ ничуть не меньшую роль. Речь идет о ценности непричинения вреда. Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, Р.Г. Апресян считает ценность непричинения вреда, или невреждения, одной из базовых ценностей морали в целом и при этом минимальным и наиболее жестким моральным требованием (в противовес ценности заботы – макси-

⁷² Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 267.

мальному и наименее жесткому требованию). На наш взгляд, это не мешает невредению быть одной из базовых профессиональных ценностей журналистики: раз требование вменяется как минимальное всем людям, то естественно, что оно вменяется и представителям любой профессии. В некоторых профессиях в силу их специфики оно может иметь большее значение, чем в других, и журналистика как раз к ним относится.

История ценности непричинения вреда в журналистике начинается примерно в то же время, когда на Западе возникает озабоченность этикой СМИ, – то есть, во второй половине XIX века. В некотором смысле эту ценность, говоря о возможных ограничениях свободы самовыражения, выразил еще в середине XIX века Дж.С. Милль: «Вообще действия всякого рода, которые, без достаточного к тому основания, причиняют вред кому-либо, могут, а в более важных случаях и необходимо должны быть обуздываемы осуждением, а когда нужно, то и деятельным вмешательством со стороны людей»⁷³. Одну из «первых ласточек» современного понимания непричинения вреда можно увидеть в высказывании редактора канадского журнала «Ottawa Journal» П.Д. Росса, на которого мы уже ссылались выше: в конце XIX века он обещал сообщать новости честно, беспристрастно и «милосердно»⁷⁴.

На этом примере видно, что ценность непричинения вреда с трудом поддается четкому определению. Мы соотносим милосердие с ценностью непричинения вреда, так как в контексте журналистики именно милосердие зачастую необходимо для того, чтобы соблюдать такт при общении с людьми, переживающими горе, не использовать уязвимость людей для получения информации, воздерживаться от сенсационного изображения насилия и жестокости (которое может привлечь дополнительных читателей/зрителей, но в то же время и нанести кому-то психологическую травму) и т. д. Чтобы не причинять вред, журналист должен не просто воздерживаться от грубости/насилия, но выработать особое отношение к людям: быть априори бла-

⁷³ Милль Дж.С. Указ. соч. С. 257.

⁷⁴ См. Ward S.J.A. The Invention of Journalism Ethics. P. 207.

гожелательно настроенным к каждому конкретному человеку, входить в положение тех, кто оказался в беде, думать о чувствах своих героев и аудитории и проявлять такт при выборе цитат и фактов, которые он собирается включить в материал. В качестве одной из добродетелей журналистики ряд авторов называют заботу⁷⁵.

Приблизительно тот же комплекс смыслов, который мы определяем как «непричинение вреда», в литературе о журналистской этике иногда определяют как «гуманность». Например, Э.Б. Ламбет понимает под гуманностью (в его тексте – «humaneness») выполнение того, что Дж. Ролз называл «естественными обязанностями»⁷⁶. У Ролза это «обязанность помогать другому, когда тот находится в трудном положении, при условии, что это делается без излишнего риска или угрозы для жизни», «обязанность не причинять другому вреда и обязанность не причинять излишних страданий», а также «обязанность справедливости»⁷⁷. На наш взгляд, справедливость выпадает из этого ряда, так как является обособленной этической ценностью, о чем мы писали выше. Что касается активной помощи, то этот вопрос до сих пор остается спорным. В большинстве дискуссий превалирует мнение, что журналист, действительно, должен помочь находящемуся в критической ситуации человеку, если рядом нет никого другого, кто мог бы ему помочь (то есть, помощь имеет приоритет перед, например, удачным фотоснимком). Но это противоречит позиции тех, кто считает, что журналист ни при каких условиях не должен вмешиваться в описываемые им события. Спорным является и то, подпадает ли гипотетическое требование активной помощи под ценность «непричинения вреда»: с одной стороны, нет, потому что предполагает деятельное участие (то есть, по Р.Г. Апресяну, максимальное, что ожидается от человека как морального агента), но, с другой стороны – да, так как оставить человека в беде, не оказать помощь, когда, кроме тебя, сделать это некому, –

⁷⁵ См., например: *Steiner L., Okrusch Ch. Care As a Virtue for Journalists // Journal of Mass Media Ethics. 2006. Vol. 21. № 2–3.*

⁷⁶ *Ламбет Э.Б. Указ. соч. С. 56.*

⁷⁷ *Ролз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 108–109.*

значит косвенно причинить ему вред. Мы склоняемся здесь к первому варианту, так как полагаем, что активная помощь все-таки выходит за рамки морального минимума, коим является непричинения вреда, а утверждение, что бездействие в критической ситуации можно квалифицировать как причинение вреда, требует отдельного обоснования. Кроме того, требование активной помощи не прописано в известных нам этических кодексах.

Таким образом, ценность непричинения вреда в нашем понимании не вполне совпадает с ценностью гуманности, как ее видит Э.Б. Ламбет, но пересекается с ней. И хотя изначально у нас было намерение вслед за Ламбетом говорить именно о гуманности, а не о невреждении, как об одной из базовых ценностей журналистики (в таком случае сюда можно было бы отнести и рекомендацию активной помощи), мы отказались от этой идеи по следующей причине. Как пишет А.А. Гусейнов, «...будучи мерой разумности человека, мораль является также мерой его человечности»⁷⁸ – то есть, человечность (гуманность) нередко осознается как фактически эквивалент морали в целом, поэтому решение выделить ее как всего лишь одну из многих ценностей может вызвать вопросы. Непричинение вреда же соотносится со всеми положениями кодексов, связанными с внимательным, уважительным отношением к людям, и не оставляет за рамками никаких важных этических требований к журналистам (как мы сказали, требование активной помощи не является общепринятым и не закреплено в документах).

Для понимания эволюции ценности непричинения вреда интересно проследить историю изменений в кодексе американского Общества профессиональных журналистов. Так, в версии 1926 года⁷⁹ был раздел «Честность» (аналогичный разделу «Честность» в кодексе ASNE, о котором мы писали выше), и в нем говорилось, что газета не должна печатать неофициальные обвинения, которые могут запятнать репутацию или моральный облик человека, без того, чтобы он имел право на них ответить, не должна вмешиваться

⁷⁸ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2004. С. 14.

⁷⁹ Этический кодекс организации «Сигма Дельта Хи» 1926 года.

в личные чувства человека и нарушать его личные права, если только это не необходимо для соблюдения прав общества, и должна быстро исправлять фактические ошибки. Здесь, а наш взгляд, отражены не столько ценность честности, сколько ценности правды, беспристрастности и непричинения вреда. В следующей версии кодекса, принятой в 1975 году⁸⁰, этот раздел был расширен, и туда были добавлены следующие положения: «Журналист должен всегда демонстрировать уважение к достоинству, личному пространству, правам и благополучию людей, с которыми он встречается в процессе сбора и представления новостей», «СМИ должны воздерживаться от вмешательства в частную жизнь», «СМИ не должны потворствовать удовлетворению болезненного любопытства о деталях порока и преступлений» и др. Здесь ценность непричинения вреда представлена уже несколько шире. И, наконец, в последней версии кодекса, принятой в 1996 году⁸¹, появился отдельный раздел под названием «Минимизируйте вред», который содержит целый ряд положений, отражающих ценность непричинения вреда. Так на протяжении XX века понятие непричинения вреда обогащалось в журналистике новым содержанием.

Во второй половине XX века в этических кодексах разных стран стало появляться все больше рекомендаций, так или иначе связанных с утверждением ценности непричинения вреда. Постепенно нормой для любого кодекса стало наличие в нем положений, осуждающих дискриминацию по какому бы то ни было признаку – расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических взглядов, социального происхождения и т. д. Сегодня существуют специальные профессиональные награды за этичное освещение историй, в которых фигурируют жертвы насилия, дискриминации и незащищенные слои населения, – под «этичностью» здесь понимается именно отражение в работе журналистов ценности непричинения вреда конкретным людям.

⁸⁰ Этический кодекс Общества профессиональных журналистов («Сигма Дельта Хи») 1973 года.

⁸¹ Этический кодекс Общества профессиональных журналистов (SPJ).

В разных странах принимаются специальные, дополнительные этические кодексы, регламентирующие освещение проблем меньшинств (национальных, сексуальных) и дающие рекомендации по взаимодействию СМИ с детьми и другими незащищенными слоями населения. Для журналистов организуют бесчисленное количество семинаров на эти темы и издают большое количество брошюр (не являющихся, в отличие от этических кодексов, нормативными документами). Таким образом, к концу XX века ценность непричинения вреда заняла в журналистике не менее важное место, чем все остальные рассмотренные нами ценности.

В этом параграфе мы постарались раскрыть содержание семи основных журналистских ценностей: свободы слова, социальной ответственности, правды, беспристрастности, честности, справедливости и непричинения вреда. Не все из них, однако, полностью совместимы друг с другом. В следующем параграфе мы рассмотрим проблемы совместимости этих ценностей, возникающие в журналистской практике.

§3.3 Проблема совместимости ценностей

Во введении мы говорили о том, что Д. фон Гильдебранд подробно рассмотрел критерии разграничения между нравственными ценностями и другими видами ценностей. Одна из характеристик, которые, по Гильдебранду, отличают нравственные ценности от интеллектуальных и эстетических, звучит следующим образом: «Все нравственные ценности обязательны» («...каждый <человек> обязан обладать всеми нравственными достоинствами») ¹. Это положение кажется нам спорным, и в этом параграфе мы постараемся опровергнуть его с помощью конкретных примеров из теории и практики журналистики.

Универсальная прескриптивность, действительно, считается одной из важнейших характеристик моральных требований. Однако существует разница между предположениями об универсальной прескриптивности и о том, что каждый человек в каждый момент времени должен одновременно придерживаться всех нравственных ценностей, иными словами – между универсальностью и абсолютностью. Как пишет Р.Г. Апресян, «общие моральные принципы обращены к каждому. Однако они не непременно абсолютны, т. е. не все общие принципы вменяются к безусловному, безотносительно к ситуациям и лицам исполнению» ². Практика показывает, что одновременное претворение в жизнь всех основных ценностей (как в жизни вообще, так и в журналистике) чаще всего невозможно. На это неоднократно обращает внимание И. Берлин: «Читая <Макиавелли>, я открыл идею, которая меня поразила: не все высшие ценности, которыми живет и жило человечество, совместимы друг с другом. Идея эта подорвала мои прежние убеждения, основанные на *philosophia perennis*, гласящей, что между истинными ценностями

¹ Гильдебранд Д. фон. Этика. СПб.: Алетейя, 2001. С. 219.

² Апресян Р.Г. Общественная мораль: развитие понятия // Общественная мораль. М.: Альфа-М, 2009. С. 474.

нет конфликтов, между истинными ответами на главные вопросы нет противоречий»³.

Рабочая гипотеза нашей диссертации заключается в том, что одна из основных проблем этического регулирования журналистской деятельности – это наличие противоречий между определенными ценностями журналистской этики. Главная нравственная задача журналиста в большинстве случаев – это не выбор между нравственным и безнравственным, а выбор между двумя вариантами нравственного, принятие решения о том, какой из этических ценностей отдать предпочтение. Как писал Н. Бердяев: «Этика до глубины должна сознать, что в человеческой жизни разворачивается трагическое столкновение добра с добром, свободная борьба за ценности и блага, между собою сталкивающиеся»⁴. Нравственная профессиональная жизнь любого уважающего себя журналиста – это не борьба добра со злом, а борьба «добра с добром». Мы согласны с Берлином в том, что «мир, в котором нет конфликта между ценностями, – за пределами нашего понимания»⁵.

В §1.1 мы перечислили несколько оснований, по которым выделенные нами семь базовых этических ценностей журналистики – свобода слова, социальная ответственность, правда, беспристрастность, честность, справедливость и непричинение вреда – являются неоднородными. Одно из этих оснований касается того, к чему относятся ценности: к правилам работы с информацией или к судьбам людей. По этому основанию наши ценности можно разделить на две группы: в первую, относящуюся к работе с информацией, попадают свобода слова, правда, беспристрастность и честность, а во вторую, условно говоря, «гуманитарную» группу – социальная ответственность, справедливость и непричинение вреда. Ниже будет показано, что именно между этими двумя группами ценностей проходит основная линия противоречий в журналистской этике.

³ Берлин И. Стремление к идеалу // И. Берлин Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001. С. 14.

⁴ Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 143.

⁵ Берлин И. Указ. соч. С. 19.

Первая пара ценностей, которые вступают друг с другом в противоречие, – это пара «свобода слова – социальная ответственность». Свобода слова подразумевает право каждого человека выразить свое мнение и распространять информацию (и право журналиста помогать ему в этом) с минимальными ограничениями. Акцент здесь ставится на принцип работы с информацией (принцип свободного распространения), который, по мнению сторонников свободы слова, приведет к становлению наиболее эффективного общества благодаря постоянной победе полезных идей над бесполезными в свободной конкуренции. Социальная ответственность же, помимо прав, подразумевает и ряд обязанностей, о которых мы писали в §1.2. Принципы работы с информацией уходят здесь на второй план, а на первый план ставятся конкретные общественные проблемы, которые могут возникнуть в результате обнародования материала: мыслями о них и должен в первую очередь руководствоваться журналист. У обоих подходов есть недостатки: свобода слова без достаточных внутренних ограничений может стать причиной распространения разрушительной для общества информации и привести к негативным последствиям, а слишком сильная озабоченность журналиста своими обязанностями может помешать свободному распространению потенциально полезной для общества информации и создать условия для самоцензуры, от которой недалеко и до внешней цензуры.

Для понимания противоречия между свободой слова и социальной ответственностью интересно рассмотреть случай, произошедший в конце 1970-х годов с американским журналом «The Progressive» (его описывает в своей книге Э.Б. Ламбет). Редакция журнала планировала опубликовать материал с подробным описанием технологии создания водородной бомбы, составленным на основании находящихся в открытом доступе материалов. Целью было привлечь внимание к проблеме американского милитаризма и опасности оружия массового поражения. Однако о планах редакции стало известно властям, и суд наложил запрет на публикацию, мотивируя его тем, что материал несет угрозу для национальной безопасности. Этот случай вызвал общест-

венные дискуссии, и нашлось немало людей, которые до последнего отстаивали право журнала напечатать материал. Мнения относительно этого вопроса до сих пор сильно разнятся. Можно ли было считать намерения редакции безответственными? Была ли публикация того материала действительно чревата чем-то плохим? «Первая поправка⁶ гарантирует наличие свободной прессы, а не прессы, от которой никогда не бывает ущерба, возникающего случайно, непреднамеренно или из-за упрямой гордости своими собственными правами (*так в тексте перевода. – К. Н.*), – пишет по этому поводу Ламбет. – Более того, те, кто не готов защищать право прессы быть безответственной, могут однажды оказаться лишенными подлинного права возражать против того, что они считают безответственным»⁷. В то же время, однако, можно сказать, что ущерб от публикации все же мог бы быть слишком велик, чтобы журнал мог позволить себе рисковать. Опасность заключалась не только в том, что какое-то новое государство на основании напечатанной информации могло создать водородную бомбу, но и в том, что мог быть нанесен удар по самой свободе слова: либо в результате общественного возмущения действиями прессы, либо в результате вмешательства властей (что и произошло в данном случае). «В рамках такого истолкования журнал мог напечатать статью с юридической точки зрения, но никак не мог ее напечатать с этической точки зрения», – продолжает Ламбет⁸. Таким образом, в зависимости от ракурса, и первый, и второй варианты поведения журналистов можно назвать этически обоснованными, и наоборот⁹.

Получается интересная вещь: с одной стороны, публикация этого материала утвердила бы принципы свободы слова на практике, с другой сторо-

⁶ Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу вероисповедания, свободу слова, свободу прессы, свободу собраний и свободу обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб.

⁷ Ламбет Э.Б. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Национальный институт прессы, 1998. С. 187.

⁸ Там же. С. 188.

⁹ Интересно, что тот материал в итоге все равно был опубликован в другом американском издании, а судебный запрет на его публикацию был снят.

ны – поставила бы свободу слова под удар (из-за того, что кто-то счел бы такое решение «перегибом» и высказался бы за ограничение свободы). В то же время, отмена публикации, с одной стороны, означала бы частичный отказ от принципов свободы слова, а с другой, могла бы быть оправдана заботой об охране свободы слова (в соответствии с логикой авторов теории социальной ответственности прессы, которые утверждали, что социальная ответственность как раз и необходима, в первую очередь, для защиты свободы слова). Две рассматриваемые ценности неразрывно связаны парадоксом: про свободу слова можно сказать, что она подразумевает социальную ответственность, потому что именно свободное общество, по мнению защитников свободы, является наиболее эффективным; про социальную ответственность же можно сказать, что она существует ради свободы слова, так как предотвращает связанные с ней «перегибы» и, таким образом, отводит нападки на нее со стороны общества и властей. Получается, что две ценности перетекают друг в друга и дополняют друг друга. Но, в то же время, между ними существует и очевидное противоречие.

Суть противоречия заключается в том, что свобода слова с некоторыми элементами безответственности необходима для здоровой конкуренции на «свободном рынке идей», а принятие на себя журналистом социальной ответственности предполагает слишком глубокую рефлексию о должном и возможные самоограничения, которые эту конкуренцию сдерживают. В результате какие-то полезные идеи могут не быть высказаны, какая-то информация не быть обнародована, а концентрация на саморегулировании может привести к тотальному контролю над СМИ со стороны тех, кто придумывает правила в журналистике. Перед журналистом часто стоит выбор: публиковать ли тот или иной материал, обнародовать ли ту или иную информацию, подать ли материал так или иначе, и его решение, по большому счету, всегда будет отражать только одну из ценностей – либо свободу слова (в описанном нами выше понимании), либо социальную ответственность. Опубликовать потенциально разрушительную для общества информацию, но при этом сде-

лать это «ответственно», невозможно. А осознавать свою ответственность перед судьбой общества и не опубликовать ее значит ограничить себя в свободе распространения информации. Промежуточные решения вроде публикации только части потенциально опасной информации возможны, но они в любом случае будут ближе либо к свободе, либо к ответственности, в зависимости от деталей (например, того, насколько большая часть информации будет опубликована). Принять решение, которое в равной мере отражало бы и ценность свободы слова, и ценность социальной ответственности, журналист часто не в состоянии, и именно поэтому мы говорим здесь о несовместимости этих двух ценностей.

Свобода слова вступает в противоречие и со следующей ценностью – непричинением вреда. В §1.1 мы разграничили содержание ценностей социальной ответственности и непричинения вреда следующим образом: первая связана, прежде всего, с последствиями журналистских материалов для общества, а вторая – с последствиями для конкретных людей. Суть противоречия между свободой слова и непричинением вреда, впрочем, примерно в том же, в чем и у предыдущей пары ценностей. Свобода слова, предполагающая ограничения только в крайних (обычно заранее оговоренных) случаях, неизбежно влечет за собой то, что в результате обнародованного мнения/информации каким-то людям может быть причинен психологический и иногда даже физический вред. Например, воспроизведение в СМИ национальных стереотипов оскорбляет национальные меньшинства, а интервью с беженцем может помочь его преследователю определить его местонахождение. Полностью избежать этого вреда возможно только путем нераспространения данного мнения/информации, то есть путем ограничения свободы слова. Противники подобных ограничений считают, что в первом случае тем, кого оскорбляют те или иные высказывания, надо научиться «не оскорбляться» и отвечать обидчикам по существу, так как единственно верный способ борьбы с вредными идеями – это не ограничение свободы слова, а, наоборот, ее стимулирование. Во втором случае вред, по логике защитников свободы

слова, практически неизбежен, но для того чтобы «свободный рынок идей» функционировал бесперебойно, СМИ должны иметь право на ошибку. Такая ошибка может принести локальный вред обществу или конкретным людям, но в долгосрочной перспективе все от этого выиграют: среди множества ошибок может обнаружиться и много полезной информации, которая принесет неоценимую пользу. Таким образом, перед журналистом очень часто стоит выбор: обнародовать мнение/информацию и знать, что кто-то с большой вероятностью от этого пострадает (но будет утверждена ценность свободы слова и, возможно, через какое-то время окажется, что для общества в целом это было полезно), или удержать это мнение / эту информацию, ставя тем самым ценность непричинения вреда выше ценности свободы слова.

Третья ценность, с которой не полностью совместима ценность свободы слова, – это ценность справедливости в том понимании, которое мы обрисовали в §1.2. Здесь возникают некоторые сложности. Строго говоря, свобода слова справедливости не противоречит: в идеальной ситуации свободного рынка идей вредные для общества идеи вымещаются полезными, правда вытесняет неправду, и несправедливость бывает разоблачена – в этом и заключается смысл свободной конкуренции. Но в то же время, если понимать справедливость как необходимость «выравнивания» общественных отношений, что в контексте журналистики может означать проставление акцента на проблемах наименее привилегированных слоев населения, то к такой справедливости свобода слова не всегда ведет напрямую. Свобода слова предполагает отсутствие заранее заданной цели, и в процессе свободного обмена идеями могут быть высказаны крайне несправедливые мнения. Журналист, ценящий прежде всего свободу слова, не будет иметь права удерживать/замалчивать такие мнения, а также не будет иметь права специально отбирать и «высвечивать» те мнения, которые могут приблизить достижение цели – решение проблем наименее привилегированных слоев населения. Таким образом, даже если справедливость и восторжествует в конечном итоге в процессе свободного обмена идеями, до этого момента может пройти слиш-

ком много времени, и конкретные люди, проблемы которых нужно решить, могут этого не дожидаться. Журналисты, которые ставят ценность справедливости выше свободы слова, отсекают заведомо несправедливые по отношению к наименее привилегированным людям суждения, чтобы быстрее добиться того, что, по их мнению, является справедливым. Таким образом, свобода слова не противоречит справедливости в принципе, но не полностью совместима с ней на практике.

Следующая пара несовместимых друг с другом ценностей – это пара «правда – социальная ответственность». По сути дела, логика противоречия здесь такая же, как и в паре «свобода слова – социальная ответственность». Как мы писали в §1.2, императив правдивости в своем крайнем выражении диктует журналисту рассказывать «всю правду», независимо от того, какие это может иметь последствия. В рамках этого подхода главная задача, долг и ответственность журналиста – сообщить аудитории правдивую, беспристрастную, полную информацию, а вопрос о том, что аудитория будет с этой информацией делать, уже выходит за рамки его ответственности. «[Таких репортеров] можно назвать *чистыми* репортерами, – пишет Дж. Меррилл. – ... [Они] уверены, что, если позволить своим пристрастиям и ценностям повлиять на конечный материал – что-то исказить, поменять, добавить или недосказать, – это пагубно скажется на честности (integrity) репортажа»¹⁰. Сторонники такого подхода, соответственно, отвергают любую телеологию, свойственную противоположному подходу, в котором выше всего ценится социальная ответственность. Императив же социальной ответственности диктует заботиться о последствиях журналистского материала для общества, и если какая-то информация, пусть многократно перепроверенная и безусловно правдивая, может принести обществу вред, то долг журналиста в рамках этого подхода – удержать и не распространять ее. Два названных подхода, как правило, исключают друг друга.

¹⁰ *Merrill J.C.* Journalism Ethics: Philosophical Foundations for News Media. Boston: St. Martin's press, 1997. P.178–179. Содержание ценности честности в этом значении, как мы писали в предыдущем параграфе, пересекается с содержанием ценности правды.

Один из примеров противоречия между правдой и социальной ответственностью при освещении межнациональных и межконфессиональных отношений – это получающее сегодня распространение правило не упоминать в СМИ национальность предполагаемого преступника в том случае, если она не имеет прямой связи с совершенным им преступлением. Противники этого правила утверждают, что такая связь почти всегда есть (ссылаясь на то, что в западных странах преступления чаще совершают иммигранты), и, следовательно, упоминание национальности – это замалчивание правды и искажение картины. Сторонники же этого правила полагают, что искажением картины как раз является постоянное упоминание национальностей преступников-иммигрантов, так как такая практика создает впечатление, что все иммигранты – преступники, а это неправда. Последнее в некотором смысле противоречит социальной ответственности, так как нарастание предубеждений в обществе только усиливает социальную напряженность.

Логика противоречий между ценностями правды и непричинения вреда аналогична предыдущей. Распространение информации, пусть и правдивой, во многих случаях может принести вред конкретным людям, о чем мы писали выше. Единственный способ избежать этого вреда – не говорить «всю правду», ограничить правду, предоставить аудитории только часть правды или не предоставлять ее вовсе. В любом случае, журналист вынужден выбрать одно из двух: либо правду как принцип работы с информацией и как ценность, которую он ставит превыше всего, либо благополучие конкретных людей.

Противоречия между ценностью беспристрастности, с одной стороны, и ценностями из второй группы (социальной ответственностью, непричинением вреда и справедливостью), с другой, также основаны на противостоянии примата принципов работы с информацией и примата заботы о судьбах людей. Можно сказать и иначе: деонтологический подход – забота об изначальных принципах противостоит телеологическому – заботе о последствиях. При этом напрямую беспристрастность противоречит только справедливости

в принятом нами здесь понимании; с двумя другими ценностями она состоит в слабом противоречии.

Противоречие с ценностью социальной ответственности заключается в том, что забота о последствиях – это уже своего рода предвзятость: журналист хочет достичь или избежать конкретного результата и строит свою работу, исходя из этого. Журналист, который чрезмерно серьезно относится к своим обязанностям по отношению к обществу (то есть к своей социальной ответственности), уже не может быть полностью беспристрастным, так как у него есть как минимум одно пристрастие: благополучие общества. И хотя можно сказать, как было показано выше, что сама беспристрастность – это элемент социальной ответственности (журналист будет вести себя беспристрастно именно потому, что он понимает, насколько это важно для общества), – водораздел снова проходит по линии «отдаленные последствия – непосредственный эффект». Вести себя совершенно беспристрастно (в том числе без пристрастий по отношению к общественному благополучию) может быть полезным для общества в долгосрочной перспективе (потому что никто не знает наверняка, что именно полезно для общества, так что нет смысла это отстаивать: свободный рынок все сам расставит на свои места), но в краткосрочной перспективе пристрастие журналиста к благополучию общества все же может быть для этого общества полезным.

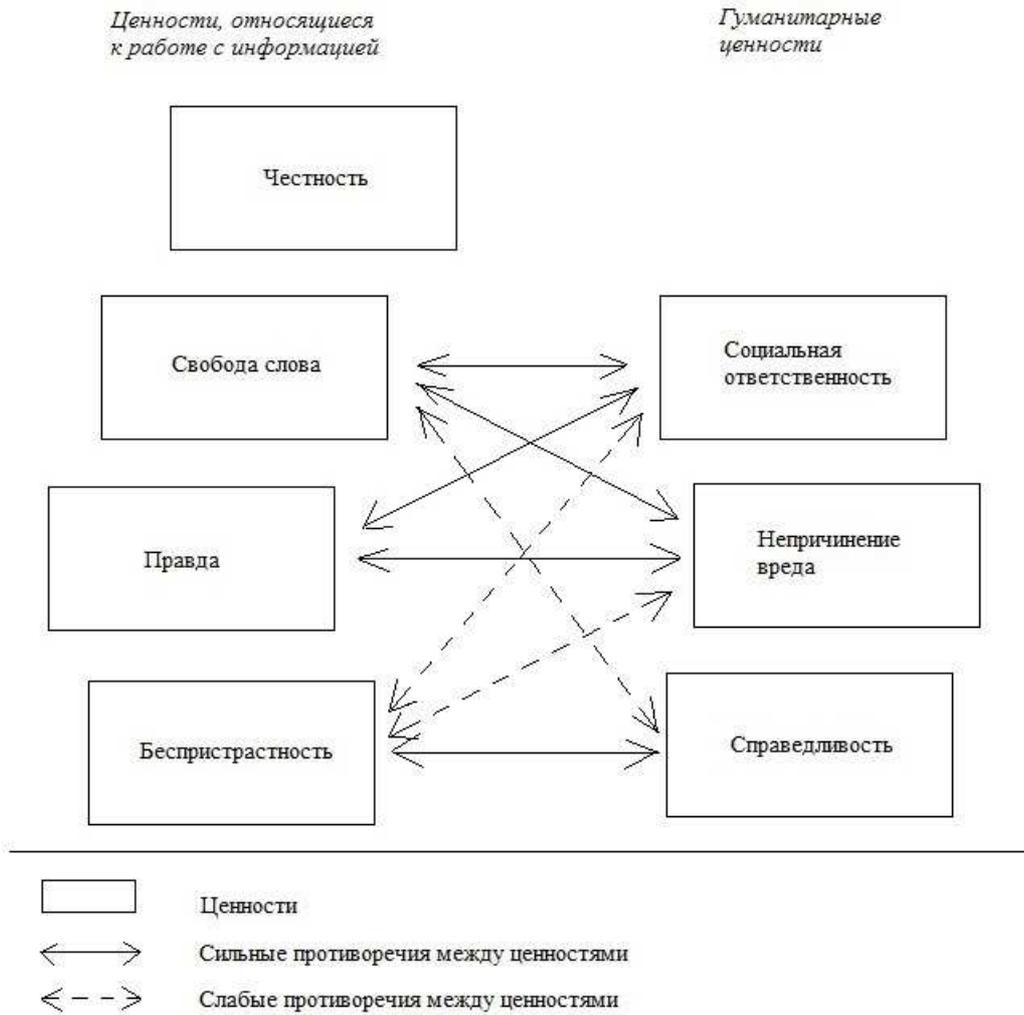
Примерно то же и с непричинением вреда: журналист, который заботится о том, чтобы в результате его материала никто не пострадал, будет, исходя из этой задачи, соответствующим образом выстраивать информацию, и его беспристрастность окажется под ударом. Забота о последствиях для общества и для конкретных людей могут помешать журналисту непредвзято транслировать публике все существующие мнения, так как некоторые из этих мнений могут быть потенциально разрушительны для общества или опасны для конкретных людей. Однако, в отличие от правды и свободы слова, последовательное отстаивание которых с большой вероятностью ведет к «побочным эффектам» в виде тех или иных негативных последствий для конкретных

людей или общества, беспристрастность не ведет к ним напрямую, а лишь не исключает их. Именно поэтому мы говорим здесь только о слабом противоречии между беспристрастностью, с одной стороны, и социальной ответственностью и непричинением вреда, с другой.

Что касается взаимоотношений ценностей беспристрастности и справедливости, то они во многом зависят от того, как мы понимаем справедливость. В некотором смысле две ценности даже совпадают: справедливый суд – беспристрастный суд, поступать справедливо значит отбросить личные пристрастия, спрятаться за «завесу неведения». Однако, как это ни парадоксально, справедливость можно понимать и наоборот, о чем мы писали в §1.2: справедливость в журналистике может означать приверженность наименее привилегированным слоям населения. Именно в таком понимании справедливость вступает в противоречие с беспристрастностью: если главная задача справедливого журналиста – писать в первую очередь о проблемах самых уязвимых членов общества, это значит, что он намеренно подстраивает информационную картину под свои представления о должном. Это уже не беспристрастная позиция, так как налицо пристрастие по отношению к менее привилегированному населению в противовес более привилегированному. Исходя из этого, мы будем считать здесь эти две ценности несовместимыми.

Наконец, последняя оставшаяся ценность – честность – занимает особенное положение среди выделяемых нами семи ценностей, так как не вступает в противоречие ни с одной из остальных. Вероятно, это связано с тем, что, как мы писали в §1.2, это наименее специфическая для журналистики и в то же время наиболее «плавающая» ценность, которая частично совпадает с беспристрастностью, справедливостью и правдой. Тот факт, что ее довольно сложно четко определить, возможно, и позволяет ей оставаться «над» другими ценностями, не противореча ни одной из них.

Схематично взаимоотношения между нашими семью ценностями можно представить следующим образом:

Таким образом, мы обнаружили, что из семи выделяемых нами ценностей шесть вступают друг с другом в противоречия. Мы выявили пять линий сильных противоречий и три линии слабых противоречий между этими шестью ценностями.

В следующей главе мы рассмотрим четыре примера проблем, связанных с освещением межэтнических и межконфессиональных отношений в СМИ разных стран, и проследим, играют ли какие-либо из выявленных выше противоречий ту или иную роль в этих проблемах.

Глава II. Этическая регуляция освещения средствами массовой информации межэтнических и межконфессиональных отношений (страноведческий анализ)

§2.1 Великобритания

Великобритания представляет собой одну из наиболее интересных стран для анализа этических проблем с освещением в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений. Ее прошлое колониальной державы обусловило формирование мультикультурного общества, в котором неизбежно возникает масса противоречий на национальной и религиозной почве, и эти противоречия находят свое отражение в многочисленных материалах СМИ. В этом параграфе мы кратко рассмотрим историю межэтнических и межконфессиональных отношений в Великобритании, историю их освещения британскими СМИ, проанализируем существующие в стране кодифицированные этические правила освещения межэтнических и межконфессиональных отношений и разберем конкретную проблему с их освещением в СМИ современной Великобритании.

Зачатки разногласий между англичанами и теми, кого впоследствии стали называть иммигрантами, можно разглядеть еще в конце XV века, когда английская королева Елизавета I испугалась завезенных в страну чернокожих людей («негров и черных мавров») и велела арестовать и выдворить их из страны. Но более или менее широко о проблеме иммигрантов в британском обществе заговорили в 1870-х годах: именно тогда на нее обратили внимание газеты и парламент. Под иммигрантами в то время подразумевались в основном евреи, в приезде которых англичане усматривали источник самых разнообразных проблем – от болезней до преступности¹. Межэтнические противоречия всерьез стали проявлять себя к началу XX века: в 1919 году в городе

¹ *Hayes D. From aliens to asylum seekers: a history of immigration controls and welfare in Britain // From Immigration Controls to Welfare Controls / Ed. by S. Cohen, B. Humphries, E. Mynott. Routledge: London, 2002. P. 30–47.*

Ньюпорт произошли беспорядки, спровоцированные инцидентом с участием чернокожего мужчины и белой девушки. Начались погромы, направленные против чернокожих, китайцев, индусов и других приезжих, которые повторились в том же городе через год. После Второй мировой войны, когда увеличился приток в Великобританию иммигрантов из стран Карибского региона, негативное отношение к чернокожим стало усиливаться. В 1958 году в городе Ноттинг-Хилл в течение двух недель продолжались беспорядки, в ходе которых белые британцы нападали на дома иммигрантов. В 1968 году член парламента Э. Пауэлл произнес знаменитую речь (в народе ее назвали «Реки крови» – «Rivers of Blood Speech»), в которой он в мрачных красках описывал ситуацию с иммиграцией и предрекал Британии грядущую эпоху притеснения белых из-за слишком либерального миграционного законодательства и скорое наступление катастрофы из-за наплыва иммигрантов. Эта речь вызвала бурные дискуссии в обществе, причем многие горячо поддержали Пауэлла. Начиная с 1970-х, беспорядки на почве межэтнических противоречий в Британии (инициированные как коренными британцами, так и приезжими) стали происходить в разных городах каждые несколько лет. Причем если в середине XX века беспорядки чаще инициировались белыми, то к концу XX и в начале XXI веков зачинщиками конфликтов нередко становились иммигранты, рассерженные несправедливым, по их мнению, отношением к ним полиции, плохими социальными условиями и т. д. (например, такими были беспорядки 1981 года в Брикстоне).

Существует немало исследований² относительно того, как межэтнические и межконфессиональные вопросы освещались в британской прессе в течение XX века. Большинство из них представляют собой обзоры, объективность

² *Greenslade R.* Seeking Scapegoats. The coverage of asylum in the UK press. London: Institute for Public Policy Research, 2005; *Statham P.* United Kingdom (UK) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995-2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002; *Morrison L.* A Century of Black Journalism in Britain. A Kaleidoscopic View of Race and the Media (1893–2003). London: Truebay Limited, 2007; *Ainley B.* Black Journalists, White Media. Stoke-on-Trent: Trentham Books, 1998.

которых сложно оценить; однако при всей разнородности содержащихся в них оценок эти работы объединяет мнение, что вплоть до 1970-х годов британская пресса регулярно позволяла себе откровенно расистские выпады против иммигрантов. Расхождения в оценках исследователей касаются в основном конца XX века и того, стала ли ситуация ухудшаться или улучшаться.

По данным Р. Гринслэйда, в 1940-х годах существовало несколько газет («Daily Mail», «Daily Mirror», «Sunday Dispatch»), которые с крайней неприязнью освещали еврейскую иммиграцию (прежде всего из Германии), называя евреев «вражескими чужеземцами» и предполагая, что все иммигранты – предатели; в 1947 году редактор газеты «Morecambe and Heysham Visitor» написал в передовице, что «евреи – это чума Британии»³. Это вызвало умеренное порицание в обществе: его даже судили, но в конечном итоге оправдали. В 1950-х ряд изданий (те же «Daily Mirror», «Daily Mail», «Daily Express»), освещая беспорядки, происходившие на национальной почве, заняли открытую анти-иммигрантскую позицию – например, призывали депортировать из страны «бесполезных людей» («no-goods»), таких, как «цветные держатели борделей». По мнению Гринслэйда, то, как те события освещались в прессе, серьезно подтолкнуло принятие в 1962 году Акта об иммигрантах из стран Содружества (Commonwealth Immigrants Act), который ужесточал иммиграционные правила: приезжать на постоянное место жительства в Соединенное Королевство теперь могли только те люди, у которых было специальное разрешение на работу. Реакция СМИ на речь Э. Пауэлла «Реки крови» в конце 1960-х была разной: кто-то осудил ее как откровенно расистскую, а кто-то (например, ныне закрытая газета «News of the World»⁴) горячо поддерживал со словами «Мы не можем больше принимать в страну цветных людей». Сегодня, по мнению Гринслэйда, тон публикаций на темы межнациональных отношений стал еще более истеричным, чем раньше. Он приводит в

³ Greenslade R. Op. cit. P. 15–16.

⁴ Газета была закрыта в июле 2011 года из-за скандала, связанного с прослушиванием ее репортерами телефонных разговоров звезд.

пример то, как в начале 2000-х годов несколько таблоидов (например, «Daily Express») вели настоящие информационные кампании против иммигрантов, регулярно печатая на первой полосе заголовки вроде: «Сдались беженцам: все возмущены действиями Блэра, не отстоявшего перед брюссельскими бюрократами наше право вето на иммиграцию». В 2003 году много шума наделала история, опубликованная в газете «The Sun», о том, что «бессердечные беженцы» из Восточной Европы воруют и едят в Лондоне королевских лебедей; подтверждений этому впоследствии найдено не было. В целом Гринслэйд считает, что как прошлым, так и теперешним публикациям не хватает сбалансированности, точности и ответственности⁵ – эти ценности он, очевидно, выделяет как наиболее важные при освещении темы межэтнических отношений.

Другой исследователь, П. Стэсем, напротив, считает, что в конце XX века ситуация с освещением в СМИ межнациональных вопросов по сравнению с предыдущими десятилетиями существенно улучшилась. Он опирается на ряд эмпирических исследований, которые показали, что к концу 1990-х годов британские СМИ перестали массово воспроизводить расистские стереотипы, у иммигрантов появилась возможность высказываться в прессе, они стали чаще появляться на телевидении. Контент-анализ ведущих британских СМИ за период шести месяцев, с ноября 1996 года по май 1997-го, показал, что три четверти материалов имели антирасистскую направленность и были благожелательно настроены по отношению к иммигрантам⁶. В то же время, в прессе в этот период было по-прежнему много материалов, направленных против людей, ищущих политического убежища в Великобритании. Автор приходит к выводу, что беженцы к тому времени попали в положение чернокожих иммигрантов и иммигрантов из Азии, о которых было принято писать в негативном ключе за 15 лет до этого⁷.

⁵ Greenslade R. Op. cit. P. 29.

⁶ Statham P. Op. cit. P. 406.

⁷ Statham P. Op. cit. P. 409.

Можно по-разному оценивать ситуацию с освещением в британских СМИ межэтнических и межконфессиональных вопросов на рубеже веков, но нельзя сказать, что профессиональное сообщество не пыталось ничего предпринять для улучшения этой ситуации. Великобритания – страна, в которой был принят, по всей видимости, первый в мире специальный этический кодекс, регламентирующий освещение журналистами межэтнических противоречий. Это произошло в 1975 году, когда в большинстве других стран Западной Европы идеи мультикультурализма и толерантного отношения к приезжим только были высказаны, и дискуссия об информационной этике по отношению к иммигрантам лишь начиналась. В отличие от Италии, в которой схожий этический кодекс был принят в 2000-х годах по инициативе коренных итальянцев, в Великобритании инициатива исходила от журналистов-иммигрантов, сумевших убедить крупнейшую профессиональную организацию страны – Национальный союз журналистов (National Union of Journalists, НСЖ) – принять предложенные ими рекомендации.

Общий этический кодекс НСЖ существовал еще с 1936 года и содержал в себе типичные для того времени рекомендации говорить правду, исправлять ошибки и т. д., никак не касаясь вопроса о межэтнических противоречиях. В 1960-х годах журналист из Южной Африки Л. Моррисон стал регулярно выступать в НСЖ, указывая на необходимость улучшения ситуации с освещением в СМИ межэтнических противоречий. В 1966 году он добился того, что лондонское отделение Союза приняло резолюцию, призывающую создать специальный этический кодекс, который регламентировал бы эти вопросы. Однако тогда это предложение было отклонено ежегодным национальным съездом делегатов НСЖ: многие делегаты сочли затею бессмысленной, так как расизма, по их мнению, не существовало ни среди членов НСЖ, ни в британских СМИ в целом⁸. Прошло еще восемь лет, прежде чем в 1974 году на ежегодном съезде делегатов НСЖ участники официально «строго осудили практику расизма ... в редакционных материалах британских СМИ» и поста-

⁸ *Morrison L. Op. cit. P. 51.*

новили создать подкомитет НСЖ по расовым отношениям, который отслеживал бы злоупотребления в этой сфере и рекомендовал бы способы борьбы с ними⁹. Подкомитет стал организовывать встречи и дискуссии для журналистов в разных частях страны, рассказывая о проблемах расизма и дискриминации, и добился того, что уже на следующем ежегодном съезде делегатов НСЖ в 1975 году его участники согласились включить в общий этический кодекс НСЖ новый пункт, предостерегающий от дискриминации по расовому и другим признакам, а также принять отдельные, дополнительные рекомендации для журналистов относительно того, как освещать расовые и межнациональные вопросы. Эти рекомендации были заранее разработаны членами подкомитета и стали первым вариантом специального этического кодекса, получившего название «Руководство по освещению расовых вопросов» («Guidelines for Race Reporting»).

Нужно оговориться, что, хотя в названии документа употребляется слово «расовый», речь в нем идет не только об отношениях между представителями разных рас, но и в принципе о межнациональных отношениях и вопросах иммиграции, а в более поздней редакции кодекса – и о людях, ищущих политического убежища. Здесь проявляется специфика употребления в данном контексте английского слова «чернокожий» («black»), о чем специально говорится в одном из пунктов поздней редакции кодекса: «“Чернокожими” можно называть людей арабского, азиатского, китайского и африканского происхождения»¹⁰. Речь, таким образом, идет не о «черных» и «белых», а в принципе об отношениях между людьми разных национальностей и происхождений. О том же написано в книге Б. Эйнли: «Слово “чернокожий” используется для обозначения африканцев, выходцев из стран Карибского бассейна, азиатов и – так как это политический термин – китайцев»¹¹. Интересно, что в обоих случаях «китайцев» упоминают отдельно от «азиатов». Под

⁹ Morrison L. Op. cit. P. 49.

¹⁰ Этический кодекс «Руководство по освещению расовых вопросов». URL: <http://www.nuj.org.uk/files/reportingrace.pdf> (дата обращения: 05.10.2013).

¹¹ Ainley B. Op. cit. P. VII.

«азиатами», очевидно, подразумеваются выходцы из Индии, Пакистана и смежных территорий.

Принятая в 1975 году редакция «Руководства по освещению расовых вопросов» состояла всего из пяти пунктов¹², которые потом были существенно расширены и дополнены, так что сегодня кодекс представляет собой гораздо более подробный документ, состоящий из шести обширных разделов. Мы не будем останавливаться на первой редакции «Руководства», так как все его положения в той или иной форме перешли в нынешний кодекс, и перейдем сразу к последнему.

Два из шести разделов «Руководства» являются не рекомендациями для журналистов, а просто изложением позиции НСЖ по вопросу о том, как следует освещать темы расовых противоречий, иммиграции и проблемы беженцев; остальные четыре раздела представляют собой собственно руководство. При этом первые два раздела сформулированы в дескриптивной форме, остальные четыре – в прескриптивной.

Рассмотрим положения каждого из разделов с тем, чтобы выяснить, какие из выделяемых нами в первой главе семи журналистских нравственных ценностей (свобода слова, социальная ответственность, правда, беспристрастность, непричинение вреда, справедливость и честность) в них отражены. Мы проанализируем как прескриптивные разделы, так и дескриптивные, так как они тоже являются частью кодекса. Из последних мы возьмем только те положения, которые относятся непосредственно к освещению межэтнических и межконфессиональных отношений, а не просто отражают общий взгляд НСЖ на иммиграцию.

В первом дескриптивном разделе, который называется «Позиция НСЖ по вопросу освещения иммиграции и политического убежища», говорится: изложение, основанное на стереотипах, может причинить боль, и воспроизведение стереотипов в СМИ может способствовать формированию у людей не-

¹² Первый вариант кодекса опубликован от редакции: *Ethnic Minorities and the Media // Journal of Ethnic and Migration Studies*. 1975. Vol. 4. № 4. P. 452.

приемлемых взглядов¹³ (в этом положении, на наш взгляд, отражены ценности *непричинения вреда* и *социальной ответственности*¹⁴); НСЖ осуждает распространение предубеждений и страха перед иммигрантами и людьми, ищущими политического убежища, так как это отвлекает внимание от реальных причин социальных и экономических проблем (*социальная ответственность*); НСЖ считает воспроизводство в СМИ расизма и ксенофобии антиобщественным и чрезвычайно безответственным (*социальная ответственность*); НСЖ ожидает, что сообщения СМИ на темы иммиграции и политического убежища будут честными (fair), сбалансированными и точными (*честность, беспристрастность, правда*).

Во втором дескриптивном разделе под названием «Позиция НСЖ по освещению расовых вопросов» говорится: НСЖ считает, что члены Союза несут ответственность за борьбу с расизмом в СМИ (*социальная ответственность*); НСЖ выступает против цензуры, но считает, что свобода прессы должна быть опосредована ответственностью и пониманием всеми работниками СМИ необходимости не допустить того, чтобы свобода использовалась для очернения каких-то общественных групп или их представителей и распространения зла расизма (*свобода слова, социальная ответственность*); НСЖ считает, что методы и ложь расистов необходимо публично и решительно разоблачать (*правда*); НСЖ считает, что СМИ не следует публиковать материалы, которые поощряют дискриминацию на основании расовой принадлежности или цвета кожи (*социальная ответственность*); НСЖ признает за своими членами право отказаться от выполнения работы, если работодатель проводит расистскую пропаганду (*социальная ответственность*); НСЖ считает, что материалы, связанные с расовыми вопросами, должны подаваться в сбалансированном контексте (*беспристрастность, правда*).

¹³ Здесь и далее положения кодексов передаются в сокращенном виде – пересказываются их суть.

¹⁴ Здесь и далее в скобках – ценности, которые, на наш взгляд, отражены данным положением кодекса.

Первый из четырех прескриптивных разделов называется «Руководство по освещению проблем иммиграции и людей, ищущих политического убежища». В нем говорится: журналистские материалы должны показывать, что многие беженцы и люди, ищущие политического убежища, – образованные профессионалы и компетентные работники, которые покинули дома не по своей воле (*справедливость, правда*); журналист должен стараться не представлять беженцев как источник проблем вместо того, чтобы представлять их как жертв (*справедливость*); журналист не должен распространять негативные стереотипы, основанные на неверных представлениях (*правда*); журналист должен всегда перепроверять слова политиков и общественных деятелей (*правда*); журналист не должен использовать в отношении беженцев оскорбительные эпитеты (*непричинение вреда*), а также преувеличивать и распространять предубеждения и страх (*правда, социальная ответственность*).

Во втором прескриптивном разделе, название которого повторяет название всего документа – «Руководство по освещению расовых вопросов» – содержатся следующие положения. Журналист должен: сообщать о национальности героя материала только в том случае, если это действительно необходимо (*социальная ответственность*); правильно выбирать слова для обозначения других этносов, чтобы их не оскорбить (*непричинение вреда*); не делать предположений о происхождении человека, а вместо этого всегда точно выяснять эту информацию (*правда*); стараться рассказывать о положении цветных людей во всех сферах общественной жизни и транслировать их мнения (*справедливость, правда*); принимать во внимание культурную неоднородность цветных сообществ (*правда*); журналистскими методами добиваться равных возможностей для приема цветных людей на работу (*справедливость*); использовать слово «иммигрант» только в том случае, если человек действительно иммигрант (*правда*); опасаться дезинформации (*правда*); не делать сенсаций из межэтнических противоречий (*социальная ответственность*).

В третьем прескриптивном разделе – «Освещение деятельности расистских организаций» – говорится: не создавайте сенсаций из деятельности расистских организаций (*социальная ответственность*); старайтесь разоблачать ложь и антиобщественное поведение расистских организаций (*правда, социальная ответственность*); не позволяйте, чтобы письма читателей или звонки в студию распространяли межнациональную рознь (*социальная ответственность*); перепроверяйте слова представителя расистской организации (*правда*), ищите комментарии, в которых выражались бы взгляды, противоположные высказанным представителем расистской организации (*беспристрастность*).

Наконец, в четвертом прескриптивном разделе под названием «Руководство по освещению проблем кочевых народов» говорится: сопротивляйтесь искушению сделать сенсацию из проблем, касающихся кочевых народов (*социальная ответственность*); старайтесь шире освещать жизнь кочевых народов и проблемы, с которыми они сталкиваются (*правда*); старайтесь способствовать пониманию того, что представители кочевых народов – это граждане Великобритании и Ирландии, чьи права не всегда соблюдаются, которые часто страдают от плохого отношения СМИ и которые имеют право на признание их особого вклада в британскую и ирландскую жизнь (*справедливость*); используйте слово «цыган» или «кочевой» только в том случае, когда это действительно необходимо (*социальная ответственность*); создавайте сбалансированные материалы, включая в них комментарии как оседлых жителей, так и представителей кочевых народов (*беспристрастность*).

Анализ положений кодекса «Руководства по освещению расовых вопросов» показывает, что в нем можно найти – хотя бы по одному разу – отражение всех семи выделяемых нами базовых нравственных ценностей журналистики: *социальной ответственности, непричинения вреда, правды, справедливости, беспристрастности, свободы слова и честности*. При этом основной упор делается на *социальную ответственность* (отражена в 15 положениях) и *правду* (отражена в 14 положениях).

Рассмотрим еще два значимых в Великобритании кодекса (но только те их пункты, которые касаются проблем освещения межэтнических и межконфессиональных отношений). Пункт «9» общего кодекса НСЖ гласит: «Журналист не создает материалов, которые с большой долей вероятности могут спровоцировать ненависть или дискриминацию на основании возраста, пола, расы, цвета кожи, убеждений, правового статуса, болезни, семейного положения или сексуальной ориентации человека»¹⁵. Здесь, на наш взгляд, отражены ценности *непричинения вреда* и *социальной ответственности*. Пункт «5.4.38» подробнейшего редакционного этического кодекса «Би-би-си» звучит следующим образом: «В наших программах мы стремимся полно и справедливо представлять все народы и культуры, существующие в Соединенном Королевстве. Содержание материала может отражать предубеждения и недостатки, которые существуют в любом обществе, но мы не должны укреплять их. В некоторых случаях указание на болезнь, возраст, сексуальную ориентацию, веру, расу и т. д. может быть важным для материала. Однако мы должны избегать бездумных или оскорбительных предположений, основанных на стереотипах; использовать вышеописанные указания следует только в тех случаях, когда это редакционно оправдано»¹⁶. Мы считаем, что здесь отражены ценности *правды*, *справедливости*, *социальной ответственности* и *непричинения вреда*.

Для нашего исследования важно выяснить, какое влияние оказывают эти отраженные в кодифицированных правилах ценности на принятие этических решений в журналистской практике и в какой мере кодексы могут помочь при принятии таких решений. Для этого рассмотрим конкретный случай с освещением в СМИ межэтнических и межконфессиональных вопросов, вызвавший сильный общественный резонанс.

¹⁵ Этический кодекс британского Национального союза журналистов (NUJ). URL: <http://www.nuj.org.uk/about/nuj-code/> (дата обращения: 05.10.2013).

¹⁶ Этический кодекс «Би-би-си». Раздел 5: вред и оскорбления (Harm and Offence. Portrayal). URL: <http://www.bbc.co.uk/editorialguidelines/page/guidelines-harm-portrayal> (дата обращения: 07.08.2013).

В 2009 году в Великобритании разразился громкий скандал, связанный с приглашением лидера националистической Британской национальной партии (British National Party, БНП) Н. Гриффина на передачу «Question Time» на «Би-би-си». «Question Time» – это еженедельное политическое ток-шоу, в ходе которого несколько приглашенных гостей (обычно крупных британских политиков) отвечают на вопросы аудитории. Британская национальная партия – крайне правая партия, выступающая за активное стимулирование иммигрантов к возвращению на родину и отмену британского антидискриминационного законодательства. Она не имеет представительства в британском парламенте, но на выборах в Европейский парламент 2009 года набрала 6,2% голосов, получив два места. Лидер партии Н. Гриффин неоднократно выступал с националистическими, расистскими и гомофобными заявлениями и открыто отрицает Холокост.

Решение пригласить Гриффина на передачу было продиктовано относительными успехами партии на выборах в Европарламент и в региональные органы самоуправления, о чем накануне эфира заявил генеральный директор «Би-би-си» М. Томпсон¹⁷. Однако далеко не все британцы были согласны с этим решением: во время записи передачи 22 октября 2009 года перед телевизионным центром «Би-би-си» собралось около 600 протестующих. Общество довольно резко разделилось на тех, кто считает приглашение Гриффина в эфир оправданным, и тех, кто категорически против этого.

Главный аргумент сторонников приглашения Гриффина, высказанный М. Томпсоном, заключался в том, что БНП получила больше 6% голосов избирателей на выборах в Европарламент и, таким образом, по формальным параметрам партия подходит для того, чтобы ее представитель хотя бы единожды был приглашен в эфир одного из главных политических ток-шоу страны. Решение пригласить Гриффина, по словам Томпсона, неразрывно связано с одной из главных этических ценностей медиакорпорации: ценно-

¹⁷ Keeping Nick Griffin off air is a job for parliament, not the BBC // The Guardian, 21.10.2009. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/oct/21/question-time-bbc-bnp-griffin> (дата обращения: 07.08.2013).

стью *беспристрастности* (в данном случае речь идет о беспристрастном отношении ко всем партиям). Кроме того, он выступил в защиту *свободы слова* в рамках закона: если партия настолько опасна для общества, что ее взгляды нельзя озвучивать, то запретить ей их распространять может только правительство, но никак не СМИ¹⁸.

К беспристрастности апеллировал и главный политический советник «Би-би-си» Р. Бэйли: по его словам, если бы медиакопорация не отнеслась к БНП беспристрастно, она нарушила бы одно из главных положений своей хартии¹⁹.

Многие выступили в поддержку решения редакции, апеллируя к свободе слова. Телеведущий «Би-би-си» Д. Хамфриз сказал: «Почему мы должны бояться того, что они скажут? Речь здесь идет о свободе слова и об обязанностях “Би-би-си”»²⁰. Обозреватель израильской газеты «Haaretz» Э. Пфедфер написал, что «Би-би-си» приняла правильное решение, основанное на свободе слова, выполняя свой демократический и журналистский долг²¹.

Заместитель генерального директора «Би-би-си» М. Байфорд в своем комментарии отразил ценности свободы слова и *правды*, понимаемой как «вся полнота правды»: «У них (у БНП. – К.Н.) есть право быть услышанными... чтобы... зрители составили собственное представление об их взглядах. “Би-би-си” не может ввести цензуру и отказаться представлять их»²².

¹⁸ Ibid.

¹⁹ BBC in turmoil over BNP Question Time invite // The Telegraph, 21.10.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/6399903/BBC-in-turmoil-over-BNP-Question-Time-invite.html> (дата обращения: 07.08.2013). Хартия «Би-би-си» (BBC Charter) – это основополагающий юридический документ медиакопорации, в котором утверждаются ее редакционная независимость и общественные обязательства.

²⁰ BBC rejects demands to bar Nick Griffin // The Times, 21.10.2009. URL: <http://www.webcitation.org/5khYXmPD1> (дата обращения: 07.08.2013).

²¹ Comment / BBC is correct to give platform to far-rightist // Haaretz, 23.10.2009. URL: <http://www.haaretz.com/news/comment-bbc-is-correct-to-give-platform-to-far-rightist-1.5587> (дата обращения: 07.08.2013).

²² BBC defends BNP move amid protest // BBC News, 22.10.2009. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8319596.stm (дата обращения: 07.08.2013).

Фактически о правде говорил и премьер-министр консерватор Г. Браун: «Если на “Question Time” их (БНП. – К.Н.) будут спрашивать об их расистских и фанатичных взглядах, опасных для добрых общественных отношений, это будет хорошей возможностью показать, что они из себя представляют. Я думаю, мы все время обязаны демонстрировать, что политика БНП – расистская и сектантская. Любой, кто услышит, о чем они на самом деле говорят, поймет, что их слова неприемлемы»²³. И хотя Браун четко не высказался ни за, ни против решения «Би-би-си», по этой цитате его можно отнести, скорее, к лагерю сторонников этого решения.

Итак, инициаторы и сторонники решения «Би-би-си» пригласить в эфир передачи «Question Time» националиста Н. Гриффина в своих аргументах апеллировали, главным образом, к ценностям *беспристрастности, свободы слова и правды*.

Противники решения «Би-би-си» подходили с вопросу с другой стороны. Один из главных критиков позиции телекомпании министр П. Хейн говорил, в первую очередь, об *ответственности перед обществом*: «Если начать относиться к ним (к БНП. – К.Н.) как к равным, таким же, как все другие, они начнут приобретать популярность – мы уже наблюдали это в нацистской Германии»²⁴. С похожими мотивами выступила газета «The Guardian»: в ее редакционной статье говорилось, что телекомпания предоставляет БНП платформу для ее «ядовитой политики»²⁵ (подразумевается, что это опасно для общества). Генеральный секретарь Совета мусульман Великобритании М.А. Бари также апеллировал к социальной ответственности: «Мы сожалеем о решении “Би-би-си”. Существует опасение, что, если позволить БНП рас-

²³ BNP Question Time: in quotes // The Telegraph, 22.10.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/6408007/BNP-leader-Nick-Griffin-on-Question-Time-in-quotes.html> (дата обращения: 07.08.2013).

²⁴ Nick Griffin: 'Question Time will be a political blood sport' // The Independent, 22.10.2009. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/nick-griffin-question-time-will-be-a-political-blood-sport-1807144.html> (дата обращения: 07.08.2013).

²⁵ The BNP on Question Time is the wrong party on the wrong programme // The Guardian, 15.10.2009. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/oct/15/bnp-question-time-bbc-griffin> (дата обращения: 07.08.2013).

пространять свои ядовитые взгляды, это усилит исламофобию и придаст БНП ауру респектабельности, которая поможет им распространять ненависть»²⁶.

Многие говорили не только о социальной ответственности в целом, но и о важности *непричинения вреда* конкретным людям. Бывший мэр Лондона К. Ливингстон заявил, что на «Би-би-си» ляжет моральная ответственность за любой всплеск расистской агрессии после эфира: «Мы уже видели это, когда Энок Пауэлл произнес свою речь “Реки крови”: тогда был огромный всплеск атак на чернокожих кондукторов в автобусах. Вот почему я думаю, что нужно применять разные стандарты к БНП и другим партиям – которые не легитимизируют такого рода насилие против меньшинств. ... Мы с вами сидим тут в комфортном мирке. Но молодой мусульманин, который идет домой мимо группы подонков-расистов, возбудившихся словами представителя БНП, может быть побит»²⁷. Член парламента от лейбористов Э. Слотер тоже делал упор на обе ценности: «Я думаю, что это просто безответственно. Все эти досужие разговоры о свободе слова разбиваются о тот практический эффект, который передача будет иметь для сообщества мусульман, чернокожих и азиатов, и этот эффект – достаточная причина для того, чтобы не предоставлять БНП эфира»²⁸. Эту же позицию разделял У. Беннетт, секретарь организации «Вместе против фашизма» (Unite Against Fascism): «Что они получают – так это огромную трибуну для своей фашистской и расистской политики, и за это придется заплатить увеличением количества расистских атак»²⁹.

В некоторых комментариях против появления Н. Гриффина в эфире можно проследить мотивы *справедливости*. Например, министр внутренних

²⁶ BNP Question Time: in quotes.

²⁷ Nick Griffin: 'Question Time will be a political blood sport'.

²⁸ Op. cit.

²⁹ Ibid.

дел Великобритании А. Джонсон сказал, что появление в «Question Time» даст БНП «легитимизацию, которой она не заслуживает»³⁰.

Итак, противники решения «Би-би-си» пригласить в эфир Гриффина апеллировали, главным образом, к *социальной ответственности* и *непричинению вреда* и иногда – к *справедливости*.

И та, и другая стороны предоставили достаточное количество убедительных аргументов в свою пользу и привлекли на свою сторону большое количество людей. Мнения «за» приглашение Гриффина в основном высказывались журналистами и самими сотрудниками «Би-би-си», в то время как мнения «против» чаще всего исходили от политиков и общественных деятелей. То, что в конечном счете было принято решение, отражающее ценности беспристрастности, свободы слова и правды, было обусловлено исключительно широкими полномочиями руководства медиакорпорации «Би-би-си», по закону обладающей независимостью. С точки зрения стороннего наблюдателя можно сказать, что по своей силе аргументы были равноценны, что делает этот случай ярчайшей иллюстрацией дилеммного характера проблем этического регулирования журналистской деятельности.

Чтобы обосновать этот тезис, вернемся к ценностям, которые отражены в «Руководстве по освещению расовых вопросов», в пункте «9» общего кодекса НСЖ и в пункте «5.4.38» редакционного кодекса «Би-би-си». Мы видели, что в положениях руководства и рассмотренных пунктах двух других этических кодексов отражены все семь ценностей, которые мы выделяем в качестве основных для журналистской этики: социальная ответственность, непричинение вреда, справедливость, правда, беспристрастность, свобода слова и честность. Подразумевается, что при создании материала на тему межэтнических отношений журналист должен иметь в виду все эти ценности и все их отражать в своей работе. Однако, как мы видим на примере скандала с приглашением в эфир «Би-би-си» националиста Н. Гриффина, на практике при-

³⁰ Alan Johnson says BBC should bar 'foul' BNP from Question Time // The Guardian Politics Blog, 16.10.2009. URL: <http://www.theguardian.com/politics/blog/2009/oct/16/alan-johnson-bnp-question-time> (дата обращения: 07.08.2013).

держиваться всех ценностей одновременно невозможно. Приходится расставлять приоритеты и выбирать: либо на первом месте – свобода слова и сопутствующие ей беспристрастное отношение ко всем героям (в том числе самым одиозным) и правда во всей полноте, либо – забота о благополучии общества (социальная ответственность и справедливость) и конкретных людей (непричинение вреда). Первой ситуации соответствует решение пригласить националиста в эфир с тем, чтобы задавать ему самые неудобные вопросы, демонстрируя его всей стране таким, какой он есть, и мирясь с его попытками проводить пропаганду ненависти и вражды; второй ситуации соответствует решение не приглашать его в эфир, тем самым минимизировав вероятность социальных волнений и всплеска националистического насилия, но и лишив публику возможности составить о политике собственное мнение и отеснив его на обочину политического процесса, где он – не исключено – захочет действовать более радикальными методами.

Единственная из семи ценностей, которая не была в явном виде отражена ни в одном из рассмотренных нами комментариев к ситуации с «Би-би-си», – это ценность честности, что делает ее в данном случае наименее противоречивой ценностью. Все остальные оказались либо по одну, либо по другую сторону водораздела мнений: три основных ценности сторонников решения «Би-би-си» – *беспристрастность, свобода слова и правда* – фактически противостоят трем ценностям противников решения: *социальной ответственности, непричинению вреда и справедливости*. Сочетание ценностей из противоположных групп представляется в данном случае практически невозможным – нельзя принять решение, которое отражало бы и ценности свободы слова / правды / беспристрастности, и ценности социальной ответственности / непричинения вреда / справедливости, потому что решение должно быть дискретно: либо пригласить Н. Гриффина, либо нет. Хотя можно было бы пригласить его и при этом стараться ограничить его в высказываниях – но, во-первых, это уже было бы ограничением свободы слова и «урезанием» полноты правды, во-вторых, это не было бы беспристрастным, а в-третьих,

даже и само его появление в эфире «Question Time», по мнению противников приглашения, уже опасно для общества, так как легитимизирует его как равного участника политического процесса. В то же время, можно было бы не приглашать Гриффина на «Question Time», а дать ему слово на других, менее заметных площадках – но это, во-первых, все равно могло бы иметь результатом увеличение числа его сторонников и всплеск эксцессов на расистской почве, во-вторых, по мнению многих, он не заслуживает и этого, а в-третьих, его появление на других площадках – это уже решение другой редакции, а не редакции «Question Time». Таким образом, получается, что компромисс невозможен и две группы ценностей в данном случае не могут быть учтены одновременно.

Проблема этического регулирования журналистской деятельности в рассматриваемом случае проявляется в следующем: этический кодекс, даже столь подробно проработанный, как «Руководство по освещению расовых вопросов», не может помочь журналисту на практике, так как не содержит в себе указаний на то, как разрешать противоречия между ценностями. Как мы помним, упор в «Руководстве» делается на ценности социальной ответственности и правды, которые в нашей ситуации оказались в противостоящих друг другу группах. При этом возможность их несовместимости в кодексе не учитывается. То же касается и положений об освещении межэтнических и межконфессиональных противоречий в двух других рассмотренных нами кодексах. Получается, что эти документы дают только общие рекомендации по освещению межэтнических и межконфессиональных противоречий; в конкретных же спорных ситуациях каждый редактор должен ориентироваться на собственные моральные ориентиры. Это означает, что этическое регулирование журналистской деятельности с помощью существующих кодексов в случаях, подобных рассмотренному нами, фактически невозможно.

§2.2 Италия

Италия представляет собой не менее интересную страну для рассмотрения проблем с освещением в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений, чем Великобритания. Несмотря на отсутствие столь яркого колониального прошлого, в Италии живет большое количество иммигрантов. Это связано с либеральным до недавнего времени иммиграционным законодательством и с тем, что южный итальянский остров Лампедуза – главная точка въезда для беженцев из африканских стран. В стране периодически происходят «иммиграционные кризисы»: после серьезных социальных потрясений в той или иной африканской стране в итальянских лагерях беженцев сосредотачиваются больше людей, чем лагеря способны вместить. Это стимулирует рост в обществе ксенофобии, которая поддерживается некоторыми СМИ, и поэтому в Италии постоянно идут дискуссии о журналистской этике применительно к освещению проблем иммиграции. В этом параграфе мы кратко рассмотрим историю иммиграции в Италию, историю освещения межэтнических и межконфессиональных отношений в итальянских СМИ, проанализируем существующие кодифицированные этические правила освещения этих вопросов и разберем конкретный случай противоречивого отражения в итальянских СМИ межэтнических отношений.

Италия далеко не всегда была страной иммиграции. Напротив, на протяжении всей своей новейшей истории (начиная с объединения государства в 1861 году) она в основном была страной эмиграции. Считается, что принимающим государством Италия стала только в 70-х годах XX века. Хотя, конечно, и до этого иностранцы приезжали в страну на постоянное место жительства: в конце XIX и начале XX века миграционная политика страны была очень либеральной, и в Италию иммигрировали венгры, бежавшие от революции 1848 года, армяне, бежавшие от геноцида 1915 года, российские дворяне, бежавшие от революции 1917 года, китайцы и многие другие. Однако с

1871 года и до Второй мировой войны доля иностранцев в Италии составляла всего примерно 0,2–0,3% от населения в целом¹.

Сразу после Второй мировой войны плачевное состояние экономики тоже вынуждало многих итальянских граждан эмигрировать в другие страны, и о массовой иммиграции речи по-прежнему не шло. Но со временем ситуация стала меняться. Переломным моментом, превратившим Италию из страны эмиграции в настоящую страну иммиграции, принято считать «нефтяной кризис» 1973 года. Тогда в результате военного конфликта Израиля с Сирией и Египтом Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК) резко подняла цены на нефть для государств, которые поддерживают в этом конфликте Израиль. Это сильно повлияло на экономику США и стран Западной Европы, где началась рецессия. В результате европейские государства, которые до этого активно принимали рабочую силу из-за рубежа (например, Германия по контракту приглашала рабочих из Турции), заморозили свои программы привлечения иностранных рабочих и начали ужесточать иммиграционные законодательства. Считается, что после этого те, кто уже решил переехать в эти страны Европы, но не успел до 1973 года, переориентировались на Италию, где еще не было проработанного иммиграционного законодательства и куда проще было попасть. Примерно с этого времени количество иностранных граждан, въезжающих на постоянное место жительства в Италию, начало расти.

Таким образом, Италия считается одной из так называемых новых европейских стран иммиграции – наряду с Испанией, Португалией и Грецией. Официальное «открытие» иммиграции в Италии произошло в начале 1980-х годов: перепись 1981 года показала, что в государстве живет большое количество иностранных рабочих². В течение 1980-х годов количество прибы-

¹ *Colombo A., Sciortino G. Italian Immigration: The Origins, Nature and Evolution of Italy's Migratory Systems // Journal of Modern Italian Studies. 2004. Vol. 9. № 1. P. 51–52.*

² *Коданьоне К. Опыт иммиграционной политики Италии и некоторые уроки для России // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Ред. Г. Витковская. Москва: Гендальф, 2002.*

вающих в страну на постоянное место жительства иностранцев продолжало расти, а попытки ограничить легальный въезд для них приводили только к увеличению масштабов въезда нелегального. В марте 1991 года в Италию в течение трех дней приехали 24 000 албанцев, бежавших из Албании в результате смены власти, что вызвало резкий рост анти-иммиграционных настроений. На протяжении всех 1990-х годов в страну многократно пытались попасть беженцы, чаще всего приплывая на лодках: согласно сложившейся гуманитарной практике, власти приморских районов должны прийти в такой ситуации людям на помощь. Попав же на территорию Италии, эти люди нередко бежали из лагерей беженцев, не дожидаясь решения властей о предоставлении им политического убежища (которое могло бы отрицательным), и переходили в нелегальное поле.

В 2002 году иммиграционное законодательство было ужесточено: было принят закон Босси-Фини, по которому разрешение на пребывание могли получить только те иммигранты, у которых уже подписан рабочий контракт. Однако к кардинальному изменению ситуации это не привело: количество иммигрантов продолжало постепенно увеличиваться, в том числе за счет беженцев. Например, в 2011 в результате волны антиправительственных беспорядков в странах северной Африки и Ближнего Востока («арабской весны») в Италию стали прибывать большие группы беженцев из этих государств. Это спровоцировало очередной «иммиграционный кризис»: с января по март 2011 года на южный итальянский остров Лампедуза с населением 5000 человек прибыло более 6000 беженцев из Туниса и Ливии, что в очередной раз привело к всплеску анти-иммиграционных настроений среди итальянцев.

Всего на 1 января 2012 года количество иностранцев в Италии составляло 4 825 600 человек, или 7,9% от общего населения³.

Как отмечает К. Коданьоне, уровень общественного внимания к проблеме резко возрос в 1980-е годы: если до середины 1980-х иммиграция остава-

³ Данные статистической службы Европейского союза (Eurostat) за 2012 год. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 20.08.2013).

лась почти незамеченной, то уже к 1989 году было опубликовано около 600 статей и книг, посвященных этому вопросу. С одной стороны, эта тема оказалась важной, вероятно, потому, что люди воспринимали происходящее как некую смену эпох: Италия как бы переходила в разряд «настоящих» европейских стран. С другой стороны, в условиях недостатка данных иммиграция стала казаться обывателям стихийным бедствием, сравниваемым с наводнением⁴. Именно тогда иммиграция стала темой публичных дебатов, а СМИ начали драматизировать ситуацию и уделять недостаточно внимания сбалансированности репортажей об иммигрантах в угоду их сенсационности.

Резкое ужесточение позиции общества и большей части СМИ по отношению к иммигрантам многие исследователи⁵ связывают с «албанским кризисом» 1991 года. Если в первый период иммиграции (до 1991 года) газеты и телевидение представляли публике разные точки зрения на это явление – позицию левых партий, которые защищали идею мультикультурного общества, христианских демократов, которые вслед за католической церковью считали иммигрантов «новыми бедняками», и социалистов, которые называли Италию сильной экономикой, нуждающейся в иммигрантах, – то в 1991 году многое изменилось. СМИ начали все больше представлять иммиграцию как опасность.

Как пишет Дж. тер Валь⁶, в материалах итальянской прессы 1990-х на тему иммиграции преобладали негативные мотивы: речь шла о нелегальной иммиграции, преступности, проблемах с жильем, проблемах в межэтнических отношениях и о политических конфликтах; материалы о мусульманах изобиловали негативными стереотипами. Хотя существовали и примеры позитивных инициатив, целью которых было способствовать интеграции имми-

⁴ Коданьоне К. Указ. соч.

⁵ *Campani G. Migrants and Media: The Italian Case // Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference / Ed. by R. King., N. Wood. London: Routledge, 2001. P. 44; Ter Wal J. Italy (IT) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995-2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.*

⁶ *Ter Wal J. Op. cit.*

грантов в итальянское общество (например, программа «NonSoloNero» не телевидении), они были немногочисленны и не имели большого влияния. Так называемая мейнстримовая пресса (в основном это четыре национальные итальянские газеты – «La Repubblica», «Il Corriere della Sera», «La Stampa» и «Il Giornale») в мягкой форме воспроизводили этнические предубеждения⁷. В то же время, существовали и другие модели поведения: так, коммунистическая газета «Liberazione» активно выступала за открытые границы и против расизма, а газеты праворадикальных партий «Il Secolo d'Italia» и «La Padania», напротив, использовали откровенно расистские выражения и эксплуатировали страхи перед «нашествием иммигрантов»⁸. По данным С. Беннета и соавторов, та же ситуация продолжалась и на протяжении 2000-х: как газеты, так и телевидение говорили об иммигрантах по большей части в связи с криминалом, редко цитировали представителей сообществ иммигрантов, не проводили практически никаких серьезных исследований и не делали попыток анализа на темы, связанные с иммиграцией⁹.

Разговор о низком общем этическом уровне журналистских материалов на темы межэтнических и межконфессиональных отношений начался еще в 1990-е. Тогда же возник вопрос о том, каким образом можно было бы этот уровень поднять. Так сложилось, что основной журналистский этический кодекс под названием «Хартия обязанностей журналистов» был принят в Италии довольно поздно по европейским меркам – только в 1993 году. Разработанный Национальным советом ордена журналистов (НСОЖ) и Национальной федерацией итальянской прессы (НФИП), он представляет собой подробный документ, регламентирующий поведение журналистов в разных обстоятельствах (его положения мы анализировали в §1.1). В этом кодексе, в том числе, есть два пункта, касающиеся освещения межэтнических и межконфессиональных отношений (мы рассмотрим их ниже).

⁷ Ter Wal J. Op. cit. P. 262.

⁸ Campani G. Op. cit. P. 46.

⁹ Bennett S., Ter Wal J., Lipiński A., Fabiszak M., Krzyżanowski M. Media Content: Thematic Report 2011/02. San Domenico di Fiesole: European University Institute, 2011. P. 15–16.

При этом «Хартия обязанностей журналистов» была не самым первым журналистским кодексом, принятым в Италии: еще до нее свои кодексы были у нескольких крупных газет, а в 1990 году НСОЖ принял специальный кодекс в защиту детей, «Тревизскую хартию» («Carta di Treviso»), пересмотренный и исправленный в 2006 году. После 1993 года в стране также принимались специальные журналистские этические кодексы: посвященные освещению спортивных мероприятий и др.

Озабоченность низким этическим уровнем материалов об иммиграции, которые появлялись в итальянских СМИ, наводила наиболее активных членов журналистского сообщества на мысль о необходимости создать специальное этическое руководство для журналистов, освещающих эти темы. Первая попытка составить такое руководство была предпринята в 1996 году: НФИП совместно с итальянским Министерством социального развития разработали кодекс «Информация без расизма: рекомендации» («Recommendations for a non-racist information»). Этот документ, однако, не имел большого влияния и остался почти незамеченным основной массой журналистов¹⁰. Гораздо более широкий резонанс имело принятие схожего этического кодекса «Римская хартия» в 2008 году, чему предшествовал громкий медиаскандал.

Скандал был связан с очередным случаем неэтичного освещения итальянскими СМИ межэтнических противоречий. В конце 2006 года в городе Эрба в Северной Ломбардии были найдены убитыми итальянка Р. Кастанья, ее двухлетний сын, ее мать и подруга. Многие итальянские СМИ сразу же обвинили в убийстве мужа Кастаньи А. Марзука – выходца из Туниса, который до этого сидел в тюрьме по обвинению в торговле наркотиками. В течение многих дней его демонизировали, создавая образ «злого арабского иммигранта». Однако вскоре выяснилось, что Марзук в то время был в Тунисе и не мог быть причастен к убийству. В январе полиция арестовала двух соседей

¹⁰ *Ter Wal J.* Op. cit. P. 259.

Кастаньи, семейную пару итальянцев, которые впоследствии признались в преступлении¹¹.

Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) резко осудило поведение итальянских СМИ. 19 января 2007 года главным редакторам крупнейших медиакомпаний было отправлено письмо, в котором их попросили обратить внимание на ксенофобию в их материалах и предложили начать серьезный диалог о роли СМИ в таких ситуациях. 1 февраля по инициативе УВКБ все заинтересованные лица собрались для обсуждения этого вопроса в штаб-квартире НФИП в Риме. Тогда же был сформирован специальный комитет, задачей которого было предложить проект этического кодекса для журналистов, регулирующего освещение событий, связанных с иммигрантами и беженцами. В комитет вошли представители УВКБ, НСОЖ и антидискриминационного департамента Министерства внутренних дел Италии, а также ряд исследователей и журналистов. Сторонам удалось договориться, и в течение полутора лет был разработан и утвержден текст кодекса «Римская хартия» («Carta di Roma»), который был официально принят 13 июня 2008 года.

Кодекс¹² делится на три основные части. Первая – это, собственно, рекомендации журналистам, пишущим на темы иммиграции. Вторая представляет собой перечисление обязательств, которые берут на себя НФИП, НСОЖ, УВКБ ООН и региональные журналистские организации: включить обсуждение вопросов, связанных с освещением в СМИ проблем мигрантов, беженцев, жертв торговли людьми и тех, кто ищет политическое убежище, в программу журналистских курсов; организовывать специальные учебные семинары на эти темы; способствовать созданию независимого центра, который занимался бы мониторингом освещения итальянскими СМИ вопросов, связанных с мигрантами, и т. д. И, наконец, третья часть кодекса – это словарь

¹¹ Бенвенуто С. Чудовища по соседству // Credo New. 2010. № 2. URL: <http://credonew.ru/content/view/909/62/> (дата обращения: 20.08.2013).

¹² Этический кодекс «Римская хартия». URL: http://www.epim.info/wp-content/uploads/2011/01/Carta-di-Roma_EN_.pdf (дата обращения: 20.08.2013).

терминов, включающий в себя шесть понятий: «человек, ищущий политического убежища»; «беженец», «человек, находящийся под защитой гуманитарного права», «жертва торговли людьми», «мигрант/иммигрант» и «нелегальный иммигрант».

Так как вторая и третья части не являются этическими рекомендациями для журналистов, для нашего рассмотрения будет интересна только первая часть. Проанализируем ее с точки зрения отражения в ней семи выделяемых нами в Главе I основных этических ценностей журналистики – свободы слова, социальной ответственности, правды, непричинения вреда, беспристрастности, справедливости и честности.

В первой части кодекса всего четыре пункта.

В пункте «а» журналистов призывают принять корректную терминологию, которая отражает нормы национального и международного права, с тем, чтобы предоставить читателям и слушателям наиболее приближенную к правде информацию. В этом пункте мы видим отражение ценности *правды*.

В пункте «б» говорится, что НФИП и НСОЖ призывают журналистов избегать распространения неточной, упрощенной или искаженной информации о людях, ищущих политического убежища, беженцах, жертвах торговли людьми и мигрантах, так как поверхностное и непрофессиональное освещение событий имеет негативное влияние на героев материалов, на аудиторию СМИ и, как следствие, на уровень доверия к сотрудникам СМИ. Дополнительно говорится, что поверхностное освещение событий может включать в себя некорректное установление связей между событиями, а это может стать причиной того, что у публики сформируется искаженное представление о происходящем. В этом положении, на наш взгляд, отражены ценности *социальной ответственности, правды и непричинения вреда*.

В пункте «с» авторы кодекса призывают журналистов защищать тех беженцев, жертв торговли людьми, мигрантов и людей, ищущих политического убежища, которые решили поговорить с представителем СМИ, а именно – делать так, чтобы их невозможно было узнать. Это необходимо потому, что

таких людей и их родственников могут искать преступные организации или власти стран, из которых они бежали, а сами они, выросшие в другом социокультурном контексте, могут не осознавать опасности своего появления в СМИ. В этом положении кодекса ярко отражена ценность *непричинения вреда*.

Наконец, в пункте «d» журналистов призывают по возможности всегда консультироваться с экспертами по теме иммиграции, чтобы предоставлять публике ясную и полную информацию и анализ причин тех или иных явлений. Здесь, на наш взгляд, снова отражена ценность *правды*.

Таким образом, в кодексе «Римская хартия» отражены только три из выделяемых нами семи ценностей: *социальная ответственность, правда и непричинение вреда*.

Рассмотрим теперь те положения общего итальянского этического кодекса «Хартия обязанностей журналистов» (речь о нем шла выше), которые касаются освещения межэтнических и межконфессиональных отношений. Их два, и они фактически повторяют друг друга: «Журналист должен уважать людей ... и никогда не допускать дискриминации кого-либо по признакам расы, пола, а также из-за умственных и физических недостатков или политических взглядов» и «Журналист не может способствовать дискриминации людей по расовым или религиозным признакам, а также в зависимости от умственного или физического состояния человека и его политических пристрастий»¹³. В этих положениях, на наш взгляд, отражены ценности *социальной ответственности и непричинения вреда*.

Несмотря на принятие в 2008 году кодекса «Римская хартия», меньше, чем через год история с некорректным освещением преступления, в совершении которого подозреваются иностранцы, фактически повторилась. Жертвой неэтичного поведения СМИ на этот раз стали румыны. Румыны сегодня –

¹³ Цит. по: Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / Сост. Ю.В. Казаков. М.: Медея, 2004. С. 139–140.

самая многочисленная группа иностранцев в Италии¹⁴; при этом среди иммигрантов из Румынии много цыган. За последнее десятилетие румынами и румынскими цыганами в Италии был совершен ряд преступлений, которые становились причинами громких скандалов и всплесков антииммиграционных настроений, поддерживавшихся итальянскими СМИ. Всплески ксенофобии в принципе обычно происходят после заметных событий, связанных с иммигрантами: будь то прибытие большого количества иммигрантов (такие, как «албанские нашествия» 1991 и 1997 годов или «наплыв» иностранцев в результате «арабской весны» 2011–2012 годов) или преступления, совершенные или предположительно совершенные иммигрантами. К концу 2000-х годов румыны (как ранее другие группы иностранцев – албанцы, североафриканцы) стали все больше ассоциироваться в итальянских СМИ с криминалом. Например, 28 января 2009 года в одной из четырех крупнейших национальных газет, «Il Giornale», появилась статья, где была такая цитата: «Убийства, изнасилования, разбои, грабежи, кражи, вымогательства. Воровство наркотиков и похищения людей. Они совершают все самые ужасные преступления с жестокостью, которая раньше ассоциировалась у нас с албанцами. Золотая пальмовая ветвь преступности теперь переходит к румынам, которые чаще всего незаконно въезжают в нашу страну»¹⁵.

Через две с половиной недели после появления этого материала, 14 февраля 2009 года, в римском парке Каффарелла было совершено изнасилование 14-летней девушки. По описаниям, которые дала сама девушка и ее молодой человек, вскоре арестовали двух человек – иммигрантов из Румынии. Ведущие итальянские газеты стали выходить с заголовками, в которых национальность была главной характеристикой подозреваемых: «Изнасилование в парке Каффарелла, арестованы два румына» («Il Corriere della Serra», 17 фев-

¹⁴ Отчет Итальянского национального института статистики (ISTAT), 2011. URL: <http://www.stranieriinitalia.it/images/istat22set2011.pdf> (дата обращения: 20.08.2013).

¹⁵ *Rupar V. Getting the Facts Right. Reporting Ethnicity and Religion.* Brussels: IFJ, 2012. P. 25.

раля 2009 года), «Изнасилование в парке Каффарелла, в Примавалле¹⁶ поймали румына» («Il Giornale», 17 февраля 2009 года); в самих материалах подчеркивалось, что подозреваемые – «румыны, которых еще две недели назад опознали в районе Примавалле после другого изнасилования» («La Repubblica», 18 февраля 2009 года)¹⁷, а в одной статье арестованных даже называли «зверьями из Румынии»¹⁸. Во многих материалах вина подозреваемых практически не ставилась под сомнение и назывались полные имена подозреваемых. В газетах писали об их связях с цыганами и о предполагаемых прошлых преступлениях как в Румынии, так и в Италии. Источником информации для журналистов в подавляющем большинстве случаев была полиция. Через месяц после начала расследования тесты ДНК показали, что оба мужчины не причастны ни к этому, ни к другим изнасилованиям. Тогда газеты стали писать о возможном албанском «следе»¹⁹. В конце концов, виновными были признаны два совершенно других человека – правда, тоже румына по национальности²⁰.

Чрезмерное внимание СМИ к национальности подозреваемых вызвало критику в обществе. Даже лидер правой (иногда называемой постфашистской) партии «Национальный альянс» Д. Фини призвал сограждан к внимательности: «Насилие над женщинами – это бич общества, учитывая масштаб этого феномена... Но нужно быть внимательными и не придавать насилию “этническое звучание”»²¹. Исследования²² показывают, что материалы СМИ этого времени уделяли особенное внимание историям, в которых румыны и

¹⁶ Квартал Рима.

¹⁷ *Dumitru E. Romanians in the Italian Newspapers: Image, Reality and Media Impact // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2011. Vol. 3. № 2. P. 187.*

¹⁸ Rape inquiry sheds light on racism in Italy // Times of Malta, 16.03.2009. URL: <http://www.timesofmalta.com/articles/view/20090316/world/rape-inquiry-sheds-light-on-racism-in-italy.249065> (дата обращения: 20.08.2013).

¹⁹ *Hanretty C., Hermanin C. Nominalisation as Racialisation in the Italian Press // Bulletin of Italian Politics. 2010. Vol. 2. № 2. P. 76.*

²⁰ *Dumitru E. Op. cit. P. 188.*

²¹ Цит. по: *Hanretty C., Hermanin C. Op. cit. P. 91.*

²² *Dumitru E. Op. cit.; Rugar V. Op. cit. P. 25–26.*

цыгане из Румынии представляли в негативном ключе, а также в которых использовались негативные стереотипы о румынах, избирательно приводились данные не в их пользу и т. д.

С точки зрения журналистской этики, основную проблему в этой ситуации мы видим в том, что в материалах итальянских СМИ не была должным образом отражена практически ни одна из выделяемых нами семи базовых этических ценностей журналистики. Единственная ценность, которая частично все же получила отражение – это ценность свободы слова: журналисты давали в своих материалах ту информацию, которую считали нужным (без совсем уж вопиющих «перегибов»). Однако их понимание свободы слова, вероятно, все же отличалось от того, которое мы выработали в этой диссертации, о чем речь пойдет ниже. Что касается остальных шести ценностей – социальной ответственности, непричинения вреда, правды, беспристрастности, справедливости и честности – то первые пять из них отражены не были, а оценить отражение последней в журналистских материалах сложно, так как она, как мы отмечали в §1.2, в основном касается не подачи информации, а поведения журналиста при ее сборе (не нарушать обещаний, по возможности представляться журналистом и т. д.). Поэтому мы не будем рассматривать ее в этом анализе, а разберем оставшиеся пять ценностей.

Мы считаем, что ценность социальной ответственности не была отражена в материалах итальянских СМИ, по следующей причине. Эксплуатируя и усиливая стереотипное представление о румынах как о преступниках и выпячивая национальность подозреваемых еще до окончания следствия, СМИ порождали недоверие итальянцев к представителям самого большого сообщества иммигрантов в стране. Тем самым они вредили межэтническим отношениям, а это, в свою очередь, усиливало напряженность в обществе в целом.

Ценность правды, понимаемой как «вся правда», на наш взгляд, также отражена не была. Хотя СМИ, вероятно, правдиво передавали сообщения полиции и следственных органов, они не пытались перепроверить информацию по другим источникам и часто давали искаженную картину – то есть не стре-

мились ко всей полноте правды. Кроме того, они транслировали и откровенно неправдивую информацию: как выяснилось позже, подозреваемые не совершали преступлений в Румынии до того, как переехали в Италию.

Ценность непричинения вреда, по нашему мнению, была отражена только там, где речь шла о жертве изнасилования: ее имя, как того и требуют положения большинства этических кодексов, не называлось. Однако в тех случаях, когда речь шла о подозреваемых, ценность непричинения вреда в основной массе материалов отражена не была. Во-первых, развернув своего рода информационную кампанию против румын, СМИ поставили под угрозу безопасность всех живущих в Италии румынских иммигрантов, которые могли стать жертвой агрессии со стороны неонацистов (многие из них, действительно, стали²³). Во-вторых, большинство СМИ еще до окончания следствия говорили о подозреваемых как о преступниках (будто бы их вина уже доказана), называя при этом их полные имена – и вкуче это могло негативно сказаться на их судьбе в случае, если бы они были признаны невиновными (что, опять же, и произошло в описываемом случае: например, один из мужчин после выхода на свободу не смог устроиться на работу в ресторан, потому что несколько сотрудниц ресторана отказались работать вместе с человеком, которого когда-то подозревали в изнасиловании). Так как мы рассматриваем здесь освещение межэтнических и межконфессиональных отношений, то для нас важно поведение СМИ именно в отношении подозреваемых. Поэтому в данном случае корректно будет сказать, что ценность непричинения вреда отражена не была.

Ценность беспристрастности также практически не получила отражения в общей массе материалов. Беспристрастным в описываемой ситуации было бы не называть национальность подозреваемых, пытаться провести собственное расследование и в целом сбалансировано отражать ситуацию с ру-

²³ An excuse for a new wave of racism // Everyonegroup.com, 02.03.2009. URL: http://www.everyonegroup.com/everyone/mainpage/Entries/2009/3/2_A_case_of_rape_in_Rome_is_exploited_by_politicians_and_racist_patrols.html (дата обращения: 20.08.2013).

мынскими иммигрантами в Италии (отмечая связанные с ними как негативные, так и позитивные факты), чего на деле не наблюдалось.

Наконец, не была учтена и ценность справедливости: в течение месяца, с момента задержания первых подозреваемых и до получения доказательства их невиновности, СМИ вслед за полицией несправедливо обвиняли их в преступлении.

Как мы отмечали выше, в итальянских этических кодексах в положениях, касающихся межэтнических и межконфессиональных отношений, отражены только три из выделяемых нами семи ценностей: социальная ответственность, правда и непричинение вреда. Из нашего анализа следует, что ни одна из них не играла значительной роли в работе большинства итальянских журналистов, освещавших изнасилование в парке Каффарелла. Также не играли роли и ценности справедливости и беспристрастности. Единственная ценность, которая в некоторой степени получила отражение в общей массе материалов итальянских СМИ, – это ценность свободы слова.

Тот факт, что почти через год после принятия «Римской хартии» практически полностью повторилась ситуация, предшествовавшая ее принятию (так же, как и после убийства в Северной Ломбардии, СМИ в течение долгого времени обвиняли в преступлении невиновных, делая акцент на их национальности), свидетельствует о, по крайней мере, временной неэффективности этого кодекса. Мы видим следующие возможные причины игнорирования итальянскими журналистами положений «Хартии»: а) итальянские журналисты в принципе не заботятся о том, чтобы быть этичными; б) итальянские журналисты превыше всего ставят свободу слова, а остальные этические ценности считают подчиненными ей: подразумевается, что «невидимая рука» «свободного рынка идей» рано или поздно расставит все по своим местам, а грубо вторгаться ее деятельность неэтично; в) итальянские журналисты понимают содержание, по крайней мере, трех этических ценностей, отраженных в «Римской хартии» (правды, социальной ответственности и непричинения вреда) иначе, чем авторы кодекса и многие теоретики журналистики; как

мы отмечали выше, расхождения в понимании могут быть и в отношении ценности свободы слова.

Первая возможная причина кажется нам маловероятной: забота об этике нужна хотя бы для того, чтобы не потерять доверие читателей, поэтому в наши дни сложно представить себе разумного профессионала, который сознательно полностью отказался бы от этики в угоду своим прихотям. Вторая возможная причина более правдоподобна: ряд журналистов, действительно, могут придерживаться этого мнения; однако, разбор предпосылок и последствий такого мировоззрения – тема для другого исследования. Наконец, третья возможная причина отсылает нас к §1.2 этой диссертации и открывает перспективу увидеть в ней суть одной из проблем этического регулирования журналистской деятельности.

Рассмотрим возможные расхождения в понимании журналистских этических ценностей между итальянскими журналистами и исследователями, занимающимися этикой СМИ.

Линия поведения большинства итальянских СМИ в описанной выше ситуации позволяет предположить, что журналисты этих СМИ понимают свободу слова в основном негативно, то есть как «свободу от» внешних ограничений. Однако, как мы писали, такое понимание в современном мире больше не отвечает информационным вызовам, так как не учитывает интенсификацию социальных и технологических изменений, усложнившуюся систему общественных связей и усиление влияния, которое любой человек может оказать на общественные процессы. В то же время, понимание свободы слова исключительно как свободы позитивной – то есть «свободы для» (в данном случае для блага общества) – слишком сильно приближает ее содержание к содержанию ценности социальной ответственности. Наиболее адекватное, на наш взгляд, понимание свободы слова представляет собой то понимание, которое лежит «посередине» между «свободой от» и «свободой для». Это свобода говорить почти все, но с минимальными разумными ограничениями: информация должна быть проверена по нескольким источниками, журналист

не должен намеренно оскорблять людей, разжигать ненависть между людьми и т. п. Судя по тому, что ни одно из названных ограничений не было применено в ситуации с освещением изнасилования в парке Каффарелла, итальянские журналисты, вероятно, понимали содержание ценности свободы слова иначе – как радикальную «свободу от».

Большие противоречия видятся в понимании ценности правды. Как мы писали в §1.2, правда в журналистике традиционно означает больше, чем просто правдивость. Развившись из представлений XVII–XVIII веков о том, что журналист должен сообщать читателям «истину», современная концепция правды подразумевает, что обязанность журналиста – давать максимально полный отчет о событии, то есть сообщать по возможности «всю правду». Итальянские журналисты в рассмотренном случае продемонстрировали отсутствие такого понимания этой ценности. Во-первых, они публиковали непроверенные сведения, оказавшиеся в итоге ложными (например, о том, что подозреваемые имели проблемы с законом, еще живя в Румынии). Во-вторых, они не показывали аудитории полную картину, так как не давали слова представителям сообщества румынских иммигрантов в Италии, не обращали никакого внимания на их позитивный вклад в итальянскую жизнь и в целом демонизировали приезжих из Румынии. Вероятно, они понимали правду как правдивый пересказ того, что они услышали; такое понимание, однако, также не отвечает вызовам времени, что продемонстрировала еще эпоха «маккартизма» в США.

Содержание ценности социальной ответственности итальянские журналисты в данном случае, вероятно, видели в необходимости как можно скорее рассказать людям об опасности иммиграции. Однако история журналистики и исследования теоретиков СМИ подводят нас к другому пониманию: СМИ должны давать «представительную картину групп, составляющих общест-

во»²⁴, так как именно это способствует налаживанию общественного диалога, и, как следствие, урегулированию конфликтов в обществе.

Что касается ценности непричинения вреда, то итальянские журналисты имели ее в виду, когда принимали решение не обнародовать имя жертвы изнасилования, но проигнорировали, когда фактически приравнивали подозреваемых к преступникам, называя при этом их полные имена. Между тем, ценность непричинения вреда, разумеется, универсальна: она имеет смысл для общественного благоденствия только в том случае, если журналист принимает как данность, что все люди равны в своем достоинстве и правах (как это записано во Всеобщей декларации прав человека ООН²⁵).

На наш взгляд, основная проблема регулирования журналистской деятельности в описанной ситуации заключается в том, что часть итальянских журналистов понимает содержание, по крайней мере, трех из семи выделяемых нами журналистских ценностей – правды, социальной ответственности и непричинения вреда²⁶ – иначе, чем авторы журналистских этических кодексов (в том числе, кодекса «Римская хартия») и большинство теоретиков журналистики. Именно это может являться причиной того, что принятие кодекса «Римская хартия», который призван регулировать освещение межэтнических и межконфессиональных отношений и в котором отражены эти три ценности, а также наличие в основном журналистском этическом кодексе Италии антидискриминационных положений не возымели эффекта. На это можно возразить, что ценности в кодексах не транслируются напрямую, а только подразумеваются: в положениях даются конкретные рекомендации – использовать

²⁴ A Free and Responsible Press. A General Report on Mass Communication: Newspapers, Radio, Motion Pictures, Magazines, and Books. Chicago: The University of Chicago Press, 1947. P. 26.

²⁵ Всеобщая декларация прав человека. Статья 1. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.08.2013).

²⁶ Так как в кодексе «Римская хартия» и в антидискриминационных положениях кодекса «Хартия обязанностей журналистов» отражены только три из выделяемых нами семи основных этических ценностей журналистики, мы учитывали в наших выводах только их.

корректную терминологию, заботиться о безопасности героев, избегать поверхностного освещения событий и т. д. Однако в отсутствие корректного понимания ценностей, которые стоят за этими рекомендациями, сложно уяснить, зачем эти рекомендации выполнять. Вероятно, этическая кодификация могла бы быть более эффективной в сочетании с мероприятиями, направленными на повышение общего уровня этического образования журналистов.

§2.3 Германия

Германия отличается от Великобритании и Италии особым отношением к национальным меньшинствам и тому, как следует освещать связанные с ними вопросы. Ответственность за преступления Третьего рейха сделала страну крайне чувствительной к проявлениям национализма: несмотря на то, что в Германии немало правых и крайне правых организаций, в противовес им проводится огромное количество кампаний по развитию толерантности. И хотя к освещению межэтнических и межконфессиональных отношений в немецких СМИ в целом есть вопросы, так называемая качественная пресса и центральные телеканалы практически никогда не позволяют себе в этом отношении некорректного поведения. Возможно, именно с этим связано то, что в Германии не существует специального этического кодекса, который регулировал бы освещение таких тем. В то же время, так как в определенной части общества очень сильны антирасистские настроения, в стране не прекращаются дискуссии: как сделать освещение вопросов, связанных с иммиграцией, более этичным?

Несмотря на общую корректность крупнейших немецких СМИ, нельзя сказать, что немецкое общество свободно от неприязни к иностранцам. В связи со значительным и стабильным притоком в страну иммигрантов сегодня все чаще звучат разговоры о проблемах, которые таит в себе либеральная иммиграционная политика, и как никогда велико количество немцев, которые хотели бы эту иммиграцию остановить. Вышедшая в 2010 году книга Т. Саррацина «Германия самоликвидируется, или как мы ставим нашу страну на карту»¹, где он подробно обосновал слабость нынешней иммиграционной политики, разделила Германию на два лагеря: тех, кто поддерживает Саррацина, и тех, кто считает его идеи неприемлемыми в современном обществе. В связи с тем, что аргументы Саррацина в основном базируются на математи-

¹ *Sarrazin Th.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

ческих расчетах и просто фактах, вопрос об этичности освещения этих проблем в СМИ приобретает новое измерение: насколько этична преувеличенная политкорректность и замалчивание проблем иммиграции в условиях, когда нагрузка социальных выплат на государство, в том числе за счет иммигрантов, все увеличивается, а количество работающего населения сокращается?

В этом параграфе мы кратко рассмотрим историю иммиграции и межэтнических/межконфессиональных отношений в Германии, ситуацию с освещением этих отношений в СМИ, а также проанализируем случай: попытку создания специального языкового руководства, которое предписывало бы журналистам, какие термины необходимо употреблять при освещении таких тем.

До 1950-х годов Германия, как и Италия, была в большей степени страной эмиграции, чем иммиграции. Из 45 млн. иммигрантов в США между 1820 и 1960 годами около 7 млн. (каждый 6-й) были выходцами из Германии². Однако в связи с быстрой индустриализацией в конце XIX – начале XX века Германской империи требовались рабочие руки, поэтому в страну все же иммигрировали люди из Польши, Италии, Австрии и т. д. После Первой мировой войны эмиграции способствовало тяжелое экономическое положение, после прихода к власти А. Гитлера в 1933 году – недовольство многих его жесткой политикой и начавшиеся преследования по национальному признаку. В 1938 году произошел крупный еврейский погром, называемый «Хрустальной ночью»: в течение одной ночи немцы выбили стекла большого количества принадлежавших евреям магазинов и зданий, а также синагог. Это положило начало масштабному экономическому и политическому преследованию евреев в нацистской Германии, в годы Второй мировой войны продолжившемуся их массовым уничтожением.

² *Martin P.L. Germany: Reluctant Land of Immigration // Controlling Immigration: A Global Perspective / Ed. by W.A. Cornelius, P.L. Martin, J.F. Hollifield. Stanford: Stanford University Press, 1994. P. 196–197.*

После поражения Германии в войне и возвращения захваченных земель территория страны была поделена на зоны оккупации, на основе которых позже образовались два государства: ГДР и ФРГ. Из-за закрытости границ иммиграция в ГДР была незначительной, а ФРГ, напротив, постепенно стала превращаться в страну иммиграции. С 1945 по 1950 годы туда вернулись около 8 млн. беженцев, и началась сильная безработица. Затем благодаря плану Маршалла, денежной реформе, экономике социального рынка и другим преобразованиям началось «экономическое чудо», безработица резко упала и потребовалась новая рабочая сила. ФРГ стала подписывать договоры о найме рабочих с разными странами: в 1955 году – с Италией, в 1960 году – с Грецией и Испанией, в 1961-м – с Турцией, в 1964-м – с Португалией, в 1965-м – с Тунисом и Марокко и в 1968-м – с Югославией. В 1955 году в страну приехали 80 000 иностранных рабочих, в 1960-м – 280 000³. Больше всего рабочих приезжало из Турции.

В начале 1960-х в Германии не было серьезной дискуссии о том, приглашать ли сотрудников из-за рубежа. Всем казалось очевидным, что это необходимо: рабочих рук не хватало, а Европа в любом случае взяла курс на объединение. Власти полагали, что люди будут работать в течение года по контракту, а по окончании контракта возвращаться в свою родную страну. Однако вскоре стало ясно, что это никому не выгодно: рабочие не успевали заработать за год столько денег, сколько хотели, так как изначально не учитывали дороговизну немецкой жизни, а работодателям невыгодно было нанимать и обучать новых рабочих, когда предыдущие уже научились всему в течение года. Поэтому правительство стало упрощать правила въезда для рабочих-мигрантов: например, им разрешили привозить семьи. Из-за того, что члены их семей чаще всего не могли найти работу в Германии, однако продолжали приезжать в страну, количество неработающих иммигрантов стало стреми-

³ *Martin P.L. Op. cit. P. 198.*

тельно возрастать. В 1990 году в ФРГ из 5,2 млн. иммигрантов работающими были только 1,8 млн.⁴

Увеличение количества иностранцев стало заметно к началу 1970-х, когда в немецких школах стало учиться значительное количество иностранных детей. Тогда же в обществе начала постепенно нарастать ксенофобия. Учитывая эти тенденции, в 1973 году правительство ввело тройную пошлину для тех работодателей, которые хотели нанимать на работу иностранцев, а после нефтяного кризиса и вовсе объявило эмбарго на найм иностранной рабочей силы, объясняя это ожиданиями роста безработицы в результате кризиса. Однако выдворять уже приехавших иностранцев из страны не решились под давлением церкви и благотворительных организаций, которые настаивали на моральных обязательствах Германии перед рабочими в связи с тем, что те приехали не сами, а по приглашению.

Эмбарго на найм иностранцев не остановило иммиграцию: иммигранты, опасаясь, что, если они уедут, то вернуться им уже не удастся, стали еще активнее приглашать в Германию членов своих семей. В результате количество иностранцев только выросло. К началу 1980-х годов, когда начался второй нефтяной кризис, в стране было 2 млн. безработных немцев и 2 млн. работающих гастарбайтеров, что давало почву для популизма консервативных политиков⁵. Тем не менее, в 1990 году было либерализовано миграционное законодательство в отношении наемных рабочих – в первую очередь, под давлением аргументов о моральных обязательствах перед ними.

В то же время, миграционное законодательство в отношении беженцев, наоборот, становилось жестче: изначально оно было настолько либеральным, что в качестве беженца в страну мог приехать практически любой человек. Дело в том, что в статье 16 Основного закона ФРГ, принятого в 1949 году, говорится: все, кого преследуют по политическим мотивам, могут получить

⁴ Ibid. P. 201.

⁵ Joppke C. *Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain*. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 78.

убежище в Германии. Авторы этого закона в 1930-х – 1940-х годах сами искали политического убежища в других странах и после войны видели своим долгом обеспечить защиту беженцам из других стран. Но в конце 1992 года немецким властям пришлось внести в эту статью серьезные ограничивающие поправки, так как стало понятно, что страна не может ассимилировать такое количество беженцев. Особенно сложная ситуация сложилась в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда в одно и то же время произошел наплыв беженцев из бывшей Югославии, где шла война, этнических немцев из Восточной Европы и СССР (затем бывшего СССР) и немцев из ГДР. В результате с 1989 по 1992 годы Германия приняла огромное количество иммигрантов: 3 млн. человек⁶.

После объединения Германии в 1990 году часть беженцев стали направлять в Восточную Германию, что на фоне неблагоприятной социальной и психологической обстановки в так называемых новых федеральных землях спровоцировало резкий рост ксенофобии. В 1991 году в городе Хойерсверда в течение нескольких дней проходили демонстрации неонацистов, из-за которых пришлось эвакуировать общежитие беженцев; в 1992 году в городе Росток толпа закидала коктейлями Молотова здание, в котором жили беженцы. Антииммиграционные беспорядки были и в Западной Германии: в 1992 году в городе Мельн недалеко от Гамбурга правые экстремисты подожгли два дома турецких семей, в результате чего погибли три человека; в 1993 году был подожжен дом турецкой семьи в городе Золинген недалеко от Кельна, тогда погибло пять человек и многие получили серьезные ожоги.

Сегодня вопрос об иммиграции по-прежнему стоит остро. Страна находится на третьем месте в мире после США и России по общему количеству иммигрантов – 10,7 млн. человек⁷; иммигранты, таким образом, составляют около 13% населения Германии. В последние годы дискуссия об иммиграции

⁶ Ibid. P. 91.

⁷ Данные Федерального статистического ведомства Германии (Statistisches Bundesamt). URL: <http://tinyurl.com/o4zc455> (дата обращения: 06.09.2013).

и мультикультурном обществе только интенсифицировалась: в частности, вышеупомянутая книга Т. Сарацина вызвала шквал самых разных откликов, а через несколько месяцев после ее публикации, в октябре 2010 года, немецкий канцлер А. Меркель неожиданно объявила, что считает многолетние попытки построить в Германии мультикультурное общество полностью провалившимися.

Как отмечает Г. Рурманн, в Германии, в отличие от Великобритании, вплоть до середины 1980-х годов не проводилось никаких исследований на тему того, какими предстают иностранцы в немецких СМИ⁸. Понимание необходимости таких исследований увеличивалось по мере усугубления проблем иммиграции. В 1987 году, исследовав содержание местной прессы в городе Билефельд, социологи пришли к выводу, что газеты конструируют ксенофобские «теории», представляя иммигрантов в основном как преступников, угрозу для национальных ресурсов и в целом как проблему⁹. Проанализировав целый ряд исследований 1990-х годов, Рурманн выделяет несколько черт, характерных для материалов немецких СМИ о проблемах иммиграции: иностранные рабочие ассоциируются с преступностью; материалы о «нежелательных» национальных группах (в основном турках и выходцах из Азии и Африки) занимают в СМИ в процентном отношении больше места, чем сами эти группы занимают в социуме; так же непропорционально представлено общественное мнение об этих «нежелательных» группах; материалы об иммигрантах связаны в основном с негативными новостями; материалам об иммигрантах недостает контекста; и др¹⁰. Й. Треббе и Т. Келер также пишут том, что немецкие СМИ конца 1990-х годов говорили о мигрантах в основном в связи с негативными новостями и часто использовали стереотипы, однако отмечают, что так называемая качественная пресса – газеты «Die Zeit» и

⁸ *Ruhrmann G.* The Stranger. Minorities and Their Treatment in German Media // *The Mission. Journalism, Ethics and the World* / Ed. by J.B. Atkins. Ames: Iowa State University Press, 2002. P. 79.

⁹ *Van Dijk T.A.* Racism and the Press. London and New York: Routledge, 1991. P. 19.

¹⁰ *Ruhrmann G.* Op. cit. P. 79–83.

«Tageszeitung», журнал «Der Spiegel», а также некоторые теле- и радиоканалы – сознательно старались избегать воспроизведения «сценариев угрозы» (threat scenarios) и стремились максимально этично освещать темы иммиграции¹¹. Кроме того, немецкие СМИ уделяли совсем не много внимания правым партиям и политикам и выступили в своей массе с решительным осуждением анти-иммигрантских беспорядков в немецких городах, особенно после событий в Мельне и Золингене, стараясь очертить контекст происходящего. Исследователи отмечают, что качественная пресса ФРГ с самого начала не позволяла себе воспроизводить, в том числе, и никаких антисемитских высказываний и со временем научилась использовать чувствительный язык для разговоров на эти темы. (В целом, по словам Треббе и Келера, антисемитизм в немецком обществе до такой степени маргинализирован, что выражения откровенно антисемитской позиции можно найти сегодня только в праворадикальной прессе.) Этого, однако, нельзя сказать об анти-исламских настроениях: в немецкой прессе именно ислам в 1990-е годы более всего ассоциировался с негативными событиями, в частности, с терроризмом¹². Ряд исследований показывают, что в 2000-х годах тенденция к негативному изображению мигрантов в целом ослабилась и они стали чаще появляться в СМИ в позитивном свете – однако это, опять же, не относится к мусульманам¹³. К. Вагнер в докладе «Дискриминация мусульман в немецких СМИ» выделяет следующие модели стереотипизации ислама в немецких СМИ: представление однобокой картины как полной (затемнение), приписывание

¹¹ *Trebbe J., Köhler T.* Germany (DE) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995-2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002. P. 128.

¹² *Ibid.* P. 130, 132, 137.

¹³ *Geißler R.* Mediale Integration von ethnischen Minderheiten. Der Beitrag der Massenmedien zur interkulturellen Integration // WiSo Diskurs. Zur Rolle der Medien in der Einwanderungsgesellschaft. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2010. S. 11–12.

мусульманам тех или иных качеств и т. д. Создаваемые клише, по его мнению, выливаются в дискриминацию мусульман в реальной жизни¹⁴.

Для этического регулирования журналистской деятельности в Германии существует очень подробный этический Кодекс прессы, который мы рассматривали в §1.1, а также еще один механизм этического саморегулирования СМИ – Немецкий совет по прессе, в функции которого входит рассмотрение жалоб от населения на сообщения газет, журналов и телевизионных проектов печатных издательств. Несмотря на не идеальную ситуацию с освещением в немецких СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений, Совет по прессе, по словам его представительницы Э. Вассинк, получает относительно мало жалоб на эти темы¹⁵. Справляться же с теми жалобами, которые поступают, пока что помогает параграф 12 общенемецкого Кодекса прессы. Этот кодекс считается надежной и работающей основой для этического саморегулирования СМИ, поэтому идеи о том, чтобы значительно расширить какое-то из его положений или создать отдельный кодекс по одной из проблем (по примеру «Руководства по освещению расовых вопросов» в Великобритании или «Римской хартии» в Италии), пока не рассматриваются. На вопрос о том, не планирует ли Немецкий совет по прессе расширить параграф 12 или принять новые отдельные правила, касающиеся правого экстремизма, Э. Вассинк ответила: все зависит от того, как будут развиваться события, – если кто-то обратится к ним с таким предложением или они сами почувствуют, что положения надо менять, они обсудят это на пленуме¹⁶.

Параграф 12 Немецкого кодекса прессы звучит следующим образом: «Никто не может быть дискриминирован из-за своего пола, гражданства, бо-

¹⁴ *Wagner C.* Diskriminierende Darstellungen von MuslimInnen in deutschen Medien // *Rassismus & Diskriminierung in Deutschland. Dossier.* Berlin: Heinrich Böll Stiftung, 2010. P. 18–19, 22.

¹⁵ «Solche Beschwerden kommen eher selten vor». Interview von Ella Wassink, Mitarbeiterin der Geschäftsstelle des Deutschen Presserates // URL: <http://www.info-rechtsextremismus.de/index.php/faqs/presserat/interview-pressekodex/> (дата обращения: 06.09.2013).

¹⁶ Ibid.

лезни или принадлежности к этнической, религиозной, социальной группе». Подпункт 12.1 касается того, как следует освещать преступления: «Рассказывая о преступлениях, следует лишь тогда упоминать принадлежность преступника или подозреваемого к той или иной религиозной или этнической группе или к меньшинству, когда это необходимо для понимания случившегося. При этом необходимо помнить, что такое упоминание может способствовать распространению предрассудков против соответствующего меньшинства»¹⁷. Со времени принятия кодекса в 1973 году в него неоднократно вносились изменения. В 1990 году был скорректирован и параграф 12: слово «расовый» («из-за... принадлежности к расовой группе») было заменено в нем на слово «этнический», так как термин «расовый» был признан устаревшим. С нашей точки зрения, в параграфе 12 Немецкого кодекса прессы отражены две из выделяемых нами семи базовых этических ценностей журналистики: *социальная ответственность* и *непричинение вреда*.

Хотя в Немецкий совет по прессе мало кто обращается с жалобами на освещение средствами массовой информации межэтнических и межконфессиональных отношений, как мы показали выше, существует устойчивое мнение, что дискриминация по этническому и религиозному принципу в немецких СМИ все-таки происходит. В связи с этим с начала 2000-х годов в Германии появился ряд инициатив, которые, по замыслу их авторов, были призваны сделать освещение проблем иммиграции более этичным.

Одна из таких инициатив – это проект «Журналисты против расизма», который был запущен в 2005 году Немецким союзом журналистов совместно с Дуисбургским институтом исследования языка и общества (Duisburger Institut für Sprach- und Sozialforschung, ДИИЯО). Заявленная цель проекта – с помощью лингвистов разработать популярное языковое руководство (eine Sprachfibel) для журналистов, которым они руководствовались бы при создании материалов на темы иммиграции. Руководство задумывалось как посто-

¹⁷ Этический кодекс Немецкого совета по прессе. URL: http://www.presserat.info/uploads/media/Pressekodex_2013_01.pdf (дата обращения: 06.09.2013).

янно пополняемое собрание терминов/слов, рекомендованных журналистам для использования взамен других терминов, которые авторы инициативы сочли дискриминационными¹⁸. Необходимость создания такого руководства обосновывалась тем, что в современном немецком языке осталось много слов, имевших специфические коннотации в нацистской Германии, и журналисты должны понимать это и «очищать» от них язык¹⁹. Предполагалось, что руководство будет не столько этическим кодексом, сколько средством помощи, призванным подсказать журналистам, какую использовать лексику, чтобы их материалы не ущемляли этнические интересы и чувства. Если бы эта инициатива не встретила заметного противодействия в журналистском и академическом сообществе, можно было бы сказать, что это шаг на пути к отдельному этическому кодексу: в Италии похожий «словарь» был приложен к «Римской хартии» – документу, принятому в 2008 году Итальянским союзом журналистов для повышения этических стандартов в освещении проблем иммиграции.

Ниже мы рассмотрим аргументы сторонников и противников создания языкового руководства. Для нас важно понять, какие ценности были в них отражены, и увидеть взаимодействие между этими ценностями. Это поможет нам посмотреть на проблемы этического регулирования журналистской деятельности под новым углом зрения, так как речь пойдет о сложностях, которые возникают не после принятия того или иного специального этического кодекса (как мы пытались сделать в двух предыдущих параграфах), а на стадии обсуждения его принятия.

Для начала приведем два примера, предлагавшиеся авторами инициативы в качестве основы для будущего языкового руководства. Один из них – слово «Gutmensch» (в буквальном переводе – «хороший человек»). Сейчас так

¹⁸ Memorandum zur Initiative «Journalisten gegen Rassismus» // URL: <http://www.allmystery.de/dateien/pr29884,1187554023,Memorandum27.03.06.pdf> (дата обращения: 06.09.2013).

¹⁹ DJV gibt Startschuss für Sprachfibel gegen Rassismus. Pressemitteilung vom 17.03.2006. URL: <http://tinyurl.com/kpnndks> (дата обращения: 06.09.2013).

снисходительно и часто цинично называют тех, к кому можно применить российское выражение «хотел как лучше, а получилось как всегда». Иными словами, так называют политиков и общественных деятелей, которые на словах выступают в защиту хороших целей, но на практике делают вещи, которые только усугубляют ситуацию. В частности, это слово часто применяют к политикам левого толка, которые выступают против ограничения иммиграции и за мультикультурное общество. Авторы руководства призывают глубже посмотреть на этимологию слов: по их данным, словом «Gutmensch» во времена Третьего рейха называли тех, кто боролся против уничтожения национал-социалистами «жизней, недостойных жизни» – физически и психически нездоровых людей. Кроме того, это слово имеет идишские корни, и тем самым отсылает еще и к еврейской теме в Германии. А Гитлер использовал приставку «gut-» в презрительном смысле, чтобы обозначить врагов германского народа. Таким образом, это слово имеет нацистский подтекст, и, по мнению авторов, его не следует использовать в современном обществе.

Другой пример из руководства – слово «раса». Авторы отмечают, что оно исчезло из немецкого общественного дискурса еще в середине 1980-х годов. Однако идеологическая и смысловая нагрузка термина далеко не всегда исчезает с ним вместе, а часто переносится на другие слова, которые со временем тоже обрастают негативными коннотациями. Например, так произошло с заменой термина «Asylant» («человек, ищущий политическое убежище»), которое когда-то было признано неполиткорректным, на слово «Asylbewerber» («человек, подавший заявление на получение политического убежища»). Так как содержание термина и отношение к нему людей не изменилось, со временем термин «Asylbewerber» приобрел точно такую же негативную коннотацию, как и «Asylant». Из этого один из авторов «букваря» и руководитель ДИИЯО З. Йегер делает вывод, что замена, например, термина «раса» на какой-то другой термин не поможет: иногда ради борьбы с расизмом следует не менять слова, а деконструировать сами понятия, изменяя их содержание и смыслы.

Предложение создать подобное языковое руководство для журналистов вызвало шквал критики. Многие не преминули воспользоваться аналогией с произведением Джорджа Оруэлла «1984» и не поленились процитировать в своих статьях целые отрывки оттуда, касающиеся новояза. Основным обвинением в адрес авторов инициативы было обвинение в попытках насадить диктатуру, а одной из основных ценностей, отраженных в комментариях оппонентов, стала ценность *свободы слова*.

«Мы гордимся тем, что живем в свободном обществе (...), – сказала в интервью на эту тему социолог У. Шойх. – Но свобода означает, что понимание того, что “хорошо” и “правильно”, не известно с самого начала, а является результатом общественного обсуждения, конкуренции мнений и точек зрения. Предложение “очистить” язык – а имеется в виду при этом, прежде всего, “очистить мышление” – предполагает, что то, что должно быть предметом общественного согласия, – не результат дискуссий, а эдикт вышестоящей “моральной” инстанции. Это – классический пример диктатуры воспитания!»²⁰ Далее она добавляет, что, по крайней мере, существует опасность добровольно отказаться от права на основополагающие свободы. Старший корреспондент газеты «Die Welt» К. Адам высказался по поводу инициативы так: «Старый боевой клич всех диктаторов: “Бдительность!” Новость здесь только в том, что врага предлагают искать внутри себя»²¹. Бывший заместитель главного редактора газеты «Die Welt» Г. Фациус, утрируя, назвал планы по созданию руководства «газовой камерой для письменности»²². Консервативная газета «Die Junge Freiheit» прокомментировала инициативу следующим образом: «ДИИЯО (...) навязал свои услуги советника Немецкому союзу журналистов с тем, чтобы разработать “Языковое руководство”, которое

²⁰ Weg in die Erziehungsdiktatur // Junge Freiheit, 31.03.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/archiv06/200614033108.htm> (дата обращения: 06.09.2013).

²¹ Angriff auf die Sprache // Junge Freiheit, 31.03.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/archiv06/200614033124.htm> (дата обращения: 06.09.2013).

²² «Die Blauäugigkeit des DJV macht mich sprachlos» // Junge Freiheit, 31.03.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/archiv06/200614033109.htm> (дата обращения: 06.09.2013).

фактически должно служить средством самоцензуры журналистов»²³. На наш взгляд, во всех этих комментариях ярко отражена ценность свободы слова.

Другая ценность, которая четко просматривается в комментариях противников инициативы, – это ценность *правды* (понимаемой как вся полнота правды). «Если верно то, что (...) в языковом руководстве рекомендуется не использовать слова “Gutmensch” и “Asylbewerber”, то вместе с этими словами потеряется и кусочек действительности и приличия. Я больше не смогу охарактеризовать инициативу создания такого руководства как “Gutmensch”-инициативу и буду вынужден вычеркнуть из своего сознания людей, подавших заявление на получение политического убежища, хотя в реальности они существуют», – сказал бывший главный редактор газеты «Die Welt» Х. Кремп²⁴. Попыткой способствовать искажению действительности сочла инициативу и У. Шойх: «Конечно, в Немецком союзе журналистов никто не скажет про себя, что он сторонник методов Большого Брата. Поэтому языковое руководство они представляют просто как “рекомендацию”. Однако следует отбить даже самую попытку манипулирования действительностью с помощью “рекомендованных” приукрашиваний, переосмыслений и замалчиваний проблем», – говорит она в интервью²⁵.

Наконец, еще одна ценность, отражение которой можно увидеть в комментариях противников принятия рекомендаций, – ценность *беспристрастности*. Г. Фациус раскритиковал авторов руководства за то, что они пытаются создать документ, стоя на конкретной идеологической позиции: «Очевидно, языковое руководство призвано внести вклад в так называемую борьбу против правых. При этом “правые” и “крайне правые” не различаются. Неудивительно, что “верной” позицией авторы руководства считают левую»²⁶. Подразумевается, что и журналист, согласившись следовать этому руково-

²³ Sprachzensur // Junge Freiheit, 07.04.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/online-archiv/file.asp?Folder=06&File=200615040702.htm> (дата обращения: 06.09.2013).

²⁴ Angriff auf die Sprache.

²⁵ Weg in die Erziehungsdiktatur.

²⁶ «Die Blauäugigkeit des DJV macht mich sprachlos».

дству, автоматически займет левую позицию и тем самым поставит под угрозу свою беспристрастность. В том же интервью Фациус сказал о том, что создание языковых рекомендаций может негативно сказаться на независимости редакторов малых и средних изданий, которые больше подвержены влияниям извне, чем крупные национальные СМИ²⁷. Урезанная независимость, опять же, уменьшит возможности создавать беспристрастные материалы.

Что касается аргументов самих авторов инициативы «Журналисты против расизма» и их сторонников, чаще всего в них прослеживалась ценность *социальной ответственности*. Например, председатель Немецкого союза журналистов М. Конкен сказал об освещении межэтнических и межконфессиональных вопросов следующее: «Журналисты несут особую ответственность перед своими читателями, слушателями и зрителями, которые не должны терпеть невежество или необдуманность, особенно в таких чувствительных темах»²⁸. В другом месте он также апеллировал к ответственности: «Мы, журналисты, несем особую ответственность, так как слово представляет собой образец, оно влияет на людей, изменяет их с помощью языка»²⁹.

В некоторых комментариях были отражены как ценность социальной ответственности, так и ценность *непричинения вреда*. Так, М. Йегер из ДИИЯО говорила о том, что Германию сравнивают с островом, который захлестывает волна иммигрантов, и что такой символизм может способствовать дискриминации (здесь отражена ценность непричинения вреда, так как речь идет о вреде для конкретных людей) и распространению в обществе скрытого ощущения опасности³⁰ (здесь мы видим ценность социальной ответственности, так как речь идет о негативных последствиях для общества в целом).

²⁷ Ibid.

²⁸ DJV-Bundesverband unterstützt 'Journalisten gegen Rassismus'. Pressemitteilung vom 20.06.2005. URL: <http://tinyurl.com/l93cszt> (дата обращения: 06.09.2013).

²⁹ DJV gibt Startschuss für Sprachfibel gegen Rassismus.

³⁰ Ibid.

Наконец, еще в одном комментарии автор инициативы апеллировал к ценности *правды*: «Мы хотим напомнить журналистам, как легко создать неверную картину, легкомысленно используя порочащие термины, необоснованно дистанцируясь от других культур и проявляя к ним недоверие», – сказал М. Конкен³¹.

Итак, мы видим, что противники создания языкового руководства для журналистов, пишущих на темы межэтнических и межнациональных отношений, апеллировали в основном к ценностям *свободы слова, беспристрастности и правды*, а авторы инициативы – к ценностям *социальной ответственности, непричинения вреда* и, опять же, *правды*. Таким образом, в дискуссионное поле оказываются вовлечены пять из семи выделяемых нами базовых этических ценностей журналистики. Еще две – ценности справедливости и честности – не играют роли в рассмотренной нами дискуссии. При этом из пяти обозначенных ценностей в параграфе 12 Немецкого кодекса прессы, касающемся освещения межэтнических и межнациональных отношений, отражены только две: социальная ответственность и непричинение вреда.

В описанной ситуации мы видим несколько важных деталей.

Первая: в публичной дискуссии о создании специального языкового руководства для журналистов, пишущих о межэтнических и межнациональных отношениях, получило отражение большее количество ценностей, чем отражено в параграфе национального журналистского этического кодекса, касающемся этого же вопроса. При этом к тем двум ценностям, которые отражены в параграфе 12, – социальной ответственности и непричинению вреда – апеллировали только сторонники создания языкового руководства. Но они же апеллировали и еще к одной ценности (правде), а их противники – к ней же и еще к двум. Это означает, что спектр проблем, связанных с освещением межэтнических и межнациональных отношений, шире, чем тот, который учитывается в параграфе 12 Немецкого кодекса прессы.

³¹ DJV-Bundesverband unterstützt 'Journalisten gegen Rassismus'.

Вторая важная деталь заключается в том, что две из пяти названных ценностей, отраженных в дискуссии о создании языкового руководства для журналистов, противостоят другим двум: в аргументах сторонников языковых правил отражены ценности социальной ответственности и непричинения вреда, а в аргументах противников этих правил – ценности свободы слова и беспристрастности. Поэтому, даже если бы в параграфе 12 Немецкого кодекса прессы были отражены все пять обозначенных ценностей, на практике придерживаться их всех одновременно было бы невозможно.

Наконец, третья деталь, которая обнаруживается при рассмотрении описанного случая, – это наличие возможности по-разному трактовать одни и те же ценности. Речь здесь идет о ценности правды. К ней апеллировали и сторонники, и противники инициативы: первые говорили о том, что недоверие к другим культурам и использование в отношении их представителей оскорбительных терминов может способствовать искажению информационной картины; вторые утверждали, что изъятие из языка тех или иных терминов и замена их на другие фактически равносильно выдавливанию из общественного дискурса части реальности – что, опять же, ведет к искажению информационной картины. Получается, что приверженность той или иной этической ценности далеко не всегда помогает понять, какие решения следует принимать в каждом конкретном случае.

Учитывая эти детали, мы видим в анализируемой ситуации с созданием языкового руководства для журналистов три взаимосвязанные проблемы этического регулирования журналистской деятельности.

Первая: существующие в Германии кодифицированные этические правила, касающиеся освещения межэтнических и межнациональных отношений, недостаточны, так как не охватывают всего спектра проблем, возникающих в дискуссиях об освещении этих вопросов.

Вторая: даже если бы в существующих кодифицированных правилах было отражено больше ценностей, этого также было бы недостаточно, так как некоторые ценности противоречат друг другу. В данном случае в противоре-

чие вступили ценности свободы слова и беспристрастности, с одной стороны, и ценности социальной ответственности и непричинения вреда, с другой. Без указания на то, как можно разрешить противоречия между этими ценностями, кодифицированные правила не имели бы большого смысла.

Наконец, третья проблема заключается в возможности множественного толкования некоторых ценностей – в частности, ценности правды. Как оказалось, с помощью правды можно обосновать как необходимость введения языковых ограничений для журналистов, так и неприемлемость таких ограничений. Таким образом, наличие в кодифицированных правилах положений, отражающих ту или иную ценность, не всегда может помочь понять, как именно отразить эту ценность на практике.

Выше мы говорили о том, что анализ данного случая поможет нам рассмотреть проблемы этического регулирования журналистской деятельности под новым углом зрения, так как речь пойдет о сложностях, которые возникают не после принятия того или иного специального этического кодекса, а еще на стадии обсуждения его принятия. Прделанная работа показала, что эти проблемы по сути аналогичны тем, которые мы обсуждали в предыдущих двух параграфах. Так, вторая обозначенная нами проблема (противоречие между ценностями) соответствует основной проблеме, выявленной в §2.1, а третья (неоднозначность толкования ценностей) схожа с проблемой, обнаруженной при анализе кейса в §2.2. Первая же из перечисленных выше проблем (недостаточность количества ценностей, отраженных в соответствующем пункте кодекса) встречается нам впервые, так как Германия – первая из рассмотренных нами стран, в которой не существует специального и подробного этического кодекса, призванного регулировать освещение межэтнических и межконфессиональных отношений. Это свидетельствует о том, что благодаря дискуссиям проблемы этического регулирования журналистской деятельности можно выявить еще на стадии создания кодифицированных этических правил. Однако для решения этих проблем стороны дискуссии должны быть

готовы к диалогу, чего не было в рассмотренной ситуации: из-за шквала критики проект «Журналисты против расизма» так и не был воплощен в жизнь.

§2.4 Россия

Ситуация с межэтническими и межконфессиональными отношениями в России существенно отличается от таковой в Великобритании, Италии и Германии, что обусловлено многовековой историей российского мультиэтнического и мультиконфессионального общества. Своеобразна и история освещения этих отношений в СМИ – в частности, из-за несвободы средств массовой информации во времена СССР. Однако современное положение с освещением в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений в чем-то схоже с положением в странах Западной Европы, и проблемы этического регулирования в этой сфере также близки к выявленным нами в предыдущих параграфах. Чтобы обосновать это, ниже мы кратко рассмотрим историю и особенности межэтнических и межконфессиональных отношений в России, дискуссию о необходимости введения в России специальных кодифицированных правил, которые регулировали бы освещение этих отношений, и проанализируем случай освещения российскими СМИ одного из самых громких межэтнических конфликтов в стране последних лет.

На протяжении многих столетий государства-предшественники современной России – Русское царство, Российская империя и СССР – расширялись за счет присоединения близлежащих земель вместе с населявшими их коренными народами. В отличие от колониализма государств Западной Европы, которые завоевывали земли на других материках и часто ущемляли интересы местного населения, российский колониализм, по мнению многих историков¹, был более мягким: местное население не облагалось слишком большими поборами, а переезжавшие на новые земли русские крестьяне и казаки обычно вели с ним мирное сосуществование. Кроме того, некоторые

¹ Тихомиров А.В. Проблемы колониализма и неоколониализма в истории России // Новая экономика. 2006. №7–8 (13–14). С. 24–31.

земли (Чувашия, Балкария и др.) входили в состав российского государства² добровольно. Отчасти именно этими обстоятельствами можно объяснить тот факт, что в то время как западные империи (Британская, Испанская, Французская и др.) распались, значительная часть присоединенных к российскому государству земель до сих пор остаются в составе России. И именно поэтому характер межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской Федерации отличается от такового в странах Западной Европы: если там речь идет в основном об отношениях между титульной нацией и иммигрантами (в том числе из бывших колоний), то здесь – об отношениях между примерно 200 этническими группами внутри страны, а также между ними и иммигрантами. Вопрос межэтнических и межконфессиональных отношений в России, таким образом, имеет два аспекта: внутригосударственный и иммиграционный. Рассмотрим кратко каждый из них.

Межэтнические и межконфессиональные отношения внутри России обусловлены, во-первых, присоединением к российскому государству земель, населенных людьми нерусской национальности, и, во-вторых, внутренней миграцией на территории российского государства. Исторически одно было неразрывно связано с другим. Походы на Восток (начиная от завоевания Казани и Сибири в XVI веке), многочисленные войны с Турцией, Персией и государствами Европы в XVII–XX веках, захваты, покупки и добровольные присоединения территорий сделали российское государство в высшей степени многонациональным политическим образованием. До революции 1917 года миграция населения происходила как в связи с самим расширением территории (для заселения огромных новых территорий Сибири людей на постоянное место жительства в этот регион начали отправлять еще в конце XVI века), так и по другим причинам: бегство крестьян от тяжелых податей или жестоких помещиков, преследование старообрядцев, распределение рабочих рук для строительства железных дорог в XIX веке и т. д. Отношения между

² Под российским государством мы подразумеваем здесь все государства-предшественники современной России.

народами развивались при этом по-разному: население некоторых захватываемых земель (например, на Северном Кавказе) оказывало русским ожесточенное сопротивление, другие земли присоединялись более мирно. Но политика русификации нередко вызывала отторжение. В отношении некоторых народов проводилась прямая дискриминация: так, сотни тысяч польских евреев, оказавшихся после раздела Речи Посполитой в конце XVIII века под юрисдикцией Российской империи, вынуждены были жить за чертой оседлости. В XIX – начале XX веков произошел ряд еврейских погромов, в результате которых десятки тысяч евреев были убиты, а их имущество разорено.

Что касается иммиграции, то вплоть до конца XIX века она превышала эмиграцию. В 1763 году Екатерина II издала указ, согласно которому приезжавшие в страну наделялись свободой вероисповедания, правом на самоуправление и т. д., что повлекло за собой прибытие иммигрантов из Европы, особенно из Германии. Они нужны были империи в основном для освоения новых земель. Александр I в 1804 году стал приглашать в Россию зажиточных иностранцев, которые заселили в основном Крым, Бессарабию, Херсонскую и Екатеринославскую губернии. Однако во второй половине XIX века политику стимулирования притока иммигрантов начали сворачивать: одним из объяснений этому может служить то, что Крестьянская реформа 1861 года открыла большие возможности заселения пустующих земель при помощи внутренней миграции. В то же время, во второй половине XIX века Дальний Восток стал все больше заселяться выходцами из Китая – к 1910 году туда, по разным данным, приехали от 100 до 250 тысяч китайцев³.

После революции 1917 года и на протяжении всех лет советской власти массовых иммиграций в страну практически не было (исключение – приток рабочих из Вьетнама, Кореи и Восточной Европы в конце 1960-х – начале 1970-х годов). Внутренняя же миграция в первые десятилетия советской власти происходила в основном в результате репрессивной политики государст-

³ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. С. 23–27.

ва и серьезных социальных потрясений: раскулачивания, депортации целых народов (корейцев, немцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, балкарцев и др.) из одного региона в другой, событий Великой отечественной войны. Депортации народов, разумеется, не способствовали межэтнической интеграции, как не способствовала ей и своеобразная территориальная политика руководства страны, во многих случаях утвердившего алогичные границы между национальными территориальными образованиями (особенно на Северном Кавказе, в Закавказье и в Средней Азии – что с началом Перестройки привело к череде военных конфликтов на этнической почве). В послевоенные годы передвижения по РСФСР и между союзными республиками стимулировалось, в частности, необходимостью осваивать целинные земли в Казахстане и Южной Сибири и системой распределения выпускников вузов на рабочие места вдали от дома. Однако, как пишет В.С. Малахов, «парадокс “национальной политики” советской власти состоял в том, что, будучи ориентирована на формирование сверхнационального сообщества, эта политика культивировала и спонсировала (этно)нации»⁴. Это происходило из-за выстраивания иерархии национальных территориальных образований в составе СССР и формирования этнических элит на местах. В добавление к этому, наличие графы «национальность» в паспорте способствовало тому, что «”этничность” ... постепенно превратилось из внешнего идентификатора в часть (само)идентичности»⁵. Таким образом, в СССР вместо надэтнической общности фактически сложилась мозаика из локальных этнических образований.

Межэтнические противоречия, которые в советское время сдерживались сильным центром, с ослаблением этого центра начали давать о себе знать. В конце 1980-х – начале 1990-х в разных концах бывшего СССР вспыхнули этнически и национально мотивированные вооруженные конфликты (Карабах, Южная Осетия, Абхазия), часть из них – на территории нынешней России

⁴ Малахов В.С. «Национальная политика» как феномен политической речи // В.С. Малахов. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛЮ, 2007. С. 47.

⁵ Там же. С. 50.

(Чечня, Ингушетия). После распада СССР обилие горячих точек вокруг страны и бедственное положение большинства новых независимых государств спровоцировали приток в Россию иммигрантов из этих стран, среди которых были как русские, оказавшиеся после 1991 года за пределами России, так и коренные жители бывших союзных республик. Последние в большинстве случаев ехали в Россию на заработки.

Россия стала центром, активно притягивающим иммигрантов. В 1992–1995 годах из бывших союзных республик в страну прибыло около 3,8 млн. человек, из них 2,4 млн. остались⁶. С тех пор миграционный прирост населения России ежегодно составляет несколько сот тысяч человек⁷. Сегодня основным источником иммигрантов по-прежнему являются бывшие республики СССР: страны СНГ, страны Балтии и Грузия. В 1997–2009 годах их доля от общего количества иммигрантов была 93–96%, а в 2010 и 2011 годах – около 90%⁸. В 2011 году лидерами по количеству долгосрочных переселенцев в Россию стали Узбекистан, Киргизия и Украина⁹. Несколько сот тысяч человек, по всей видимости, иммигрировали в Россию с 1990-х годов из Китая¹⁰. При этом статистика иммиграции существенно затрудняется в связи с большим количеством нелегальных иммигрантов: по разным оценкам, в России их сегодня от 5 до 10 млн. человек¹¹.

⁶ Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Борзунова Т.И. Региональные аспекты российской иммиграции // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 49.

⁷ Компоненты изменения численности населения России, 1927–2012, тысяч человек // «Демоскоп Weekly». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_components.php (дата обращения: 21.09.2013).

⁸ Щербакова Е.М. Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним – 107 // «Демоскоп Weekly». 05.03.2012–18.03.2012. № 501–502. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php> (дата обращения: 21.09.2013).

⁹ Щербакова Е.М. Миграционный прирост населения России в январе–июне 2011 года, по сравнению с тем же периодом 2010 года, уменьшился на 43% // «Демоскоп Weekly». 26.09.2011–09.10.2011. № 479–480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/barom01.php> (дата обращения: 21.09.2013).

¹⁰ Ларин А.Г. Указ. соч. С. 146–151.

¹¹ Вакуленко Е.С., Цимайло В.В. Учет нелегальной миграции населения: методы и оценки // «Демоскоп Weekly». 26.09.2011–09.10.2011. № 479–480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit02.php> (дата обращения: 21.09.2013).

Мы видим, что межэтнические и межконфессиональные отношения в России структурно гораздо более сложные, чем в трех рассмотренных нами ранее странах. Отличается и история освещения этих отношений национальными средствами массовой информации. На протяжении почти всех лет советской власти СМИ были несвободны и выполняли задачи Коммунистической партии – соответственно, о межэтнических и межконфессиональных отношениях говорилось только то, что способствовало построению наднационального сообщества: о связанных с ними конфликтах говорить практически не разрешалось. Политика гласности, начавшаяся во второй половине 1980-х, изменила ситуацию: у общества появилась возможность обсуждать в СМИ многие социальные вопросы, в том числе – межэтнические и межконфессиональные отношения. В начале 1990-х годов внимание к этой теме повысилось. Как пишет В.К. Малькова, этому способствовало появление рыночных отношений, из-за которых у средств массовой информации появилась необходимость бороться за читателя – и «этничность, наряду с криминалом, сексом, финансами и катастрофами, превратилась в одну из значимых “горячих” тем для СМИ»¹². Повышение внимания к межэтническим отношениям было обусловлено и вспыхнувшими в 1988–89 в различных регионах СССР межэтническими конфликтами и войнами, некоторые из которых длились до середины 1990-х. Нельзя упускать из виду и войну в Чечне, которая еще сильнее обострила этническую проблематику. При этом инокультурных иммигрантов СМИ склонны были представлять как угрозу, а война в Чечне и вопросы, связанные с чеченцами и рядом других этнических меньшинств, по мнению Мальковой, долгие годы освещались тенденциозно и непрофессионально¹³.

Освещение межэтнических и межконфессиональных отношений российскими СМИ продолжало вызывать критику и в конце 1990-х – начале 2000-х.

¹² Малькова В.К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы. Автореферат диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 2006. С. 6.

¹³ Там же.

Так, анализ массовых федеральных печатных изданий за 1999–2003 годы показал, что, хотя среди публикаций об иммигрантах были как негативно, так и позитивно окрашенные, их все объединяла одна общая черта: об иммигрантах писали как о чужих, «других». Кроме того, об иммигрантах писали в основном в связи с двумя темами: неформальная и криминальная экономика¹⁴. Автор другого исследования оценил ситуацию с освещением темы миграции в центральных российских газетах конца 1990-х годов как неблагоприятную¹⁵. Масштабный обзор 545 статей федеральных и региональных СМИ за период с 1 октября 2001 года по 30 апреля 2002-го позволил выявить большое количество случаев использования в газетах и интернет-изданиях языка вражды; больше всего случаев было связано с «созданием негативного образа этнической или религиозной группы» и «утверждением о криминальности той или иной этнической или религиозной группы»¹⁶. С начала 2000-х информационно-аналитический центр «Сова» проводил такие исследования ежегодно; по их данным, всплеск использования в российских СМИ языка вражды наблюдался в 2002 году после террористического акта на Дубровке, затем был спад, а во второй половине 2006 года – снова подъем (вероятнее всего, вследствие событий в городе Кондопога, освещение которых будет проанализировано ниже)¹⁷. Объектами языка вражды в основном становились чеченцы и другие народы Северного и Южного Кавказа, а также «мусульмане» и «мигранты» в целом¹⁸. Не сильно изменилась ситуация и к концу 2000-х – началу 2010-х: по наблюдениям В.И. Мукомеля, доминирующий масс-медийный дискурс характеризовался «нагнетанием(ем) алармистских на-

¹⁴ *Титов В.Н.* О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. №11.

¹⁵ *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения России в освещении центральных газет // Миграция и информация / Ред. Ж.А. Зайончковская. М.: РОО «Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ», 2000.

¹⁶ *Верховский А.М.* Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002. С. 20-25.

¹⁷ *Кожевникова Г.В.* Язык вражды после Кондопоги // Язык вражды против общества / Сост. А.М. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007.

¹⁸ Там же. С. 42–43.

строений» и «перевод(ом) обсуждения проблем миграции (интерпретируемых в этническом контексте) в дискурс кризиса и дискурс травмы»¹⁹.

Озабоченность исследователей и многих журналистов этическим уровнем освещения в российских СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений способствовала инициированию обсуждений на тему того, как можно улучшить ситуацию. Сегодня для этического регулирования подобных вопросов существуют Кодекс профессиональной этики российского журналиста, одобренный Конгрессом журналистов России в 1994 году, и Большое жюри Союза журналистов России, которое принимает жалобы от населения на неэтичное поведение СМИ и выносит по ним решения. Однако в исследовательской и журналистской среде неоднократно высказывалась мысль о недостаточности существующих писанных этических норм и о том, что этический кодекс следует доработать, а также высказывались предложения разработать новые правила для журналистов, освещающих межэтнические и межконфессиональные проблемы. Так, во введении к сборнику статей на тему ксенофобии в российских СМИ, вышедшему в 2002 году, говорилось, что само журналистское сообщество практически не осуждает случаи разжигания межнациональной и межрелигиозной розни, и в отсутствие разработанных этических норм саморегулирования в этой области ксенофобия находит отражение даже на страницах уважаемых общественно-политических изданий, а тем более на телевидении и радио²⁰. В.К. Малькова на одной из конференций в начале 2000-х говорила о необходимости «общественно-профессионального экспертного контроля, не поощряющего появление этноконфликтных публикаций в СМИ»²¹.

¹⁹ *Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 101.

²⁰ *Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский.* М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002. С. 5.

²¹ *Малькова В.К.* Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Толерантность.ру. URL: <http://www.tolerance.ru/Sog-ross-prensa.php?PrPage=SMI> (дата обращения: 21.09.2013).

На конференции «Язык вражды в российских СМИ», прошедшей осенью 2002 года в Центральном доме журналиста, обсуждалась необходимость разработать специальный этический кодекс, касающийся освещения в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений и призванный «самоограничить» язык вражды²². Президент Центра развития демократии и прав человека Ю. Джибладзе сказал: «Фокус усилий должен быть не на ужесточении законов, а на работе внутри журналистского сообщества. Подавляющее большинство случаев “языка вражды” не нуждается в применении мер закона, тем более в уголовных преследованиях»²³. Однако были и другие мнения: «Язык вражды – не болезнь, а симптом. Российская культура находится в глубоком кризисе. Никакие “припарки” на эти прыщи, которые мы называем “язык вражды”, вопрос не решат. Никакой “внутренний моральный кодекс” не поможет», – сказал исследователь СМИ, профессор НИУ ВШЭ И.М. Дзялошинский²⁴.

Мнения, занимающего промежуточное положение между двумя представленными выше, придерживался в тот же период исследователь СМИ Ю.В. Казаков: «Отказ от установки на оскорбление, унижение, угрозу, а также подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных этносов, их частей или отдельных категорий или групп граждан не требует принятия каких-то кодексов или специальных норм, он может формироваться как редакционное “честное слово”, не обязательно письменно фиксируемое. Вместе с тем, зафиксированный самообязательством, известным читателю, этот отказ становится сильным, эффективным инструментом связи СМИ с общественностью, элементом восстановления и укрепления уважения граждан к журналистам и журналистике»²⁵. Однако, по мнению многих, российское журналистское сообщество не созрело для серьезных

²² Язык вражды в российских СМИ (по информации «Фонда защиты гласности») / «Грамота.ру». URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_1036 (дата обращения: 21.09.2013).

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Казаков Ю.В. Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска // Язык мой... Указ соч. С. 133.

шагов в этом направлении: «Как профессионалы многие журналисты не только не готовы, но, похоже, даже не способны взвешенно обсуждать проблему самоограничения, в частности, направленного на предотвращение дальнейшего роста ксенофобии или хотя бы на непровоцирование агрессивных реакций», – писала в 2007 году Г.В. Кожевникова²⁶. Несмотря на многократно высказываемые журналистами и исследователями пожелания, до настоящего времени никакого специального этического кодекса, который предписывал бы журналистам, как следует освещать межэтнические и межконфессиональные отношения, создано не было. Без изменений с 1994 года остался и Кодекс профессиональной этики российского журналиста.

К освещению межэтнических и межконфессиональных отношений в указанном кодексе относятся два абзаца. Они звучат следующим образом:

«Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания. Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения. Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выра-

²⁶ Кожевникова Г.В. Указ. соч. С. 70.

жений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей»²⁷.

Из выделяемых нами семи базовых этических ценностей журналистики в этих двух абзацах, на наш взгляд, отражены две: *непричинение вреда* и *социальная ответственность*.

Выше мы говорили о том, что один из всплесков использования языка вражды в российских СМИ наблюдался во второй половине 2006 года – после событий в небольшом карельском городе Кондопога. Эти события были связаны с одним из самых заметных межэтнических конфликтов в современной России. Ниже мы вкратце опишем суть произошедшего и проанализируем ситуацию с его освещением в российских СМИ.

В ночь на 30 августа 2006 года в ресторане «Чайка» произошла драка между двумя посетителями (русскими) и официантом (азербайджанцем). Официант по телефону позвал на помощь знакомых (чеченцев). Через некоторое время они приехали к ресторану на нескольких машинах, вооруженные ножами и битами. К тому времени двое посетителей, участвовавших в драке, уже ушли из ресторана, и приехавшие люди стали нападать на всех подряд посетителей и случайных прохожих (по некоторым данным – с криками «Аллах Акбар!» и «Режь русских!»²⁸). В результате два человека погибли, еще несколько оказались в реанимации. 31 августа в городе начались погромы против кавказцев: было предпринято несколько попыток поджечь принадлежавшее им недвижимое имущество. 2 сентября пошел митинг, собравший около 2000 человек, на котором было выдвинуто требование выселить из Кондопоги всех нелегальных мигрантов. После митинга несколько сот человек отправились к ресторану «Чайка», подожгли его и начали громить находящиеся рядом коммерческие палатки. В течение последующих дней про-

²⁷ Цит по: Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / Сост. Ю.В. Казаков. М.: Медея, 2004. С. 212–213.

²⁸ *Латышева М.* Освещение конфликта в Кондопоге (Карелия) российскими средствами массовой информации // Отчет Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России. Сентябрь 2006. С. 2.

изошло еще несколько случаев поджога имущества кавказцев и зданий, в которых они проживали. В целях безопасности власти вывезли из Кондопоги несколько десятков кавказских семей и разместили их в пионерском лагере недалеко от Петрозаводска.

Обсуждение деталей конфликта и хода расследования выходит за рамки этого исследования; на наш взгляд, перечисленные выше факты дают общее представление о ситуации и позволяют перейти к анализу ее освещения в российских СМИ через выявление отраженных в журналистских материалах нравственных ценностей.

За основу нашего рассмотрения мы возьмем исследование Э. Коскинен, которая проанализировала освещение кондопожских событий в четырех крупнейших российских газетах – «Известия», «Комсомольская правда» («КП»), «Российская газета» («РГ») и «Коммерсант» – за период с 1 сентября по 31 декабря 2006 года²⁹ (эта дипломная работа – наиболее подробное и тщательное исследование из всех найденных нами на эту тему). Автор смоделировала из материала всех рассмотренных ею новостей несколько тематических рамок, в которые журналисты помещали кондопожские события. Здесь мы рассмотрим, какие из базовых журналистских нравственных ценностей были отражены внутри каждой из них.

Коскинен выделяет в рассмотренном материале четыре основные темы: «войны», народного бунта, закона и бизнеса. В материалах, в которых акцентировалась, условно, тема «войны», упор делался на межэтническую составляющую конфликта, противостояние двух этнических групп. Убийства в ресторане в них представлялись как атака, свидетельствующая об общей «криминальности» чеченцев, а последовавшие беспорядки рисовались справедливой оборонительной реакцией на агрессию. При этом местное русское население представлялось в целом мирным и спокойным – жертвой чеченского

²⁹ Коскинен Э. «Они вели себя дерзко и вызывающе»: стратегии и тактики объяснения этнической ненависти. Анализ освещения расистского конфликта «Кондопога» в четырех крупнейших российских газетах // Университет г. Тампере. Отделение современных языков и переводоведения. Дипломная работа. Май 2010.

меньшинства и коррумпированных властей. Тема народного бунта, как пишет Коскинен, частично пересекается с темой «войны», но все же отличается от нее: внутри этой тематической рамки народный гнев направлен не столько против чеченцев, сколько против бездействующих и коррумпированных местных властей. Хотя суть конфликта остается та же: «криминальные» чеченцы и коррумпированные власти довели ситуацию до того, что местным жителям пришлось взять ее в свои руки. Этнические противоречия также играют здесь важную роль. В материалах, в которых акцентировалась тема закона, ситуацию, напротив, представляли как исключительно бытовой конфликт. В них воспроизводилась официальная позиция властей, и события рассматривались исключительно через призму законности/незаконности. Представители властей здесь – не виновники проблемы, а, наоборот, ее успешные «решатели». Наконец, в материалах, в которых акцентировалась тема бизнеса, события в Кондопоге представлялись как передел собственности между чеченской диаспорой и местными криминальными авторитетами. Однако эта тема оказалась наименее ярко выраженной в общем массе журналистских материалов и не будет играть роли в нашем дальнейшем рассмотрении.

Наше исследование показало, что в рассмотренных Э. Коскинен материалах СМИ не была явным образом отражена ни одна из выделяемых нами базовых нравственных ценностей журналистики (не считая ценности честности, оценить отражение которой в конечных статьях представляется затруднительным). Рассмотрим отражение каждой из этих ценностей подробно.

Ценность свободы слова не была отражена, в первую очередь, в статьях, где акцентировалась тема закона. Причем если три из четырех анализируемых газет так или иначе рассматривали все возможные интерпретации событий – межнациональный конфликт, конфликт власти и общества, бытовой конфликт и конфликт бизнес-интересов, то одно издание – «Российская газета» – упорно стояло на версии бытового конфликта и публиковала только официальные сообщения властей (причем только те, которые соответствова-

ли линии центральной власти). Журналисты газеты не пытались самостоятельно разобраться в событиях, опросить местных жителей и т. д. «РГ» – единственное издание, которое не напечатало сказанную сгоряча главой республики Карелия С. Катанандовым фразу о «дерзком и вызывающем» поведении представителей «другого народа» как о главной причине произошедшего³⁰. А массовый митинг в Кондопоге, по словам Коскинен, освещался в «РГ» «будто изнутри здания администрации»³¹. Газета, таким образом, не выполнила функцию «четвертой власти» и не смогла предоставить читателям информацию, альтернативную официальной, фактически не воспользовавшись своим правом на свободу слова. Таким образом, в материалах как минимум одной из крупнейших российских газет ценность свободы слова отражена не была.

Ценность социальной ответственности не была отражена в материалах, акцент в которых делался на темы «войны» и народного бунта (такие статьи печатали в основном «Известия» и «КП»). Как пишет Коскинен, в статьях с тематической рамкой «войны» в большинстве случаев распространялись этнические предубеждения и легитимировались расистские поступки³². Иногда ситуация прямо – хотя и метафорично – называлась войной, что способствовало нагнетанию обстановки: «Известия» от 04.09.06 вышли с заголовком «"Кавказская война" в Карелии»³³. В некоторых случаях газеты публиковали неверные данные – что, в первую очередь, противоречит ценности правды, но в то же время не совмещается и с ценностью социальной ответственности, так как тоже способствовало нагнетанию обстановки и демонизации одной из сторон конфликта: в течение нескольких дней газеты сообщали о четырех погибших местных жителях вместо двух, а также о том, что у погибших были «выколоты глаза» и «отрезаны уши», что позже оказалось неправдой. Журналисты, акцентировавшие темы «войны» и народного бунта, порождали ин-

³⁰ Там же. С. 54.

³¹ Там же. С. 55.

³² Там же. С. 33.

³³ Там же. С. 34.

терпретацию, согласно которой «местные русские жители оказались жертвами жестоких насильственных чеченцев и пассивных местных властей»³⁴; более того, в их статьях утверждался негативный стереотипный образ не только чеченцев, но и всех других кавказских народов³⁵. Все это создавало однобокую картину событий и не способствовало снятию напряженности. Хотя тема народного бунта и предполагала идею о том, что суть событий – в бунте народа против властей, основное внимание все равно было направлено не на дискуссии о коррумпированности и неэффективности властей, а на криминальность этнических «других»³⁶. По логике статей, в которых акцентировалась тема народного бунта, получалось, что, если криминальность «других» создает угрозу местному населению, а власти ничего не могут сделать, то местное население имеет моральное право на самосуд. Все это подводит нас к выводу, что в значительной массе журналистских материалов о событиях в Кондопоге ценность социальной ответственности отражена не была.

Не была отражена и ценность правды. Как мы уже отметили, Э. Коскинен выявляет несколько случаев публикации откровенно неправдивой информации. О том же говорится и в докладе М. Латышевой об освещении в СМИ кондопожских событий; в частности, по оценке опрошенного ею руководителя оперативного штаба по расследованию событий в Кондопоге А. Моисеева, «СМИ на 50% говорили неправду»³⁷. И хотя это явно грубая оценка, она показывает, какой виделась работа СМИ «из гуши событий». Кроме фактических ошибок, неотражение ценности правды заключалось еще и в том, что во многих материалах не было видно попыток представить аудитории всю полноту правды. Как было уже отмечено, в материалах, в которых акцентировались темы войны и народного бунта, рисовалась картинка «криминальных» чеченцев и мирного, но «выведенного из себя» русского населения. При этом журналисты в большинстве случаев брали комментарии у местного

³⁴ Там же. С. 35.

³⁵ Там же. С. 38.

³⁶ Там же. С. 49.

³⁷ *Латышева М.* Указ. соч. С. 9.

населения, но не предоставляли слова представителям чеченской и других кавказских диаспор; практически ничего не говорилось о материальных потерях кавказцев в результате погромов и о моральной оценке действий погромщиков. Таким образом, ситуация освещалась только с одной точки зрения, что исключает раскрытие всей полноты правды. В то же время, в материалах, акцентирующих тему закона (а такие материалы, как отмечалось выше, печатались в основном в «РГ»), также давалась однобокая информация – но на этот раз представлялась позиция не русского населения, а официальных властей. Комментариев рядовых жителей Кондопоги – русских и кавказцев – при этом не давалось, а версии о межнациональной или антиправительственной природе конфликта исключались из повествования. То, что эти версии отсутствовали в материалах «РГ», не позволило газете начать общественно важную дискуссию о причинах и последствиях межэтнических разногласий и проблемах муниципальной власти в Карелии – и, таким образом, часть правды «выпала» из поля зрения читателей.

Сказанное выше касается и ценности беспристрастности: так как события в большинстве материалов освещались только с одной из сторон (причем либо со стороны русского населения, либо со стороны местных властей), о беспристрастности здесь говорить сложно. Как пишет Коскинен, в большинстве материалов с доминирующим мотивом «войны» и народного бунта комментарии русских местных жителей приводились в большом количестве и их содержание не ставилось под сомнения, в то время как слова чеченцев, если и публиковались, обычно сопровождались скептическими комментариями журналистов³⁸. В материалах с доминирующим мотивом закона давались только комментарии властей и иногда – официальных представителей общественных организаций, что также исключает возможность беспристрастного освещения событий. О других свидетельствах пристрастности общей массы материалов СМИ (отсутствии дискуссии об этической стороне действий погромщиков и др.) мы также уже упоминали выше.

³⁸ Коскинен Э. Указ. соч. С. 36, 42–43.

Хотя у нас нет данных о материалах СМИ, в которых очевидно игнорировалась бы ценность непричинения вреда (то есть ставилась бы под угрозу безопасность конкретных людей), мы имеем основания считать, что и эта ценность не была должным образом отражена в тех материалах, в которых акцентировались темы «войны» и народного бунта. В то же время, в материалах с доминирующим мотивом закона ценность непричинения вреда отражена была. В последних журналисты избегали представления кавказских жителей Кондопоги как «криминальных» и как виновников беспорядков и не провоцировали всплески агрессии против конкретных членов кавказских диаспор. В тех же материалах, в которых акцентировались темы «войны» и народного бунта, ситуация представлялась как конфликт «мирных» русских и «криминальных» кавказцев и, таким образом, фактически игнорировалось положение Кодекса профессиональной этики российского журналиста, которое мы приводили выше: «Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью». Это положение отражает как ценность социальной ответственности в целом, так и ценность непричинения вреда конкретным людям: нагнетание обстановки, демонизация одной из сторон конфликта (в данном случае – этнической группы) всегда может привести к тому, что в отношении конкретных представителей этой группы будет применено моральное или физическое насилие.

Наконец, ценность справедливости в принятом нами в этой диссертации понимании также не была отражена в той части материалов, в которых акцентировались темы «войны» и народного бунта. В сложной ситуации, где нет очевидно «правых» и «виноватых», значительная часть СМИ открыто встала на сторону местного русского населения, видя причину конфликта в неподобающем поведении «приезжих» кавказцев. Их поведение в целом, в особенности – убийство двух случайных посетителей ресторана, журналисты считали несправедливым (с последним сложно спорить), а народное недовольство, вылившееся в погромы против таких же случайных представителей

кавказского населения, представлялось как справедливое. Между тем, мы помним, что справедливостью в журналистике мы решили считать, в первую очередь, стремление уделять внимание проблемам наиболее притесняемых слоев населения. И даже если предположить, что русское местное население на протяжении долгого времени притеснялось «криминальными» приезжими с Кавказа, то в ситуации направленных против кавказцев беспорядочных погромов уже они, в свою очередь, стали притесняемыми. Однако во многих материалах СМИ чеченцев представляли как людей, не имевших право жаловаться на сложившуюся ситуацию³⁹, а преступные действия представлялись порицательными только тогда, когда их совершали кавказцы или сотрудники властных структур, но не тогда, когда они совершались местным русским населением⁴⁰.

Что касается ценности честности, то, как и в случае Италии, мы затрудняемся оценить ее отражение в журналистских материалах, так как она касается не столько подачи информации, сколько поведения журналиста при ее сборе (не нарушать обещаний, по возможности представляться журналистом и т. д.).

Итак, из семи выделяемых нами базовых журналистских этических ценностей – свободы слова, социальной ответственности, правды, непричинения вреда, беспристрастности, справедливости и честности – первые шесть не были отражены в общей массе материалов крупнейших федеральных газет про конфликт в Кондопоге, а оценить отражение последней представляется проблематичным.

В отличие от итальянских журналистов, у российских нет специального этического кодекса, который регулировал бы освещение межэтнических и межнациональных отношений, но вопрос об их освещении затрагивается в двух абзацах общего Кодекса профессиональной этики российского журналиста. В положениях этих двух абзацев отражены ценности социальной от-

³⁹ Там же. С. 42.

⁴⁰ Там же. С. 43.

ветственности и непричинения вреда. Однако в материалах о Кондопоге четырех крупнейших российских газет – особенно тех, в материалах которых, согласно результатам исследования Э. Коскинен, акцентировались темы «войны» и народного бунта, – не был отражен даже этот минимальный набор из двух ценностей. В §2.2 при анализе итальянского кейса мы в почти аналогичной ситуации предложили три возможные причины такого положения дел: а) журналисты не заботятся об этике; б) журналисты превыше всего ставят свободу слова, полагая, что «свободный рынок идей» сам расставит все по своим места; в) журналисты понимают содержание этических ценностей иначе, чем авторы этических кодексов и теоретики журналистики. Применительно к российскому случаю мы можем сказать, что первый вариант возможен, но маловероятен, так как сознательный отказ от этики чреват потерей доверия читателей, – и, по крайней мере, на словах редакторы даже самых «желтых» газет выступают за этичную журналистику (например, главный редактор «КП» в 2006 году подписался под обращением к коллегам с призывом не разжигать этническую и религиозную вражду⁴¹). Второй вариант применительно к российскому случаю выглядит противоречиво, так как, в отличие от итальянского кейса, в российском ценность свободы слова не получила достаточного отражения в общей массе проанализированных материалов. Третий же вариант, на наш взгляд, действительно может быть причиной неэтичного поведения СМИ. Рассмотрим возможные расхождения в понимании двух ценностей, отраженных в Кодексе профессиональной этики российского журналиста, между российскими журналистами и теоретиками журналистики.

Начнем с того, что, разумеется, сообщество журналистов очень неоднородно и понимание тех или иных ценностей у каждого журналиста может быть свое. Так, журналисты, акцентировавшие темы «войны» и народного бунта, очевидно, понимали социальную ответственность как необходимость

⁴¹ Главные редакторы призвали себя к толерантности // Информационно-аналитический центр «Сова», 05.05.06. URL: <http://www.sova-center.ru/hate-speech/discussions/2006/05/d8116/> (дата обращения: 19.09.2013).

поддержать русское население Кондопоги и привлечь внимание общества к проблеме этнической преступности. В то же время, журналисты, акцентировавшие тему закона, исходили из другого понимания: для них социальная ответственность, по всей видимости, заключалась в том, чтобы не допустить разжигания межнациональной розни, чего они попытались добиться путем замалчивания самой возможности наличия межэтнического конфликта. Между тем, как мы уже упоминали в §2.2, исследователи СМИ еще в середине XX века предложили следующий способ утверждения в работе журналиста ценности социальной ответственности: давать «представительную картину групп, составляющих общество». Подразумевается, что только с помощью тщательной проработки всех спорных общественных вопросов можно добиться разрешения конфликтов и гармонизации общественных отношений. Этот подход исключает как замалчивание конфликтов, так и поддержку одной из сторон в конфликтной ситуации.

Вероятнее всего, различается и понимание разными журналистами ценности непричинения вреда. Журналисты, акцентировавшие в своих материалах тему закона, как мы написали выше, отразили в своей работе ценность непричинения вреда, восприняв ее содержание примерно так же, как и мы в этой диссертации. Те же, кто акцентировал темы войны и народного бунта, вероятно, понимали под непричинением вреда непричинение вреда только местным русским жителям Кондопоги: этим объяснилось бы их стремление изобразить чеченцев и кавказцев в целом жестокими и склонными к криминалу людьми, которых русским следует опасаться, тем самым как бы легитимизируя право русских на требование выселить кавказцев из города в целях безопасности. Однако этими действиями они в некотором отношении легитимизировали и происходившие погромы против кавказцев, ставя под угрозу безопасность последних. Однако, как мы писали в §2.2, непричинение вреда – это универсальная этическая ценность, которая подразумевает непричинение вреда всем, вне зависимости от принадлежности к той или иной национальной, этнической, религиозной, социальной, гендерной и др. группе.

Если журналист стремится избежать причинения вреда только некоторым из тех, о ком он делает материал, это дает основания говорить, что ценность непричинения вреда в его работе не отражается.

Так как в положениях Кодекса профессиональной этики российского журналиста, касающихся освещения межэтнических и межконфессиональных отношений, отражены только ценности социальной ответственности и непричинения вреда, мы говорим в этом анализе только о них (а именно – о причинах, по которым именно эти две ценности не были отражены в общей массе материалов СМИ о конфликте в Кондопоге). Проблему этического регулирования журналистской деятельности в данном случае мы видим в том, что содержание этих двух ценностей понималось большинством журналистов иначе, чем авторами кодекса и большинством теоретиков журналистики, – и это делает кодекс в существующих условиях неэффективным.

Однако мы также считаем нужным обратить внимание на то, что при освещении межэтнических и межконфессиональных отношений могут быть затронуты как минимум шесть из семи выделяемых нами базовых этических ценностей журналистики: свобода слова, социальная ответственность, правда, непричинение вреда, беспристрастность и справедливость, что было продемонстрировано в §2.1. Исходя из этого, мы можем предположить, что дополнительные кодифицированные правила, в которых отражались бы оставшиеся четыре ценности, могли бы быть полезны российскому журналистскому сообществу. Проблема понимания содержания этих ценностей могла бы параллельно решаться с помощью повышения общего уровня этического образования журналистов.

Заключение

Проведенное этико-прикладное исследование позволило нам составить список базовых нравственных ценностей журналистики, с помощью которых были выявлены основные проблемы этической регуляции журналистской деятельности, возникающие в связи с освещением в СМИ межэтнических и межконфессиональных отношений.

Результаты исследования можно сформулировать в следующих тезисах, которые и выносятся нами на защиту.

1. В журналистской этике можно выделить семь базовых ценностей: свобода слова, социальная ответственность, правда, беспристрастность, непричинение вреда, справедливость и честность. На наш взгляд, эти семь ценностных категорий являются предельно широкими в контексте журналистской этики: их нельзя подвести ни под какую более общую категорию. Предлагая базовый набор журналистских нравственных ценностей, мы отдаем себе отчет в том, что эти ценности неоднородны по своему «калибру», по предмету (относится ли ценность только к поведению журналиста или также к ожидаемым результатам его поведения) и по ряду других оснований. Однако, как показало наше исследование, данный набор ценностей можно эффективно использовать для анализа спорных этических ситуаций в журналистике.

2. Из выделяемых нами семи нравственных ценностей содержание трех – свободы слова, правды и беспристрастности, зародившихся еще в XVII веке, – претерпело за несколько столетий значительные изменения. Содержание остальных ценностей, зародившихся позже (в XIX – XX веках), исторически было более стабильным. Но как первые, так и вторые и сегодня можно трактовать по-разному. Например, содержание свободы слова распадается на две части: «позитивную» и «негативную» свободу, а смысловая цепочка «негативная свобода слова – позитивная свобода слова – социальная ответственность» представляется континуумом, где, в зависимости от понимания, позитивная свобода слова может быть ближе либо к негативной свободе слова,

либо к социальной ответственности. В свою очередь, понимание социальной ответственности как заботы о благополучии общества напрямую зависит от того, что считать благом для общества. Понимание справедливости в журналистике зависит от предпочтения той или иной общепризнанной концепции социальной справедливости. Свои нюансы есть и в понимании правды, беспристрастности, честности и непричинения вреда. Однако на основании имеющейся литературы по теории журналистики можно выделить наиболее распространенные варианты понимания каждой из ценностей, что мы и попытались сделать в нашей диссертации.

3. Не все журналистские нравственные ценности совместимы друг с другом. В частности, из выделяемых нами семи базовых ценностей шесть вступают друг с другом в те или иные противоречия. Основная линия противоречий проходит между двумя группами ценностей, разделенных на основании их отнесенности либо к правилам работы с информацией, либо к судьбам людей. В первую группу попадают свобода слова, правда, беспристрастность и честность, а во вторую – социальная ответственность, справедливость и непричинение вреда. Ценность свободы слова при определенных обстоятельствах вступает в противоречие с ценностями социальной ответственности, непричинения вреда и частично – справедливости (в принятом нами в этой диссертации понимании последней). Ценность правды вступает в противоречие с ценностями социальной ответственности и непричинения вреда. Ценность беспристрастности вступает в некоторое противоречие с ценностями социальной ответственности, непричинения вреда и справедливости (подчеркнем, что речь идет о воплощении этих ценностей именно в журналистике, а не в целом в морали). Единственной ценностью, не вступающей в противоречие с другими, оказывается ценность честности. Схема обнаруженных нами противоречий между ценностями представлена в §1.3.

4. Существуют три основные проблемы этического регулирования журналистской деятельности, выявленные нами с помощью анализа освещения межэтнических и межконфессиональных отношений в четырех странах:

а) неполное отражение спектра ценностей, важных для освещения межэтнических и межконфессиональных отношений¹, в специальных журналистских этических кодексах и в пунктах общих журналистских этических кодексов, регулирующих освещение этой темы;

б) несовместимость (часто в рамках одного этического кодекса) некоторых из базовых нравственных ценностей журналистики и отсутствие в кодексах указаний на то, как разрешать существующие противоречия;

в) вероятные расхождения в понимании содержания базовых нравственных ценностей между некоторыми практикующими журналистами, с одной стороны, и теоретиками журналистики и составителями этических кодексов, с другой.

5. Мы видим следующие подходы к решению выявленных проблем.

а) Первая проблема легко решается с помощью расширения и более глубокой проработки существующих этических кодексов. Однако ее решение неизбежно приводит нас ко второй, гораздо более серьезной проблеме.

б) Даже подробно проработанные кодексы, в которых отражены все выделяемые нами базовые нравственные ценности журналистики, не всегда могут помочь журналисту на практике, так как не содержат в себе указаний на то, как разрешать противоречия между ценностями. Они дают только общие рекомендации, в конкретных же спорных ситуациях каждый журналист должен ориентироваться на личные моральные ориентиры. Таким образом, собственно этическое регулирование журналистской деятельности с помощью подобных кодексов фактически невозможно. Поиск предположений относительно того, как можно разрешить сами эти противоречия, выходит за рамки нашей диссертации, однако мы полагаем, что хотя бы указание на эти проти-

¹ При освещении межэтнических и межконфессиональных отношений в работе журналиста играют роль как минимум шесть из выделяемых нами семи базовых нравственных ценностей журналистики: свобода слова, социальная ответственность, правда, беспристрастность, непричинение вреда и справедливость. Этот вывод мы делаем на основании того, что все они были отражены в одной из проанализированных нами дискуссий вокруг спорной ситуации, касающейся освещения межэтнических и межконфессиональных отношений (§2.1).

воречия в текстах кодексов и/или в образовательных материалах для журналистов могло бы помочь последним делать более осознанный выбор в спорных ситуациях.

в) Так как возможность по-разному трактовать содержание одних и тех же нравственных ценностей журналистики может приводить к непониманию между авторами этических кодексов и журналистами, которые их используют, большое значение имеет осознание журналистами вариативности трактовок нравственных ценностей и составление ими собственного четкого представления о содержании тех ценностей, которых они решили придерживаться. На это можно возразить, что ценности в кодексах не транслируются напрямую, а только подразумеваются, а в положениях кодексов даются конкретные практические рекомендации. Однако в отсутствие корректного понимания ценностей, которые стоят за этими рекомендациями, сложно уяснить, зачем эти рекомендации выполнять. Вероятно, этическая кодификация могла бы быть более эффективной в сочетании с мероприятиями, направленными на повышение общего уровня этического образования журналистов.

Проведенная нами работа, без сомнения, оставляет немалый задел для дальнейших исследований. Так, предложенный в нашей диссертации набор базовых нравственных ценностей журналистики является лишь одним из множества возможных. Как было показано в Главе I, разные авторы выделяют в качестве основных совершенно разные журналистские ценности. Связано это, в первую очередь, с проблемой нахождения «неделимого ядра» ценностей – основополагающих смысловых единиц, из которых могут быть выведены все другие ценности и подчиненные им принципы. Однако в понимании того, что можно, а что нельзя считать «неделимым ядром» журналистской нравственной ценности, существуют разночтения, и при выдвижении гипотез исследователям сложно избежать личных пристрастий. Следует отметить, что наш выбор основывается на анализе ограниченного объема материала: шести нормативно-этических документов и полутора десятка работ западных исследователей журналистской этики. Дополнительные ис-

следования нормативно-этических документов и теоретических работ по этике СМИ необходимы для того, чтобы приблизиться к консенсусу относительно базового набора нравственных ценностей журналистики. Применение использованного нами методологического подхода с привлечением нового материала для анализа, а также разработка альтернативных подходов к определению ценностного состава журналистской этики существенно обогатят теоретическую базу журналистской профессии.

Представленное нами содержание каждой из семи базовых нравственных ценностей журналистики также нуждается в дополнении и критическом анализе. В нашем рассмотрении мы опирались на избранные работы российских и зарубежных авторов, так или иначе связанные с каждой из выделяемых ценностей. Для более полного понимания содержания этих ценностей, однако, необходим не только более широкий обзор литературы, но и дополнительные исследования: контент-анализ этико-нормативных документов, призванный выявить подразумеваемые смыслы отраженных в них ценностей, социологические исследования журналистского сообщества, имеющие цель реконструировать представления самих журналистов о содержании нравственных ценностей, и т. д. Более подробная проработка вопроса о содержании базовых нравственных ценностей журналистики, во-первых, позволит четче сформулировать имеющиеся между ними противоречия, а во-вторых, будет полезна при составлении образовательных материалов для журналистов на тему этики. Последнее особенно важно, если принять предложенный нами выше вывод о необходимости повышения общего уровня этического образования журналистов как возможного способа решения третьей из выявленных нами проблем этической регуляции журналистской деятельности (наличие расхождений в понимании содержания базовых нравственных ценностей между некоторыми журналистами, с одной стороны, и теоретиками журналистики, с другой).

Наконец, еще одно направление для дальнейших исследований представляет собой разработка неохваченного в нашей диссертации вопроса о том,

как разрешать имеющиеся противоречия между нравственными ценностями и как отражать варианты этих решений в журналистских этических кодексах. Решение этих задач напрямую связано с отмеченной выше необходимостью более подробно проработать содержание каждой из базовых ценностей (так как противоречия между ценностями напрямую зависят от их содержания). Даже в том случае, если разрешение имеющихся противоречий между ценностями представится невозможным, проработка вопроса об обстоятельствах выбора журналистом тех или иных ценностей будет иметь большое значение для понимания особенностей журналистской этики и проблем функционирования журналистской деятельности. Дискуссия на тему того, как целесообразнее отразить знания об имеющихся противоречиях в журналистских этических кодексах, могла бы стать следующим шагом на пути решения второй из выявленных нами проблем этической регуляции журналистской деятельности (наличие противоречий между базовыми нравственными ценностями журналистики).

Теоретическая значимость нашего собственного исследования заключается в разработке комплексного подхода к анализу проблем этической регуляции журналистской деятельности. Этот подход может быть использован в дальнейших работах на эту тему, включая исследования по указанным выше направлениям. Полученные нами конечные результаты могут послужить отправной точкой для более широкой дискуссии на тему этической регуляции журналистской деятельности, в том числе, для поиска связанных с ней других – возможно, ускользнувших от нашего взгляда – проблем.

Практическая значимость работы состоит в том, что в рамках исследования был разработан своего рода инструментарий для анализа спорных этических ситуаций в журналистской практике. Список базовых нравственных ценностей журналистики способен помочь аналитикам и наблюдателям составить собственное мнение об этической составляющей действий или материалов того или иного журналиста, а журналистам – принять решение в сложной с моральной точки зрения ситуации. Выявление нами проблем эти-

ческой регуляции журналистской деятельности может стимулировать поиск путей их разрешения, что, в свою очередь, призвано сделать этическую регуляцию более эффективной. Результаты исследования также могут быть использованы при составлении учебных курсов по журналистской этике.

Библиография

1. *Авраамов Д.С.* Профессиональная этика журналиста. М.: Издательство Московского университета, 2003.
2. *Апресян Р.Г.* Новое эссе // Круглый стол Теоретического семинара сектора этики «Мораль: многообразие понятий и смыслов». 27.10.2012. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/27_11_2012/KS_Content.pdf (дата обращения: 24.09.2013).
3. *Апресян Р.Г.* Общественная мораль: развитие понятия // Общественная мораль / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009.
4. *Апресян Р.Г.* Феномен взаимности: коммуникативные и нормативные предпосылки исторического формирования морали // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 1.
5. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002.
6. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Том первый. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.
7. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2005.
8. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
9. *Бенвенуто С.* Чудовища по соседству // Credo New. 2010. № 2. URL: <http://credonew.ru/content/view/909/62/> (дата обращения: 20.08.2013).
10. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
11. *Берлин И.* Два понимания свободы // И. Берлин. Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001.
12. *Берлин И.* Стремление к идеалу // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: НЛЮ, 2001.
13. *Берлин И.* Четыре эссе о свободе. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.

14. Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // Постигая добро: сборник статей / Отв. ред. О.В. Артемьева, А.М. Прокофьев. М.: Альфа-М, 2013. С. 42–47.
15. Вакуленко Е.С., Цимайло В.В. Учет нелегальной миграции населения: методы и оценки // «Демоскоп Weekly». 26.09.2011–09.10.2011. № 479–480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/analit02.php> (дата обращения: 21.09.2013).
16. Ведомости. Выпуск двадцать пятый. Общепрофессиональная этика / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухов. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004.
17. Ведомости. Выпуск тридцать пятый, специальный. Парадигмы прикладной этики / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухов. Тюмень: НИИ ПЭ, 2009.
18. Верховский А.М. Общий анализ результатов мониторинга // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002.
19. Всеобщая декларация прав человека. Статья 1. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.08.2013).
20. Гартман Н. Этика. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002.
21. Гильдебранд Д. фон. Этика. СПб.: Алетейя, 2001.
22. Главные редакторы призвали себя к толерантности // Информационно-аналитический центр «Сова», 05.05.06. URL: <http://www.sova-center.ru/hate-speech/discussions/2006/05/d8116/> (дата обращения: 19.09.2013).
23. Главред MIT Technology Review о секретах успеха издания о технологиях // Digit.ru, 24.09.2013. URL: <http://digit.ru/it/20130924/405911561.html> (дата обращения: 09.10.13).
24. Гуревич П.С. Глобализация и мультикультурализм // Философия и культура. 2012. № 8 (56).

25. *Гусейнов А.А.* Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: РОССПЭН, 2011.
26. *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. М.: Гардарики, 2004.
27. *Дзялошинский И.М.* «...Прикладная этика представляет собой коммуникацию не только внутри сообщества исследователей, но и с теми, кто такую этику осваивает» // Ведомости. Выпуск тридцать шестой. Практичность морали, действенность кодекса / Ред. В.И. Бакштановский, Н.Н. Карнаухов. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010.
28. *Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И.* Российские СМИ: как создается образ врага. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2007.
29. *Дзялошинский И.М.* Этические аспекты коммуникативного взаимодействия // Этические проблемы организационной, профессиональной и межличностной коммуникации / Ред. М.А. Пильгун. М.: АПК и ППРО, 2012.
30. *Ивин А.А.* Аксиология. М.: Высшая школа, 2006.
31. Итальянский национальный институт статистики (ISTAT), 2011. URL: <http://www.stranieriinitalia.it/images/istat22set2011.pdf> (дата обращения: 20.08.2013).
32. *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.
33. *Казаков Ю.В.* Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: РОО «Центр “Панорама”», 2002.
34. *Казаков Ю.В.* На пути к профессионально правильному. Российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001.
35. *Казаков Ю.В.* Нормативно-ценностные основания саморегулирования профессионального сообщества журналистов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Тюмень, 2002.

36. *Коданьоне К.* Опыт иммиграционной политики Италии и некоторые уроки для России // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / Ред. Г. Витковская. Москва: Гендальф, 2002.
37. *Кожевникова Г.В.* Язык вражды после Кондопоги // Язык вражды против общества / Сост. А.М. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007.
38. Компоненты изменения численности населения России, 1927–2012, тысяч человек // «Демоскоп Weekly». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_components.php (дата обращения: 21.09.2013).
39. *Коновалова Л.В.* Прикладная этика. М.: ИФ РАН, 1998.
40. *Коскинэн Э.* «Они вели себя дерзко и вызывающе»: стратегии и тактики объяснения этнической ненависти. Анализ освещения расистского конфликта «Кондопога» в четырех крупнейших российских газетах // Университет г. Тампере. Отделение современных языков и переводоведения. Дипломная работа. Май 2010.
41. *Лазутина Г.В.* Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-пресс, 2000.
42. *Ламбет Э.Б.* Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М.: Национальный институт прессы, 1998.
43. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
44. *Латышева М.* Освещение конфликта в Кондопоге (Карелия) российскими средствами массовой информации // Отчет Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России. Сентябрь 2006.
45. *Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Борзунова Т.И.* Региональные аспекты российской иммиграции // Социологические исследования. 1998. № 6.
46. *Максимов Л.В.* Высшие ценности и мораль // Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика РАН А.А. Гусейнова / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009.

47. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2010.
48. *Малахов В.С.* «Национальная политика» как феномен политической речи // В.С. Малахов. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛО, 2007.
49. *Малахов В.С.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛО, 2007.
50. *Малькова В.К.* «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. М.: ИЭА РАН, МБПЧ, 2005.
51. *Малькова В.К.* Российская пресса и проблемы этнической толерантности и конфликтности // Толерантность.ру. URL: <http://www.tolerance.ru/Sog-ross-pressa.php?PrPage=SMI> (дата обращения: 21.09.2013).
52. *Малькова В.К.* Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы. Автореферат диссертация на соискание степени доктора исторических наук. М., 2006.
53. *Милль Дж.С.* О свободе // Дж.С. Милль. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Типография (быв). А.М. Котомина, 1882.
54. *Мильтон Дж.* Ареопагитика. Речь о свободе печати от цензуры, обращенная к парламенту Англии (1644). URL: <http://krotov.info/acts/17/2/milton.htm> (дата обращения: 05.10.2013).
55. *Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011.
56. *Назаретян К.* Журналистская этика: тенденции развития // Этическая мысль. Вып. 10 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2010.
57. *Общественная мораль* / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009.
58. *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения России в освещении центральных газет // Миграция и информация / Ред. Ж.А. Зайончковская. М.: РОО «Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ», 2000.

59. *Питерсон Т.* Теория социальной ответственности прессы // Ф.С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998.
60. *Прокофьев А.В.* Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006.
61. *Прокофьев А.В.* Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2006.
62. *Прокофьев А.В.* Справедливость социальная // Этика. Энциклопедический словарь / Ред. Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов. М.: Гардарики, 2001.
63. Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / Сост. Ю.В. Казаков. М.: Медея, 2004.
64. *Разин А.В.* Этика PR-деятельности // Общественная мораль / Ред. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009.
65. *Ролз Дж.* Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
66. *Сиберт Ф.С.* Либертарианская теория прессы // Ф.С. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998.
67. *Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т.* Четыре теории прессы. М.: Национальный институт прессы, 1998.
68. Статистическая служба Европейского союза (Eurostat). URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения: 20.08.2013).
69. *Титов В.Н.* О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы) // Социологические исследования. 2003. №11.
70. *Тихомиров А.В.* Проблемы колониализма и неоколониализма в истории России // Новая экономика. 2006. №7–8 (13–14).

71. Федеральное статистическое ведомство Германии (Statistisches Bundesamt). URL: <http://tinyurl.com/o4zc455> (дата обращения: 06.09.2013).
72. *Фромм Э.* Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.
73. *Шелер М.* Формализм в этике и материальная этика ценностей // М. Шелер. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
74. *Шохин В.К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: Изд-во РУДН, 2006.
75. *Щербакова Е.М.* Миграционный прирост населения России в январе–июне 2011 года, по сравнению с тем же периодом 2010 года, уменьшился на 43% // «Демоскоп Weekly». 26.09.2011–09.10.2011. № 479–480. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0479/barom01.php> (дата обращения: 21.09.2013).
76. *Щербакова Е.М.* Миграционный прирост населения России за 2011 год по новым правилам учета составил 320 тысяч человек, а по прежним – 107 // «Демоскоп Weekly». 05.03.2012–18.03.2012. № 501–502. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php> (дата обращения: 21.09.2013).
77. Этическая мысль. Вып. 12 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2012.
78. Язык вражды в российских СМИ (по информации «Фонда защиты гласности») / «Грамота.ру». URL: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_1036 (дата обращения: 21.09.2013).
79. Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. М.: ООО «Центр “Панорама”», 2002.
80. A Free and Responsible Press. A General Report on Mass Communication: Newspapers, Radio, Motion Pictures, Magazines, and Books. Chicago: The University of Chicago Press, 1947.
81. An excuse for a new wave of racism // Everyonegroup.com, 02.03.2009. URL:

- http://www.everyonegroup.com/everyone/mainpage/Entries/2009/3/2_A_case_of_rape_in_Rome_is_exploited_by_politicians_and_racist_patrols.html (дата обращения: 20.08.2013).
82. *Ainley B.* Black Journalists, White Media. Stoke-on-Trent: Trentham Books, 1998.
83. Alan Johnson says BBC should bar 'foul' BNP from Question Time // The Guardian Politics Blog, 16.10.2009. URL: <http://www.theguardian.com/politics/blog/2009/oct/16/alan-johnson-bnp-question-time> (дата обращения: 05.10.2013).
84. *Alleyne M.D.* Global Media Ecology: Why There Is No Global Media Ethics Standard // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009.
85. *Altschull J.H.* From Milton to McLuhan: The Ideas Behind American Journalism. NY: Longman, 1990.
86. Angriff auf die Sprache // Junge Freiheit, 31.03.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/archiv06/200614033124.htm> (дата обращения: 06.09.2013).
87. *Arant M.D., Meyer Ph.* Public Journalism and Traditional Journalism: A Shift in Values? // Journal of Mass Media Ethics. 1998. Vol. 13. № 4.
88. BBC defends BNP move amid protest // BBC News, 22.10.2009. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/8319596.stm (дата обращения: 05.10.2013).
89. BBC in turmoil over BNP Question Time invite // The Telegraph, 21.10.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/6399903/BBC-in-turmoil-over-BNP-Question-Time-invite.html> (дата обращения: 05.10.2013).
90. BBC rejects demands to bar Nick Griffin // The Times, 21.10.2009. URL: <http://www.webcitation.org/5khYXmPD1> (дата обращения: 05.10.2013).
91. *Bennett S., Ter Wal J., Lipiński A., Fabiszak M., Krzyżanowski M.* Media Content: Thematic Report 2011/02. San Domenico di Fiesole: European University Institute, 2011.

92. *Bertrand C.J.* Media Ethics & Accountability Systems. New Brunswick & London: Transaction Publishers, 2000.
93. BNP Question Time: in quotes // The Telegraph, 22.10.2009. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/6408007/BNP-leader-Nick-Griffin-on-Question-Time-in-quotes.html> (дата обращения: 05.10.2013).
94. *Campani G.* Migrants and Media: The Italian Case // Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference / Ed. by R. King., N. Wood. London: Routledge, 2001.
95. *Christians C.G., Cooper T.W.* The Search for Universals // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009.
96. *Christians C.G., Ferré J.P., Fackler M.* Good news: Social ethics and the press. N.Y.: Oxford University Press, 1993.
97. *Colombo A., Sciortino G.* Italian immigration: the origins, nature and evolution of Italy's migratory systems // Journal of Modern Italian Studies. 2004. Vol. 9. № 1.
98. Comment / BBC is correct to give platform to far-rightist // Haaretz, 23.10.2009. URL: <http://www.haaretz.com/news/comment-bbc-is-correct-to-give-platform-to-far-rightist-1.5587> (дата обращения: 05.10.2013).
99. *Craig D.A.* Justice as a Journalistic Value and Goal // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009.
100. DJV-Bundesverband unterstützt 'Journalisten gegen Rassismus'. Pressemitteilung vom 20.06.2005. URL: <http://tinyurl.com/l93cszt> (дата обращения: 06.09.2013).
101. DJV gibt Startschuss für Sprachfibel gegen Rassismus. Pressemitteilung vom 17.03.2006. URL: <http://tinyurl.com/kpnnnds> (дата обращения: 06.09.2013).
102. *Dumitru E.* Romanians in the Italian Newspapers: Image, Reality and Media Impact // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2011. Vol. 3. № 2.
103. *Elliott D.* All Is Not Relative: Essential Shared Values and the Press // Journal of Mass Media Ethics. 1988. Vol. 3. № 1.

104. *Elliott D.* Essential Shared Values and 21st Century Journalism // The Handbook of Mass Media Ethics / Ed. by L. Wilkins, C.G. Christians. NY: Routledge, 2009.
105. Ethnic Minorities and the Media // Journal of Ethnic and Migration Studies. 1975. Vol. 4. № 4.
106. *Geißler R.* Mediale Integration von ethnischen Minderheiten. Der Beitrag der Massenmedien zur interkulturellen Integration // WiSo Diskurs. Zur Rolle der Medien in der Einwanderungsgesellschaft. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2010.
107. *Greenslade R.* Seeking Scapegoats. The coverage of asylum in the UK press. London: Institute for Public Policy Research, 2005.
108. *Hafez K.* Journalism Ethics Revised: A Comparison of Ethics Codes in Europe, North Africa, the Middle East, and Muslim Asia // Media Ethics in the Dialogue of Cultures / Ed. by K. Hafez. Hamburg: Deutsches Orient-Institut, 2003.
109. *Hamburger J.* John Stuart Mill On Liberty and Control. New Jersey: Princeton University Press, 1999.
110. *Hanretty C., Hermanin C.* Nominalisation as Racialisation in the Italian Press // Bulletin of Italian Politics. 2010. Vol. 2. № 2.
111. *Hayes D.* From aliens to asylum seekers: a history of immigration controls and welfare in Britain // From Immigration Controls to Welfare Controls / Ed. by S. Cohen, B. Humphries, E. Mynott. Routledge: London, 2002.
112. *Hayes A.S., Singer J.B., Ceppos J.* Shifting Roles, Enduring Values: The Credible Journalist in a Digital Age // Journal of Mass Media Ethics. 2007. Vol. 22. № 4.
113. *Herrscher R.* A Universal Code of Journalism Ethics: Problems, Limitations, and Proposals // Journal of Mass Media Ethics. 2002. Vol. 17. № 4.
114. *Johnstone J.W.C., Slawski E.J., Bowman W.W.* The Professional Values of American Newsmen // The Public Opinion Quarterly. 1972–1973. Vol. 36. № 4.

115. *Joppke C.* Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1999.
116. *Kaplar R.D., Maines P.D.* The Government Factor. Undermining Journalistic Ethics in the Information Age. Washington: Cato Institute, 1995.
117. Keeping Nick Griffin off air is a job for parliament, not the BBC // The Guardian, 21.10.2009. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/oct/21/question-time-bbc-bnp-griffin> (дата обращения: 05.10.2013).
118. *Laitila T.* Journalistic Codes of Ethics in Europe // European Journal of Communication. 1995. Vol. 10. № 4.
119. *Martin P.L.* Germany: Reluctant Land of Immigration // Controlling Immigration: A Global Perspective / Ed. by W.A. Cornelius, P.L. Martin, J.F. Hollifield. Stanford: Stanford University Press, 1994.
120. *Matsuda M. J., Lawrence III Ch. R., Delgado R., Crenshaw K. W.* Words That Wound. Critical Race Theory, Assaultive Speech, and the First Amendment. Boulder: Westview Press, 1993.
121. *McQuail D.* Media Performance: Mass Communication and the Public Interest. London: SAGE, 1992.
122. Memorandum zur Initiative «Journalisten gegen Rassismus» // URL: <http://www.allmystery.de/dateien/pr29884,1187554023,Memorandum27.03.06.pdf> (дата обращения: 06.09.2013)
123. *Merrill J.C.* Journalism Ethics: Philosophical Foundations for News Media. Boston: St. Martin's press, 1997.
124. *Morrison L.* A Century of Black Journalism in Britain. A Kaleidoscopic View of Race and the Media (1893–2003). London: Truebay Limited, 2007.
125. Nick Griffin: 'Question Time will be a political blood sport' // The Independent, 22.10.2009. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/nick-griffin-question-time-will-be-a-political-blood-sport-1807144.html> (дата обращения: 05.10.2013).

126. Rape inquiry sheds light on racism in Italy // Times of Malta, 16.03.2009.
URL: <http://www.timesofmalta.com/articles/view/20090316/world/rape-inquiry-sheds-light-on-racism-in-italy.249065> (дата обращения: 20.08.2013).
127. *Roberts C.* Identifying and Defining Values in Media Codes of Ethics // Journal of Mass Media Ethics. 2012. Vol. 27. № 2.
128. *Rorty R.* Truth and Progress: Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
129. *Ruhrmann G.* The Stranger. Minorities and Their Treatment in German Media // The Mission. Journalism, Ethics and the World / Ed. by J.B. Atkins. Ames: Iowa State University Press, 2002.
130. *Rupar V.* Getting the Facts Right. Reporting Ethnicity and Religion. Brussels: International Federation of Journalists, 2012.
131. *Sarrazin Th.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.
132. *Schulman R.* Media in a values muddle // Journal of Mass Media Ethics. 1986. Vol. 2. № 1.
133. «Solche Beschwerden kommen eher selten vor». Interview von Ella Wassink, Mitarbeiterin der Geschäftsstelle des Deutschen Presserates // URL: <http://www.info-rechtsextremismus.de/index.php/faqs/presserat/interview-pressekodex/> (дата обращения: 06.09.2013).
134. Sprachzensur // Junge Freiheit, 07.04.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/online-archiv/file.asp?Folder=06&File=200615040702.htm> (дата обращения: 06.09.2013).
135. *Statham P.* United Kingdom (UK) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995–2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.
136. *Steiner L., Okrusch Ch.* Care As a Virtue for Journalists // Journal of Mass Media Ethics. 2006. Vol. 21. № 2–3.

137. *Ter Wal J.* Italy (IT) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995–2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.
138. The BNP on Question Time is the wrong party on the wrong programme // The Guardian, 15.10.2009. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2009/oct/15/bnp-question-time-bbc-griffin> (дата обращения: 05.10.2013).
139. *Traber M.* Conclusion: An Ethics of Communication Worthy of Human Being // Communication Ethics and Universal Values / Ed. by C.G. Christians, M. Traber. Thousand Oaks: SAGE, 1997.
140. *Trebbe J., Köhler T.* Germany (DE) // Racism and Cultural Diversity in Mass Media. An overview of research and examples of good practice in the EU Member States, 1995–2000 / Ed. by J. ter Wal. Vienna: European Research Centre on Migration and Ethnic Relations, 2002.
141. *Van Dijk T.A.* Racism and the Press. London and New York: Routledge, 1991.
142. *Viall E.K.* Measuring Journalistic Values: A Cosmopolitan/Community Continuum // Journal of Mass Media Ethics. 1992. Vol. 7. № 1.
143. *Wagner C.* Diskriminierende Darstellungen von MuslimInnen in deutschen Medien // Rassismus & Diskriminierung in Deutschland. Dossier. Berlin: Heinrich Böll Stiftung, 2010.
144. *Ward S.J.A.* The Invention of Journalism Ethics: The Path to Objectivity and Beyond. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2006.
145. *Ward S.J.A.* Truth and Objectivity // The Handbook of Mass Media Ethics. Wilkins L., Christians C.G., Eds. NY: Routledge, 2009.
146. Weg in die Erziehungsdiktatur // Junge Freiheit, 31.03.2006. URL: <http://www.jf-archiv.de/archiv06/200614033108.htm> (дата обращения: 06.09.2013).
147. *White A.* To Tell You the Truth. The Ethical Journalism Initiative. Brussels: International Federation of Journalists, 2008.

Нормативно-этические документы:

1. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL: <http://www.ruj.ru/about/codex.htm> (дата обращения: 05.10.2013).
2. Этический кодекс Американского общества редакторов новостей (ASNE). URL: <http://asne.org/content.asp?pl=24&sl=171&contentid=171> (дата обращения: 05.10.2013).
3. Этический кодекс «Би-би-си». URL: <http://www.bbc.co.uk/editorialguidelines/guidelines> (дата обращения: 05.10.2013).
4. Этический кодекс британского Национального союза журналистов (NUJ). URL: <http://www.nuj.org.uk/about/nuj-code/> (дата обращения: 05.10.2013).
5. Этический кодекс Национальной федерации итальянской прессы и итальянского Национального совета ордена журналистов. URL: http://ethicnet.uta.fi/italy/charter_of_duties_of_journalists (дата обращения: 05.10.2013).
6. Этический кодекс Немецкого совета по прессе. URL: http://www.presserat.info/uploads/media/Pressekodex_2013_01.pdf (дата обращения: 06.09.2013).
7. Этический кодекс Международной федерации журналистов (IFJ). URL: <http://www.ifj.org/en/articles/ifj-declaration-of-principles-on-the-conduct-of-journalists> (дата обращения: 05.10.2013).
8. Этический кодекс Общества профессиональных журналистов (SPJ). URL: <http://www.spj.org/ethicscode.asp> (дата обращения: 05.10.2013).
9. Этический кодекс Общества профессиональных журналистов («Сигма Дельта Хи») 1973 года. URL: <http://www.spjvideo.org/quill/codedcontroversy/ethics-code-1973.pdf> (дата обращения: 05.10.2013).

10. Этический кодекс организации «Сигма Дельта Хи» 1926 года. URL: <http://www.spjvideo.org/quill/codedcontroversy/ethics-code-1926.pdf> (дата обращения: 05.10.2013).
11. Этический кодекс «Римская хартия». URL: http://www.epim.info/wp-content/uploads/2011/01/Carta-di-Roma_EN_.pdf (дата обращения: 20.08.2013).
12. Этический кодекс «Руководство по освещению расовых вопросов». URL: <http://www.nuj.org.uk/files/reportingrace.pdf> (дата обращения: 05.10.2013).